

В. Н. ЮДИН

Я НИКОГДА НЕ УМРУ

Нижне-Волжское
книжное
издательство

ПОДВИГ
СТАЛИНГРАДА
БЕССМЕРТЕН

В. Н. ЮДИН

Я НИКОГДА НЕ УМРУ

ВОЛГОГРАД 1980

9(с)272
Ю16

Рукопись рецензировал и одобрил
КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Художественное оформление серии
КОВАЛЯ В. Э.

КАК НАЧИНАЛАСЬ КНИГА

Однажды мне довелось выступать на читательской конференции в библиотеке Дома культуры Волгоградского судостроительного завода. После мне предложили познакомиться с материалами народного музея боевой и трудовой славы судостроителей. Заведующая усадила меня за свой стол, заваленный бумагами, и положила передо мной тонкую папку.

— Посмотрите!— сказала она.— Тут интересные документы. Не пригодятся ли для вашей работы?

Я открыл папку. Взгляд упал на два фронтовых треугольника. Бережно развернул их. Один — письмо сержанта Александра Смусева матери, в Сталинград. Другой — ей же — сообщал о гибели сына. В папке хранилась и фотография. С нее приветливо глядел паренек в парадной военной форме с артиллерийскими эмблемами на погонах и тремя медалями «За боевые заслуги».

— Письма и фотокарточку принесла Александра Павловна Смусева,— сказала заведующая музеем.— Показывала она нам последнее письмо от сына, с его рисунками, но в музей то письмо не отдала, бережно хранит у себя.

Сам участник Великой Отечественной войны, я знаю, что такое письмо с фронта и на фронт. К сожалению, время безжалостно к этим безыскусным, а потому еще более бесценным документам, в которых так искренне обнажена душа солдата.

Кажется, письмо — это личное и касается лишь автора и адресата. Но вчитайтесь в строки фронтового письма, и перед вами зримо, во весь рост встанет образ целого поколения, вы ощутите психологические истоки самоотверженности, мужества, презрения к смерти во имя жизни, во имя Победы, во имя свободы и независимости Родины.

Очень часто писались эти строки под вой снарядов и мин, перед самой атакой, которая для любого могла быть последней, огрызком карандаша на планшетке вместо стола, а то и прямо на колене. В такие минуты рукой водило лишь сознание своей ответственности за судьбу страны, своих близких и родных.

Мне захотелось узнать, о чем же писал этот весело глядящий на меня с фотографии парень перед последним для него боем? И на другой же день я отправился к Смусевым.

Первым, что я увидел, открыв дверь в их квартиру, был портрет солдата на стене — увеличенная копия фотографии, которая хранится в заводском музее.

Назвавшись, я изложил цель своего визита. Александра Павловна выдвинула ящик шкафа и достала целую связку писем — она лежала сверху, под руками, как предмет, которым постоянно пользуются.

— Мы и теперь с отцом часто перечитываем письма сына,— сказала Александра Павловна.— Почитаем — будто поговорим с ним, будто живой он.

— Сталинград защищал,— добавил Иван Дмитриевич.— Потом за Донбасс дрался. Там и медаль заслужил. В последнем письме сам прописал об этом.

Я развернул это последнее письмо. Ветхое, зачитанное, со стершимися словами на сгибах, но еще с четко проступавшими строками на пожелтевших листах, оно словно из последних сил держалось под натиском неумолимого времени, связывая погибшего сына с родителями, с их

жизнью. Оно было написано карандашом, наспех, похоже в окопе, перед боем. Спустя пять дней после этого старший сержант Александр Смусев погиб.

25.8.43 г. **Александре Павловне Смусевой, в Сталинград**

Мама, ваши письма я получил 24 августа, из которых узнал много нового.

А я живу по-прежнему, пока все в порядке. Питание хорошее. Денег тоже хватает, да на них здесь ничего и не купишь, так что деньги тут не нужны. Вот насчет зелени неважно. Арбузов, яблок и других фруктов я еще не видел.

Теперь пропишу обо всем новом. Первое, сообщаю, что можете меня поздравить с вступлением в кандидаты партии, а во-вторых, с правительственной наградой — медалью «За боевые заслуги».

Вы спрашиваете про мою должность. Был оружейным мастером, а в феврале поставили командиром орудия.

Мама, пишите, как живете, как отстраивается город, работают ли заводы?

Вместо фотокарточки вот тут я нарисовал вам свой портрет и обвел свою левую руку. А как будет фотокарточка, я вам ее пришлю.

Ваш сын А. Смусев.

На обороте старший сержант изобразил себя стриженым, строгим, с гвардейским значком и медалью на гимнастерке. «Автопортрет» был совсем не похож на изображение, глядевшее со стены. Саша Смусев, как писал, успел заслужить лишь одну боевую медаль. И не успел прислать с фронта ни одной фотографии. Откуда же взялся его портрет в парадной форме и с тремя медалями? Выяснить это у Александры Павловны и Ивана Дмитриевича мне показалось неудобным, и я обратился к их дочери Валентине Ивановне. Она раскрыла историю этого портрета.

...Не получая долго писем от сына, Иван Дмитриевич послал на фронт тревожный запрос. И вскоре пришел ответ.

15.9.43 г. **Смусевым, в Сталинград**

Дорогой Иван Дмитриевич! Письмо, в котором вы просите рассказать о вашем сыне, я получил. Пишу вам все подробно.

После двухмесячного отдыха нас опять направили на передовую. 18 августа началось наступление. Фронт был прорван, и мы подошли к господствующей высоте, занятой немцами, так называемой Саур-Могиле. Здесь завязались кровопролитные бои. Немец, пытаясь вернуть потерянные рубежи, бросал в бой большие силы пехоты, танков и своих знаменитых «фердинандов» (самоходные орудия). Бой одновременно шел в районе трех курганов. Правей Саур-Могилы немец переходил несколько раз в контратаку. Для поддержки нашей пехоты были выставлены все батареи. В одной из них находился ваш сын. К вечеру 30 августа немец пехотой и «фердинандами» усилил натиск. Батарея открыла огонь прямой наводкой. Вражеские самоходки заметались и скрылись за бугром и оттуда начали обстреливать наши огневые позиции. Вражеская атака разбилась о стойкость наших артиллеристов. Но ваш сын погиб у своего орудия...»

Мать долго не верила в гибель сына и надеялась, что он вернется домой. Даже «похоронка», скупая и жестокая, не погасила надежду в материнском сердце. И только после того, когда Александру Павловну пригласили в военкомат и вручили пакет, присланный на ее имя с фронта, она поняла, что Саши нет. В пакете оказалось то, что было найдено в карманах убитого сына: пятьсот рублей — сержантское жалование за все время, пока он командовал орудием, семейная фотокарточка, которую мать послала сыну еще в начале лета, и его фронтовая расческа, алюминиевая, грубоватая, какие солдаты на фронте делали сами из старого котелка или фляжки. У других, кто вернулся с фронта, мать видела такие же самодельные алюминиевые портсигары. А у Саши, наверно, портсигара не было. Не было и его фронтовой фотографии в сержантской форме, при боевой медали и гвардейском значке. Сфотографироваться в тех условиях он, к сожалению, так и не успел.

Дома, на стене, висела лишь маленькая его довоенная карточка, на которой он был снят в пиджаке, в белой сорочке, будничным, юным, неоперившимся. А ведь он прошел фронт, стал

воином, боевым командиром. Возмужал, посуровел. Как она гордилась им, читая его письма, пересказывая их знакомым! Как радовалась его мужеству! Мысленно она рисовала его облик: суровый, плечистый, затянутый в солдатский мундир и перепоясанный ремнем, в черных погонах с золотой широкой лычкой, с медалью на груди. Таким она ждала его с фронта. Но образ этот возникал и тут же исчезал, как призрак. Им нельзя было любоваться и утешаться. А она хотела, чтобы ее единственный сын, герой войны, всегда был с ней, в ее доме...

А тут опять пригласили Александру Павловну в военкомат.

— Вот, мать!— сказали ей.— Пришли еще две фронтовые награды сына, еще две медали. Гордись героем...

— Сын-то погиб,— прошептала она.— Мне, что ли, отдадите?

— Да нет,— удрученно произнес офицер,— сообщить вот сообщили, а передать награды сына не можем, не положено.

То ли забыл пояснить, какие именно пришли медали Смусеву, то ли мать в горе запамятовала название медалей. Но, возвращаясь из военкомата домой, несла Александра Павловна в сердце печаль и радость. И радость вроде бы пересиливала кручину. Вон каким был ее сынок-то! За одно лето, да что за лето, похоже, только за один месяц, за тот памятный август, с предпоследним днем которого оборвалась его жизнь, заслужил он три награды, три боевые медали! Трижды отметили!..

И она решилась. Не сказав ни слова мужу, отнесла фотографу довоенную, штатскую карточку сына и последнее его письмо с автопортретом. Старый мастер догадался, зачем пришла мать. И он исполнил ее желание с усердием, на какое был способен. Через несколько дней она водрузила на самом видном месте большой портрет сына — в парадном мундире, с погонами старшего сержанта и тремя медалями на груди. Теперь

душа ее встала на место. Сын отныне был с нею таким, какого она ждала с войны.

Шли годы. Обзавелись семьями дочери и ушли из родительского дома. Появились внуки. Подступала старость. Мать по-прежнему хранила письма сына, незатейливые и милые его мысли и вести с фронта, в них он продолжал жить, навсегда оставшись в своей юности.

Правда, пакетик с письмами год от года становился все тоньше. Несколько раз мать ездила в Донбасс на могилу сына и передала часть его фронтовых писем в школьный музей в Шахтерске. Два письма заняли место в музее трудовой и боевой славы судостроительного завода. А некоторые письма потерялись. Пропал и последний лист письма Сашиного командира, в котором он со всеми подробностями описал героическую гибель орудийного расчета старшего сержанта Александра Смусева, отважно вступившего на склонах Саур-Могилы в поединок с вражескими «фердинандами».

Так и отошло в неизвестность имя того командира, отдавшего последнюю почесть своему юному другу.

...Вместе с письмами хранилась и трудовая книжка Александра Смусева. Она содержала короткую хронику его жизни.

В трудовой книжке Александра Смусева всего три записи.

Закончил он семилетку и стал искать дело по душе. Пилил лес в займище, работал в ремонтных мастерских, косил сено в совхозе. Отец, слесарь судоверфи, сказал:

— Иди, сын, на завод. В рабочий коллектив. И ремеслу там тебя хорошему научат и человеком сделают.

И 16 ноября 1940 года Саша пришел с заявлением в отдел кадров судоверфи. В тот же день его зачислили помощником слесаря и выписали трудовую книжку.

В восемнадцать лет он стал квалифицированным металлистом. Перед новым, 1942 годом в

его трудовой книжке сделали вторую запись: «Переведен слесарем».

С началом войны судоверфь стала военным заводом. В цехе собирали танки. Саше с товарищами поручили устанавливать на них башни. Его старание, строгую взыскательность к своему собственному труду заметили и вскоре перевели на полигон, испытателем броневой оснастки танков, приставили, по заводским понятиям, к сверх ответственному делу. Тут он не только основательно изучил свойства танковой брони, но попутно освоил и танковое вооружение и мог при случае устранить любую неисправность у пушки или пулемета.

Как и другие, он рвался на фронт. Отца и сына Смусевых высоко ценили на заводе. На Ивана Дмитриевича на все время войны наложили «бронь», а сына удержать не могли. И 3 мая 1942 года в трудовой книжке Александра Смусева появилась третья и последняя запись: «Уволен в виду ухода в РККА».

Пройдя в армии короткое военное обучение, Александр был назначен оружейным мастером. Боевое крещение получил под Миллерово. Он ремонтировал, собирая иногда буквально из груды искореженного металла, разбитые в боях пушки и минометы. Числился в оружейной ремонтной команде, но фронт кипел, бурлил, кружился, как ревущий водоворот, и оружейным мастерам нередко приходилось самим выкатывать только что восстановленные пушки на огневые позиции и отражать яростные атаки врага, рвавшегося к Волге. Перед воспаленными от бессонных и тревожных ночей глазами Саши вставал красавец Сталинград, тихий и уютный, укрытый тополями и кленами домик на улице Тельмана, что в Красноармейске. Напряжение боев не оставляло времени даже для короткого письма домой. И первый свой солдатский треугольник он отправил лишь после того, как его часть, измотанная и поредевшая в многодневном сражении, вышла на отдых.

* * *

27.7.42 г. **Смусевым, в Сталинград**

Здравствуйте, дорогие папа и мама и сестрицы Валя, Маня и Нина.

Сообщаю, что нахожусь в Песковатке, в 8 км от Дубовки, но скоро переедем к Ленинску, это 60 км от Сталинграда. Живем пока ничего, но хлеба мало.

От вас ничего не получаю и не знаю, живы ли вы все или нет. Как пришлю свой адрес, так сообщите мне про себя и про знакомых ребят.

Писал ваш сын А. Смусев.

4.8.42 г.

Папа, я вам послал уже 4 письма, а в последнем писал, чтобы приезжала ко мне мама. Но сейчас прошу, чтобы вы не ездили ко мне, потому что нахожусь напротив Сталинграда, на другом берегу Волги, в Красной Слободе. Если опять уедем в Ленинск, я вам сообщу. Не беспокойтесь обо мне.

14.11.42 г. **Александре Дмитриевне Зверевой, в Покровку Ленинского района Сталинградской области**

Здравствуйте, тетя Шура и ваши детки! Сообщаю вам про свою жизнь. Живу неплохо, но ни от кого писем не получаю и не знаю, доходят ли мои письма. Пишу вам, чтобы вы дали адрес моих родителей, а если не знаете, то пишите мне сами письма. Мой адрес: полевая почта 2142, часть 644, Смусеву Александру Ивановичу.

Саша писал тревожные письма домой, в Сталинград, но ответа не было. Он беспокоился о судьбе близких и терялся в догадках. Но некому было отписать ему, что с середины августа вражеская авиация начала ожесточенные бомбежки Сталинграда и однажды фашистские самолеты налетели и на беззащитный Красноармейск. Поселок утонул в грохоте и всплесках бомбовых разрывов и запылал пожарами, которые некому было тушить. Женщины и старики, оставшиеся к тому времени в поселке, спасая детей от огня и бомб, прихватив лишь самое необходимое, кто на чем переправлялись через Волгу, прочь из огненного ада.

Взрывом вышибло стену у домика Смусевых. К счастью, никто не пострадал. Александра Пав-

ловна наспех собрала девочек и тоже кинулась на пристань. И не успела сообщить мужу о своем внезапном уходе. А Иван Дмитриевич не смог проводить семью, потому что в те дни был приставлен на волжском берегу к крупнокалиберному пулемету и охранял переправу, по которой эвакуировался завод.

Немало дней скиталась Александра Павловна по разбитым и запруженным дорогам Заволжья, пока добралась до Покровки, где и нашла приют в семье сестры мужа. Отсюда и написала о своих злоключениях сыну на фронт.

* * *

24.1.43 г. **Сергею Ильичу Звереву, в Покровку**

Здравствуйте, папа и мама и сестрицы Валя, Маня и Нина! Наконец получил от вас письмо. Пропишу немного про свою жизнь. Одеты мы хорошо. Дали нам валенки, фуфайки, ватные брюки, шапки, рукавицы. Работаю я на должности командира орудия, но только в другой батарее. Были в Элисте, а сейчас идем к Ростову.

Теперь у меня новый адрес: полевая почта 2142, часть 476.

Ваш Александр Смусев.

17.2.43 г. **Отцу, в Сталинград**

Папа! С каждым днем движемся вперед. Плохо только то, что в бане давно не были.

Пропиши мне, как у вас насчет питания. Как наш завод? Цел или нет? Как СталГРЭС?

Писал это письмо в дороге, на машине. Идем вперед и гоним немцев с нашей земли.

3.3.43 г. **Родителям, в Сталинград**

Это письмо я написал в тот день, когда исполнилось 11 месяцев, как я выехал из дома, бью немецких гадов.

Беспокоюсь все время: почему вы пишете мало писем? Ваша семья состоит из пяти человек, по одному письму мне — будет пять писем... Пишите, где живете, где работаете, как чувствует себя наш Сталинград?

Скоро май, величайший праздник. Нам праздновать придется на поле боя с вшивым фрицем. Но это ничего. Будем живы, праздники справим после войны.

Ваш сын А. Смусев.

21.3.43 г.

Пишу вам почти каждый день. Ребята смеются, говорят: «Кто у тебя их читать будет?» А я говорю: «Было бы что, а читаки найдутся».

Папа, пропиши, сильно ли разбит наш Сталинград? Вы пишете, что теперь работаете на станции Сарепта, а в качестве кого — не пишете. Работают ли мама, Валя?

Валя, я прошу тебя, не увлекайся личными делами, а помогай родителям и нам, фронту, для разгрома немецких гадов. А вы, Маня и Нина, слушайтесь маму и папу и помогайте им в работе.

* * *

Судоверфь эвакуировалась в глубь страны. На восток увезли самое ценное оборудование, уехали специалисты. Иван Дмитриевич тоже был назначен в эвакуацию, но он до последнего не покидал свой пост у пулемета и опоздал на последнюю баржу. Однако не огорчился и даже обрадовался, что остался в родном Сталинграде защищать город. Его послали на железнодорожную станцию Сарепта, на топливный склад, заправлять паровозы. Тут Иван Дмитриевич и встретил день Победы. Он писал сыну о том, как выстоял Сталинград, о первых мирных днях истерзанного города, о своей новой работе. Но не следовало сетовать на почту в то время...

* * *

24.3.43 г.

Папа, письма я получаю только от вас, а от родных и знакомых хоть бы пустой конверт получить, и то бы я знал, что родные еще про меня не забыли.

Немца мы бьем, и любо смотреть, как он драпает. И я, мама, спешу сообщить тебе радость: прошагав несколько сот километров с востока на запад с боями, решил вступить в ряды ВКП(б), и тем самым я взял на себя больше обязанностей, чтобы еще крепче бить врага и гнать его с нашей родной земли.

Валя, передай привет всем девчатам и ребятам.

Александр.

17.5.43 г.

Папа, 16 мая я получил ваше письмо, которое было написано на заместителя командира по политчасти и из которого мне стало ясно, что вы не получаете от меня писем с 14 ноября 1942 г. Но от вас я получил недавно два письма и вам пишу часто.

Папа, 15 мая я смотрел картину «Сталинград», в которой увидел, в каком состоянии находится наш город. И от этой

картины мне стало так тяжело, что я несколько ночей не мог уснуть.

Из вашего письма видно, что сестра Маруся работает в госпитале. А что она там делает и сколько ей платят — мне тоже интересно знать. А о Нине мне стало ясно, что она и тогда была ленивая, и по письму она тоже такая. Нина, у меня к тебе просьба: слушайся папу, и маму, и старших сестриц. Если ты не будешь их слушаться, то я, когда приеду, буду говорить с тобой иначе, чем с теми, которые слушаются и помогают родителям.

Смусев Ал. Ив.

Александра Павловна вернулась с дочерьми сразу же, как только закончились бои в Сталинграде.

Отец жил в казарме при станции. Мать с девочками приютил сосед.

Семнадцатилетняя Валя определилась в госпиталь, который располагался в 62-й школе, и работала санитаркой. Вскоре туда же поступила и Мария, которой не исполнилось еще и пятнадцати лет. Дома с матерью оставалась двенадцатилетняя Нина. Брат напрасно упрекал ее в лени. Она помогала матери по хозяйству: ходила за коровой, работала на огороде, занималась стиркой. А мать вместе с другими сталинградками разбирала руины, принимала эшелоны с ранеными; дел хватало всем...

Холодно и голодно было в разрушенном и сожженном городе. Но недаром говорят: на родной земле и пепел греет. Помогая друг другу, сталинградцы обстраивались, возводили времянки, оборудовали под жилье блиндажи и пускали в работу уцелевшие станки, раздували остывшие топки. К весне Иван Дмитриевич переселился к семье в кое-как залатанный домик. Регулярно писал сыну на фронт о городских новостях, но не старался расписывать переживаемые семьей невзгоды: разве сыну на фронте легче было? Вскоре открылась в поселке фотография, и Смусевы поспешили сняться для сына и брата, засвидетельствовать ему, что все они живы и здоровы...

24.5.43 г.

Мама, 23 мая я получил от вас фотокарточку, которой был так рад, даже не знал, за что браться и что делать.

Смотрел на карточку и сразу не мог угадать папу — до того он стал худой. По карточке я определил вашу жизнь, живете вы неважно...

13.6.43 г.

Мама, вчера получил от вас 9 писем и, конечно, обрадовался. Живу я ничего. Мы сейчас находимся на отдыхе, изучаем военное дело, чтобы в дальнейшем бить врага еще крепче.

Вы пишете: «Если нужны деньги, то пришлем». Я вас прошу, обо мне не беспокойтесь. Деньги у меня есть, табаку нам дают, так что мне всего хватает. Только фотокарточку не могу вам выслать — обстановка не позволяет и негде сфотографироваться.

Передай всем мой гвардейский привет.

Ваш сын А. Смусев.

23.7.43 г.

Мама, сообщаю немного о своей фронтовой жизни. Живу я ничего, питание хорошее. Письма от вас и товарищей тоже получаю.

Вы просите почаще писать, но не обижайтесь — времени у меня сейчас очень мало. Когда был на отдыхе — писал чаще, а сейчас — нет времени...

21.8.43 г. **Сестре Валентине, в Сталинград**

Здравствуй, Валя! Твое письмо получил и был так рад, что не стал завтракать и сразу же сел читать его. Из письма узнал, что жизнь в Сталинграде налаживается. Вы уже ходите в клуб, в садик. А у нас тут — боевая обстановка, клубов нет, кругом голое поле. И до передовой рукой подать.

Валя, ты спрашиваешь, почему мало пишу знакомым девушкам и что они обижаются. Писал бы каждый день, да некогда. После войны буду писать больше.

Твой брат Саша.

* * *

Некоторые письма Александра Смусева уже нельзя было прочесть. Написанные карандашом, они угасли и обветшали от времени.

Перебирая письма Александра Смусева, бесценные документы военных лет, живые свидетельства подвига одного из рядовых воинов Сталинграда, я подумал, что их, как и многие другие фронтовые письма, хранящиеся в семьях, в музеях, комнатах боевой славы, надо опубликовать и тем самым сохранить для потомков.

Письмо — это откровение. А письма с фронта были не только откровением, но и каждое — завещанием, документом, запечатлевшим состояние человеческой души в период крутых поворотов истории.

Кто искреннее и достовернее самого солдата может рассказать о войне, о выпавших на его долю испытаниях, о рождении в душе отчаяния и отваги, о горестях утраты и радостях победы, о высокой и неодолимой силе любви и ненависти, о высоком нравственном долге?

«Треугольники» с фронта — самые беспристрастные свидетели военных событий, истоков подвига. Адресованные близкому, любимому человеку, они пронизаны чувствами и мыслями, которыми жили отцы, мужья, сыновья и дочери на фронте, по соседству со смертью. И ныне, в таком отдалении от лихих лет войны, фронтовые письма приобретают значение реликвий, не имеющих цены.

Идут годы, время неумолимо и безжалостно истребляет эти реликвии. Мы, живущие сегодня, обязаны перед памятью павших, перед беспримерным героизмом отстоявших свободу и независимость нашей социалистической Отчизны сохранить каждое письмо с фронта, каждую строку, написанную под грохот войны.

Так родился замысел этой книги. И я начал поиски писем участников Сталинградского сражения...

ГОРЯЧИЕ ДНИ, ТРЕВОЖНЫЕ НОЧИ

Этот очерк не о подвигах славной дивизии Батюка, той самой, которая в огненном Сталинграде 1942-го дралась за господствующую высоту — Мамаев курган. Речь пойдет о ее командире. И скажет о себе он сам, точнее, его письма, написанные им в те дни, и одно, отправленное тому же адресату уже после того, как на сталинградских улицах затихли последние выстрелы и фронт ушел от Волги далеко на запад. Конечно, придется коснуться и обстоятельств, имевших к тем письмам прямое отношение.

I

Вагон мерно постукивал на стыках и слегка раскачивался. Его обитатели большую часть времени отсыпались, отдавшись во власть неторопливому бегу колес. За окном лениво мелькали телеграфные столбы и нескончаемо тянулись мокрые провода, плыли, кружась, на горизонте то отдыхающие от недавней страды желтые нивы, то изумрудно зеленая, наливающаяся соками озимь. Лишь изредка, оживляя однообразный пейзаж, пробегали рощицы, веселые и пестрые, словно вырядившиеся к празднику, покорно ложились под колеса серебряные ленты речек. Все вокруг дышало миром и покоем, и трудно было поверить, что, неумолимо отсчитывая километр за километром, вагон нес своих пассажиров к ру-

бежам, где над такой же степью висит ревущее, вспоротое, застланное дымом небо и стонет под яростными взрывами и огненными сполохами изрытая и истерзанная земля, где в неистовом разгуле смерти смещено время и нет ни сна, ни отдыха.

Батюк подсел ближе к окну, щелкнул кнопками новенькой планшетки, извлек из гнезда остро отточенный карандаш и раскрыл полевую книжку. По давней привычке сначала поставил дату — 12.9.42 г., затем на четкие линейки легли слова:

«Привет, золотая жена и дети!

Я еду туда, куда и предполагал. Настроение хорошее...»

Батюк посмотрел в окно, проводил глазами одиноко ползущий, похожий на жука, трактор в черной борозде, перевел взгляд на сладко спящего напротив адъютанта и опять наклонился над письмом:

«...Задачи, которые теперь стоят передо мной, я думаю, решу так, как и раньше решал. Свое дело сделаю... отдам Родине все, что умею и сколько могу...»

Вот скоро уже год, как он командовал дивизией. Сам сформировал ее в Томске. В основном томские рабочие и колхозники составили ее костяк. Всю первую военную зиму солдаты и офицеры в метели и морозы на полигонах настойчиво и терпеливо изучали военное ремесло. Вчерашние каменщики, металлисты, конторщики, хлебопашцы, умудренные житейским опытом, совсем юные парни, только что расставшиеся со школьными учебниками, постигали тактику современного боя, втягивались в трудное солдатское бытие.

В начале апреля дивизия погрузилась в эшелоны и отправилась на фронт. Ехали быстро и благополучно прибыли в пункт назначения — на станцию Ливны, близ Орла. Расположились по окрестным деревням, в 7—10 километрах от пе-

реднего края фронта. Получили оружие и боеприпасы и со дня на день ждали команды, чтобы занять боевые рубежи. Но дивизию держали в резерве. В конце мая ее перебросили под Касторную, овеянную легендарной славой еще в годы гражданской войны. Тут принялись строить узел обороны и вместе с тем продолжали обучение. Чувствовали: вот-вот все это понадобится.

Удивительно солдатское чутье! Предстоящее сражение еще разрабатывается где-то в штабах, а солдатская молва уже понесла по ротам и батареям слух: скоро в бой. Солдат заметно настраивается, подтягивается, становится сдержаннее, суровее, сосредоточеннее. Да и по тому, как увеличивается поток писем с фронта, солдаты принимаются за стирку и починку, начищают оружие и запасаются боеприпасами сверх нормы,— можно предсказать: скоро наступление. Только еще неизвестно — с чьей стороны. Но это уже деталь. Главное — ожидаются бои. Не нынче — завтра...

И 284-ю стрелковую дивизию Батюка немецкое наступление, начавшееся 1 июля, не застигло врасплох. Наступления ждали, но не могли, конечно, предвидеть, как сложатся обстоятельства и каких они потребуют решений.

Батюк был сравнительно молод — тридцати шести лет, в звании подполковника. Ему доверили крупное войсковое соединение — дивизию, усиленную танковым полком и полком гаубиц, зенитным дивизионом и дивизионом противотанковой артиллерии. Полагались на его хладнокровие, твердость, умение аналитически мыслить, на приобретенное в боях искусство, организаторский талант и личную отвагу.

Все это у него было. Пятнадцать лет армейской службы многому научили. Некогда неприметный с виду рабочий паренек встретил войну майором, командиром полка, с боевым опытом финской кампании.

1 июля, под Касторной, гитлеровцы, прорвав нашу оборону, подошли к рубежам 284-й стрел-

ковой дивизии. Начался бой — первый бой, превратившийся в долгое и тяжелое сражение. К концу четвертого дня на переднем крае и в глубине обороны дивизии было сожжено и разбито 156 танков и бронетранспортеров противника. Немцам не удалось отбросить полки Батюка с позиций, в которые они вгрызлись, словно стальными зубьями. Тут, под Касторной, дивизия Батюка показала несокрушимую стойкость, которая потом стала основной чертой ее боевого характера. Ни самой дивизии, ни какого-либо полка, ни даже роты из дивизии Батюка немцам ни разу не удавалось сбить с обороняемых рубежей. Солдаты Батюка могли отдать свои позиции врагу только по приказу.

Под Касторной, ни на шаг не продвинувшись в районе 284-й дивизии, немцы обошли ее с двух сторон и замкнули в кольцо. Два дня сибиряки вели круговой бой. А в ночь на 7 июля, сильным ударом опрокинув танковый заслон, дивизия устремилась вдоль железной дороги на север и на следующий день, не оставив врагу ни одного раненого, ни одной годной винтовки, вышла к нашим войскам.

В августе дивизию отвели в глубокий тыл, чтобы скорее пополнить, восстановить «штатную» боеспособность. Пополнение пришло отменное — две тысячи моряков с Тихоокеанского флота. Всего-то и успели лишь развести их по полкам да познакомить с боевыми традициями дивизии. 10 сентября снова погрузились в вагоны. И вот кончались вторые сутки пути. На Урале осталась в незнакомом городе неустроенная семья. Как они там?

«Устраивай, пожалуйста, детей, пусть учатся, им надо смотреть вперед.

Пиши письма по старому адресу».

Батюк усмехнулся: дивизия хоть и погрузилась опять на колеса, но полевая почта осталась при ней, едет в тех же эшелонах.

«...Пусть пишут дети, пиши ты, буду всем отвечать. Вы на меня не серчайте. Я на словах,

а может быть и на деле, сухой, черствый, но, поймите, у меня душа мягкая, ласковая, душа отца и мужа. Только я не умею выражать себя, не хочу быть тряпкой... и считаю, что это неплохо, пусть так воспитываются и дети...»

2

Второе письмо помечено 11 октября 1942 года. От предыдущего его отделяет месяц. За это время Николай Филиппович отправил семье еще несколько коротких весточек о себе, но они не сохранились. Сын Батюка Владимир Николаевич передал в Волгоградский музей обороны только пять писем — по одному из последних месяцев 1942 года.

Октябрьское письмо тоже написано карандашом. Хотя адъютанту, кажется, удалось раздобыть капельку густых фиолетовых чернил. Уже написанные карандашом слова Николай Филиппович принялся было обводить чернилами, но их хватило лишь на дату и две с половиной строчки.

«...Пишу я вам очень часто, а от вас пока писем нет.

Сегодня у меня что-то ночь тревожная, а поэтому сижу, читаю, песни пою, мечтаю про будущее, про Украину и решил писать, а когда пишу, мне кажется, что я с вами разговариваю.

Сейчас самолеты бомбят. От движения воздуха дух забивает. Противник стреляет светящимися пулями, ракеты бросает, как на маскараде. Я время от времени выхожу из землянки поглядеть на это зрелище. Пожары кругом, а позади большая река, воспетая в русских песнях. Иногда делается обидно, что много мы отдали русской земли. Но все равно враг будет уничтожен, в этом сомнения нет, и это вселяет силы, уверенность в будущее — в победу...

Сегодня мне повезло — у ног, в метре, упал снаряд, но не разорвался. Это у меня такой третий случай за войну...

Спать хочу, но где-то близко автоматчики трещат, надоедают...»

Спокойное письмо в тревожную и бессонную ночь. Что же это была за ночь? Что происходило на участке дивизии в первой половине октября 1942 года?

Прибыв в Камышин, дивизия Батюка, как и другие соединения, не мешкая, переправилась на левый берег Волги и степной стороной подошла к сражающемуся Сталинграду. Под утро 23 сентября полки дивизии ступили на сталинградский берег и с ходу бросились в бой. «Бывают моменты в жизни каждого человека, когда какой-нибудь день решает его судьбу,— вспоминал потом начальник разведки дивизии В. В. Графчиков*.— Так и день 23 сентября 1942 года был днем, когда решалась честь дивизии».

Батюк плыл на барже в Сталинград, имея боевой приказ. 284-я должна была, развернувшись правее 13-й гвардейской стрелковой дивизии, ударить по врагу и восстановить передний край, рассеченный немцами накануне в районе метизного завода.

Батюк редко рисковал жизнью и не позволял себе увлекаться азартом боя. Но если назревал тот редкий момент, когда присутствие командира дивизии в боевых порядках решало исход боя, он, не раздумывая, перемещал свой командный пункт на передний край. Первый бой в Сталинграде сразу же принял именно такой характер, и комдив устремился в атаку с передовым батальоном.

С барж высаживались под ураганным артиллерийским и минометным огнем, высвеченные десятками осветительных ракет. А на рассвете появились неприятельские самолеты. Шквал зажигательных бомб обрушился на баки нефтесиндиката и на стоявшие на его путях эшелоны с горючим. Воспламенившаяся нефть всепожираю-

* Его воспоминания, хранящиеся в Волгоградском государственном музее обороны, использованы в этом очерке.

щими языками хлынула к берегу, и солдатам Батюка пришлось отбиваться не только от танков и вражеских автоматчиков, прорвавшихся к берегу, но и от огненных потоков. Связь с полками все время нарушалась, однако Батюк твердо и решительно управлял боем, появляясь там, где возникала критическая обстановка.

Весь день кипел бой среди развалин и на изуродованной земле. Батальоны упрямо стремились вперед, отбили у врага метизный завод и, продвинувшись от берега Волги на целый километр, закрепились у юго-восточных скатов Мамаева кургана.

И в первый и в последующие дни фашисты давили на дивизию Батюка, чтобы сбросить ее в Волгу. Но им не удалось сдвинуть ее и на метр. В те первые дни в ротах и батареях дивизии принимали неизвестно кем сложенную, своеобразную клятву:

> Помни присягу святую свою!
> Будь беспощадным и стойким в бою!
> Трусы лишь погибнут, орлы — победят!
> Будем орлами, ни шагу назад!

3 октября газета «Красная звезда» писала о положении в Сталинграде: «Несколько раз фашисты бросались в атаку, но все их попытки прорваться вперед оказались тщетными. Подразделения, которыми командует тов. Батюк, отбили все атаки с большими для врага потерями. Под сильным огнем немцы вынуждены были поспешно отступить на исходные позиции».

Почти две недели, не затихая, кипел яростный бой на клочке сталинградской земли, занятом солдатами Батюка. Бывали дни, когда приходилось отбивать по 10—12 вражеских атак кряду.

Если сказать образно, все эти дни Батюк держал руку на пульсе сражения, выжидая часа, чтобы круто изменить его ход. Этот час наступил 1 октября. Дивизия, отбив последние, столь же яростные, но уже не очень уверенные и заметно ослабевшие натиски противника, сама принялась наносить удары, стремясь достичь вершины Ма-

маева кургана, который на штабных картах сухо именовался высотой 102. Напротив позиций 284-й укрепились две вражеские дивизии. Они организовали стойкую систему огня, захватив им все видимое впереди пространство. Немцы поистине «господствовали» не только над позициями дивизии Батюка, которые расстилались перед ними, как на ладони, но и над переправой через Волгу и расстреливали на воде суда и баржи, даже одиночные лодки и плотики с ранеными. Снабжение дивизии то и дело прерывалось. На вершине кургана, в водонапорных баках и бетонных сооружениях под ними сидели вражеские наблюдатели и корректировали огонь своей артиллерии и атаки авиации. И надо было любой ценой отбить у немцев эти «чертовы купола», как называли их солдаты, чтобы лишить противника не только «лупастых глаз», но и отнять у него инициативу на самом кургане.

Батюк бросил на штурм баков батальон старшего лейтенанта Алексея Логинова из полка, которым командовал подполковник Метелев, близкий друг Николая Филипповича. Батальон дважды врывался на Мамаев курган и захватывал баки, но не смог их удержать. Оба раза враг отбивал атаки с помощью авиации. Почти весь батальон полег на скатах кургана...

С 10 октября немцы опять усилили нажим. На командный пункт, который располагался в трубе, уложенной поперек дороги через овраг Банный, к Батюку привели пленных. Они сообщили, что Гитлер приказал взять Сталинград 14 октября и на штурм города брошено несколько свежих дивизий. Заметно возросли силы противника и на Мамаевом кургане. В штабе Батюка это скоро почувствовали. От атак Мамаева кургана и намерения захватить у немцев «чертовы купола» пришлось пока отказаться. Надо было позаботиться о том, чтобы удержаться на своих позициях. А тут, как на грех, немцы обнаружили, что в трубе через овраг расположен русский штаб, и предприняли попытку захватить его. На перемычку,

под которой лежала труба, сверху обрушился град бомб. Подступы к ней молотили мины и снаряды. Чтобы взрывными волнами не вышибло людей из трубы, Батюк приказал заложить оба ее конца заборами из бревен. Почти каждый артналет на трубу сопровождался атакой автоматчиков, и офицеры штаба дивизии во главе с подполковником А. К. Садовским, рота разведки, комендантский взвод, ординарцы вынуждены были занимать оборону вокруг штаба и отбиваться чуть ли не врукопашную. Особенно опасными были ночные атаки гитлеровцев. В одну из таких ночей и написал Николай Филиппович письмо жене со строчками: «Сегодня у меня что-то ночь тревожная...»

А таких тревожных ночей впереди было еще сто четырнадцать.

3

Дивизия несла потери. Некоторые ее рубежи уже некому было защищать, и враг овладел ими. Штаб дивизии оказался на переднем крае. Связь с полками, с армейским штабом и тылами стала так часто рваться, что временами Батюк терял нити управления. Необходимо было подыскать штабу более подходящее место. Но переместить командный пункт Батюк мог только с разрешения командующего армией. Лишь 24 октября штаб перебрался в небольшой овражек в ста метрах от Волги. Быстро оборудовали в крутом откосе крепкие и надежные блиндажи. Но... видно, отменно работала неприятельская разведка — немцы и тут отыскали КП дивизии, и он опять оказался почти под беспрерывным обстрелом. Офицеры штаба только ночью выходили из блиндажей, чтобы побывать на передовой, а то и просто глотнуть свежего воздуха. Лишь Батюк позволял себе и дневные вылазки. В эти дни он вообще большую часть времени проводил на наблюдательном пункте или в полках.

3 ноября почтари доставили с того берега

Волги газеты и письма. «Красная звезда» в номере за 30 октября опять упомянула добрым словом 284-ю дивизию: «Особенно стойко сражаются в последние дни подразделения, которые возглавляют командиры Гурьев и Батюк. Действуя на участке, где противник наносил главный удар, они выдержали тяжесть жестокого боя и причинили немцам серьезный урон».

Таким был и минувший день: до густых сумерек дивизия вела яростный бой, и он затих лишь потому, что солдаты дошли до полного изнеможения. Вымотались и немцы. И с наступлением темноты огонь с обеих сторон постепенно утих как-то сам по себе. Солдаты устало опустились на дно траншей, крутили задубевшими пальцами самокрутки, курили взахлеб, молча, сурово, вяло улыбаясь ядреным шуткам неистощимых остряков, которые водились в каждой роте и батарее. Не хотелось ни говорить, ни даже думать. И вдруг по траншеям и крошеву развалин, обжитых солдатами, полетел взбудораживающий возглас:

— Почта пришла!

И мгновенно напряжение и усталость будто рукой сняло. Солдаты обступили почтальонов. И засветились улыбки, потеплели взоры. Вот как мало нужно было, чтобы вернуть смертельно уставшему после боя солдату бодрость духа и силу,— всего-то десяток сердечных строк из дому, от близкого человека. Полковник Батюк тоже порадовался сообщению «Красной звезды», но втихомолку переживал огорчение — ему писем не было. Защемило в душе. Так и подмывало так же, как и счастливчиков, получивших весточки из дома, засесть за письмо, поделиться с женой тревогами минувшего дня... Но надо было подвести итоги затихшего боя, отдать распоряжения на ночь, сделать еще множество неотложных дел. Да и сбросить напряжение надо бы, в котором он находился весь день, унять расходившиеся нервы. Это самое трудное — усилием воли привести в состояние хотя бы относительного по-

коя душу и тело. Только к полуночи Николай Филиппович смог сесть за письмо:

...Сейчас 24 часа, только что пришли с наблюдательного пункта, сделали перерыв боя на ночь, и сразу почему-то я захотел написать тебе, Мусенька. Пишу, но не знаю, что писать, так хочется с тобой много говорить...

Привет и отцовский поцелуй моим славным дочерям и сынам. Как приятно, что они учатся хорошо.

Муся! Был бой сегодня горячий, целый день нервы играют, злой был, а сейчас, когда стал писать письмо, мне стало весело, приятно, и мне кажется, что я не воевал...

Говорят, что я воюю неплохо, но мне всегда кажется, что можно лучше, я всегда сам собою за это недоволен. Живу я хорошо, даже прекрасно. Здоров, только ноги беспокоят.

Муся! Каждый день я смотрю на нашу фотокарточку — мне приятно. Люблю читать хорошие, душевные письма, а сам писать не умею, у меня всегда получается грубо...

Хотел сказать много, а не сказал ничего.

С приветом твой Коля.

Обычное письмо с фронта. Искреннее, честное. Только в одном месте Николай Филиппович утаил от жены правду. Чтобы не встревожилась, не беспокоилась. Поэтому и скользнул о себе строчкой: «Здоров, только ноги беспокоят».

Лишь спустя много лет Мария Ефимовна и дети Николая Филипповича найдут в книге бывшего командующего 62-й армией Василия Ивановича Чуйкова «Сражение века» пояснение к той скупой фразе в письме: «Несколько слов... о Николае Филипповиче Батюке... Он умел быть строгим и справедливым, его боялись и любили; он часто был на виду у своих воинов. У него были больные ноги, порой он еле передвигался, но он не отсиживался в землянке: на передний край, на свои наблюдательные пункты он уходил с палочкой, а возвращался в свою землянку на плечах адъютанта, причем только ночью, чтобы никто этого не видел. Свою болезнь Батюк всячески скрывал, и я узнал об этом только в январе, когда он уже совсем не мог передвигаться без посторонней помощи».

4

23 ноября советские войска замкнули кольцо вокруг вражеской группировки, у Сталинграда. Но бои на сталинградских улицах и площадях продолжались с прежним ожесточением. Армия Паулюса, запертая в Сталинграде, как в мышеловке, надеялась на помощь извне. 12 декабря Манштейн двинул с юга на выручку окруженным ударную группу «Гот», насыщенную танками и авиацией. Ободренные этой вестью, немцы в Сталинграде усилили яростные удары по нашим позициям. Положение защитников Сталинграда усугублялось еще и тем, что по Волге шел лед, со дня на день ожидался ледостав, и подвозка продовольствия и боеприпасов с левого берега почти прекратилась. Но мощи группы «Гот» хватило лишь на четыре дня. Она прошла только полпути до Сталинграда и была остановлена крепким контрударом советских войск. И в тот же день, 16 декабря, у Сталинграда встала Волга. Саперы тотчас связали оба берега заледеневшей реки прочными деревянными настилами.

Два этих события ознаменовали собою конец оборонительных боев в Сталинграде и начало уничтожения окруженной группировки. Фашисты дрались отчаянно, все еще подогреваемые призрачной надеждой на вызволение, и в плен почти не сдавались. Но они уже были обречены, это ясно видели наши солдаты. Высокий душевный и патриотический подъем царил повсюду в наших войсках и, конечно же, в дивизии Батюка тоже...

Как только ледяной панцирь соединил волжские берега, в дивизию вместе с ящиками боеприпасов доставили мешки с почтой. Подавив огорчение — ему опять не было писем,— Николай Филиппович набросился на газеты. Ведь и в газетах можно найти что-то лично для себя. Находка была приятной, как будто адресовалась комдиву, а не одному из отважных его офицеров — командиру минометной батареи Ивану Тихоновичу Бездидько.

На фронте заслуги каждого оценивались истребленной живой силой и техникой врага. Только величина урона, нанесенного врагу, определяла престиж воина. Самой внушительной боевая статистика была у Бездидько. За полтора месяца боев в Сталинграде его минометчики разгромили четыре минометных батареи противника, подавили четыре пулеметных гнезда, разбили два вражеских танка, пушку, радиостанцию, сожгли три автомашины с боеприпасами и уничтожили почти четыре роты немецкой пехоты. Сами же минометчики благополучно выходили из схваток, не потеряв ни одного человека.

О подвигах минометной батареи старшего лейтенанта Ивана Бездидько в 62-й армии ходили легенды. Слыла она снайперской и неуязвимой. Немцы боялись батареи, по имени знали ее командира и прозвали его «Иваном Грозным». Виртуозность и отвага минометчиков вызывали восхищение даже у скупого на высокие оценки Батюка. На командирских совещаниях он часто ставил Бездидько в пример. Однажды стрелковая рота атаковала противника, но была встречена сильным огнем вражеской пехоты и залегла перед железнодорожной насыпью, за которой в траншеях сидели немцы. Командир роты попросил минометчиков поддержать его атаку. Как тут быть? Атакующих отделяло от вражеских позиций всего шесть метров. Малейшая неточность или даже снос ветром при пристрелке — и мины могут угодить в своих. Бездидько подумал и скомандовал первому расчету:

— Сто метров правее!

Мины легли далеко в стороне. Получив данные такой необычной пристрелки, комбат дал уверенную команду всей батарее:

— Огонь по врагу!

После боя наблюдатели, корректировавшие «работу» своей батареи, говорили с восторгом:

— Мины на фрицев падали так, будто кто их рукой втыкал куда надо.

Был еще случай. Разведчики обнаружили не-

мецкую кухню. Другой сказал бы: «Подумаешь, цель!» Но кухней заинтересовался Бездидько. Прильнув к стереотрубе, он наблюдал, как возле кухни расхаживал повар и собирались проголодавшиеся фрицы. Когда их перевалило за семьдесят, комбат приказал дать залп по кухне осколочными минами. Мины попали точно, и кухня была разбита в щепки. Возле нее полегло с десяток фрицев. Остальные бросились в блиндажи. Бездидько только этого и ждал.

— Минами замедленного действия, огонь!

Минометчики ударили по блиндажам. Пробив накаты, мины подняли к небу столбы земли.

О батарее Бездидько писали армейская и фронтовая газеты. Один номер с наиболее яркими описаниями подвигов минометчиков Батюк распорядился послать в Красноуфимск, где жила семья Бездидько. Прошло несколько недель. Николай Филиппович за другими делами успел забыть об этом, хотя по-прежнему интересовался батареей «Ивана Грозного», встречался с комбатом. Батюку нравилась его степенная рассудительность и неторопливость. Накануне в штабе дивизии маленьким праздничным столом отметили годовщину соединения. В числе приглашенных был и старший лейтенант Иван Тихонович Бездидько — собственно в честь таких, как он, и было устроено короткое торжественное застолье.

И вот — приятный сюрприз. Газета Сталинградского фронта в номере за 16 декабря поместила открытое письмо Ларисы Бездидько к своему мужу-герою. Разве мог подумать Батюк, что на добрую весть о муже, посланную ей с фронтовой газетой, жена комбата ответит тоже через газету? Адресуясь к Ивану Бездидько, она вместе с тем обращалась ко всем воинам фронта.

«Родной,— писала она,— сегодня у меня большой праздник, я прочитала в присланной мне газете статью под названием «Батарея, которая не знает, что такое «мимо». Так вот она какая, эта грозная батарея, которой командуешь ты, мой

любимый друг! Сердце переполнилось гордостью за тебя, моего храброго воина.

Я каждый день слежу за событиями на фронте. Мне радостно знать, что в наступлении под Сталинградом участвует и твоя замечательная батарея, которой дали кличку «Иван Грозный». Правильно, Ваня, будь грозным до конца.

На днях я получила письмо от твоих товарищей по фронту. Его подписали тридцать человек. Они пишут мне: «Мы любим и уважаем нашего командира Ивана Тихоновича. С ним будем бить зарвавшегося врага так, чтобы ни один немец не ушел живым с нашей земли».

Подвиги твоей батареи известны всей Свердловской области. Колхозники Красноуфимского района в честь твоей батареи организуют красные обозы с хлебом в фонд обороны страны.

О нас не беспокойся. Мы живем хорошо. Сыновья растут. Когда я прочитала Вовику о подвигах твоей батареи, он обрадовался и заявил своей подружке: «Вот как бьет врага мой папа. Наверно, теперь мы скоро поедем на Украину, и мама обязательно состряпает вареники с вишнями».

Деритесь за победу еще крепче, бейте врага беспощадно, освобождайте нашу Родину от фашистской нечисти и возвращайтесь домой с победой.

Крепко целую тебя, твоя жена Лариса Бездидько».

На фронте чужая радость щедро согревала всех, кто прикасался к ней, кто разделял ее. Николаю Филипповичу не было письма, но и он опять склонился над листком из полевой книжки, чтобы послать весточку о себе, о своих радостях и затаенной грусти.

...У меня 15 декабря был праздник — годовщина моего соединения, а 19 декабря я — именинник, приглашаю на именины.

Годовщину отметили хорошим боем, уничтожили много фашистов, а именины думаем отметить еще лучше...

Вчера и сегодня у нас началась зима, крепкие морозы. Живу хорошо, только что-то нет от тебя письма. Я тебе

пишу очень часто, а поэтому и от тебя хочу получать часто. Пиши, Муся, как живете, как учитесь, как твое, Муся, здоровье? Пиши, как дети, как растет Раиса, чем она занимается?..

С приветом, моя дорогая.

Твой Коля.

5

2 февраля 1943 года сталинградское сражение, за которым следил весь мир, закончилось. На дымящихся развалинах воцарилась непривычная тишина.

Грохочущая и воющая музыка боя оборвалась как-то внезапно, словно туго натянутая струна. Еще в 12 часов дня неистово трещали выстрелы и яростно рвались снаряды — наши пошли на штурм последних вражеских очагов в северной части города. Но гитлеровцы не приняли завершающей атаки русских и выбросили белые флаги. Изможденные фигуры, похожие на тени, с вскинутыми кверху руками полезли, как мухи на свет, из всех щелей и развалин.

В 3 часа дня полковник Батюк покинул свой наблюдательный пункт и уехал в штаб дивизии. Перед тем, как влезть в машину, посидел на снарядном ящике и с чувством человека, сделавшего невероятно трудное дело, оглядел расстилавшееся перед ним пространство — руины, разбитые танки, опрокинутые пушки, взорванные блиндажи, поваленные столбы с космами проводов, скорчившиеся вражеские трупы — вчерашнее поле боя. Взгляд скользнул вверх по склонам запомнившейся теперь навсегда высоты 102 — Мамаева кургана и задержался на черных громадах водонапорных баков. Там, на среднем баке, полоскался на морозном ветру красный флаг, похожий на язык пламени, водруженный его, Батюка, солдатами 12 января. Почти четыре месяца дралась дивизия за вершину кургана и наконец овладела «чертовыми куполами» и лишила немцев возможности наблюдать за перегруппировками наших войск в городе. А вскоре с запада

2 Заказ № 206

на курган ворвались наши танкисты, и немецкая группировка в городе была рассечена надвое. Далее оставалось лишь доколотить гитлеровцев, засевших, вернее, спасавшихся в городских развалинах.

Неизвестно, о чем в эти дни писал домой Николай Филиппович. Больше не сохранилось ни одного его письма из Сталинграда. А событий за первые месяцы 1943 года было немало и в дивизии, и в личной судьбе комдива. Его прославленная дивизия за успешные боевые действия не раз отмечалась Верховным Главнокомандованием. А 1 марта Николаю Филипповичу Батюку было присвоено звание генерал-майора. Спустя два дня 284-я стрелковая дивизия стала 79-й гвардейской, краснознаменной.

Неделю дивизия отдыхала в заволжском селе Заплавном. Потом полки совершили неторопливый пеший марш через Волгу, по оживающим сталинградским улицам, до железнодорожной станции Паншино на Дону. Тут погрузились в эшелоны и поехали догонять фронт, ушедший от Сталинграда на 500 километров. Высадились возле Купянска. Расположились, чтобы отдохнуть, принять пополнение, набраться сил для новых сражений. Враг еще бесчинствовал на нашей земле, и путь до полной победы над ним был еще далек.

Отсюда Батюк, с разрешения командования, отпустил нескольких наиболее заслуженных героев Сталинградской битвы на кратковременную побывку домой. Уехал и Иван Тихонович Бездидько с наказом непременно навестить семью генерала, порассказать о его фронтовом житье-бытье, помочь, чем возможно, в житейских нуждах. Тут, кстати, пришло одно за другим два письма из дома, и Николай Филиппович, растроганный и окрыленный, сейчас же ответил:

Милая жена Муся, здравствуй! Мой сердечный горячий привет. Привет и отцовский поцелуй Вере, Шуре, Вове и Рае. Спасибо вам за поздравления. Сегодня я получил письмо от вас, которое писали 9 марта, а позавчера получил то, что с фотокарточкой Шуры, за которые благодарю.

Мусенька, можешь меня еще раз поздравить: меня наградили орденом Кутузова...

Время сейчас — 2 часа ночи. Буду спать. Я пока не в бою, но готов.

Твой Коля.

6

В конце мая Батюку вручили правительственный пакет, Николай Филиппович извлек из него хрустящую бумагу с грифом Председателя Президиума Верховного Совета СССР и не без волнения прочел:

> «Генерал-майору тов. Батюку Николаю Филипповичу.
>
> Не имея возможности лично вручить Вам орден Кутузова второй степени, которым Вы награждены... высылаю Вам его с настоящим письмом.
>
> Поздравляю Вас с заслуженной высокой наградой и шлю пожелания дальнейших успехов в Вашей боевой деятельности и личной жизни.
>
> Председатель Президиума Верховного Совета СССР
>
> М. Калинин».

Николай Филиппович готовил свою гвардейскую дивизию к новым боям. Неуловимые признаки свидетельствовали о надвигающихся больших сражениях. Но принять в них участие, показать во всем блеске полководческий дар Николаю Филипповичу Батюку не довелось.

Там, на Северном Донце, где стояла 79-я гвардейская, еще не развернулись настоящие бои, когда домой вдруг перестали приходить вести от Батюка. Наконец почтальон принес конверт с адресом, старательно выведенным... чужой рукой. Письмо было подписано новым командиром дивизии и прежними соратниками Николая Филипповича — его заместителем и начальником штаба.

Уважаемая Мария Ефимовна!

Бойцы, командиры и политработники соединения, кото-

рым командовал ваш муж Николай Филиппович, глубоко скорбят вместе с вами о преждевременной и скоропостижной смерти вашего мужа Николая Филипповича, последовавшей на боевом посту при выполнении боевых заданий.

Смерть вырвала из наших боевых рядов одного из лучших, боевого, бесстрашного, отважного и смелого командира-большевика, любимца всех бойцов и командиров, не знавшего страха перед врагом...

Боевые дела вашего мужа Николая Филипповича, отважного командира, отмечены высокими правительственными наградами. Его грудь украсили: орден Красного Знамени, орден Кутузова II степени и медаль «За оборону Сталинграда»...

Бойцы и офицеры поклялись над гробом боевого генерала Батюка, сына украинского народа и социалистической Родины, громить и уничтожить немецко-фашистскую сволочь...

Николай Филиппович похоронен 29.7.43 года в г. Святогорске у памятника донецкому революционеру Артему, на берегу реки Северный Донец.

Имя командира славной 79-й гвардейской дивизии Николая Филипповича Батюка увековечено в благодарной памяти волгоградцев. Одна из улиц Волгограда, в Ангарском поселке, названа его именем. Оно золотом начертано на мраморной плите, венчающей одну из символических могил на Мамаевом кургане, в боях за который воины дивизии Батюка покрыли себя неувядаемой славой.

«НЕ ОТСТУПИМ НИ ШАГУ!»

14.9.42 г. **Жене, в Москву**

Мария, милая, здравствуй!

Седьмого сентября я выехал с места, из Красноуфимска, и приехал сюда вчера, 13-го. Погода здесь прекрасная. Тепло вечером, и ночью нехолодно. Богатый здесь край во всех отношениях. Урожай сильный, жизнь хорошая, люди приветливые.

Настроение у нас боевое. Уверены в победе над врагом. Правда, враг еще силен. Но это его последние силы. Фашизм будет уничтожен.

Ты пишешь, что надеешься на скорую встречу. Хорошо, если бы тебе удалось получить направление к нам. Лучше быть вместе... Но после курсов тебя могут оставить и в Москве, и там нужны медики. За меня не беспокойся.

Твой Коля.

20.9.42 г.

Несколько дней мы стояли на севере Сталинградской области, а теперь километров на 200 переместились к югу, ближе к фронту.

Здесь идут большие бои. Но настроение у моих минометчиков бодрое. Будут драться до последней капли крови. Сталинград мы не отдадим. Сталинград останется нашим, советским городом.

Я живу на свежем воздухе. Сегодня ночевал в большом саду на берегу Волги. Утро прекрасное, день теплый. Но вот огорчение: стекло у часов только что разбил. Когда умывался, положил часы в карман и сел на них. Опять без часов придется воевать...

А как ты живешь? Знаю, что трудно тебе сейчас. Потерпи пока...

24.9.42 г.

Я три дня воевал. Через день или завтра — опять в бой. Сегодня ночевал в медсанбате: немножко ушиб левую ногу из-за своей неосторожности. А так здоровье хорошее.

Люди у меня целы. Есть раненые, три-четыре человека. Все командиры целы. Воюют здорово. Вчера немецкие автоматчики пробрались было в город, но к вечеру их не

видно стало, удрали. Немцы всю ночь бомбили нас, но бесцельно.

Все эти три дня идет ожесточенный бой. В таких боях я до сих пор не бывал. Не затихает ни днем, ни ночью. Хорошо наша «катюша» действует, здорово она их бьет! Мы ведем бой на западной окраине Сталинграда. Лупим немцев из своих минометов...

Как у тебя? Учишься или закончила?

Ну, будь здорова.

25.9.42 г.

Я уже выписался из медсанбата и возвращаюсь в свой полк. По пути остановился в своей санчасти и решил написать тебе вот это коротенькое письмишко.

Дума у нас сейчас одна — отбить врага подальше от Сталинграда, не дать им, чертям, напиться воды из нашей Волги, выполнить приказ Родины — не пустить врага на Кавказ.

Коля.

Пиши по адресу: ППС 1691, 1047 сп, 2-я минрота, политруку Данилову Н. Д.

28.9.42 г.

Пишу это письмецо на самой передовой линии, в 400 метрах от немцев. Иногда вражеские автоматчики подходят совсем близко, но мы их быстро прогоняем или ловим, как баранов. Вчера, черти, все были пьяные. Ночь прошла тихо, спьяну все спали, нас не беспокоили.

Я пишу это письмо в окопчике, в подвале. Отсюда командую по телефону. Вчера мы уничтожили около ста гитлеровцев, а 26 сентября более трехсот немцев перебили из своих минометов, уничтожили две машины и станковый пулемет. Минометчики дерутся как львы. Рота стала теперь целиком комсомольской. Хорошая молодежь, истинные патриоты Родины. За Сталинград будем стоять до конца, до последнего. Но город удержим.

Выпала минута затишья, боя нет, и я пишу тебе письмо. Но враг бомбит нас, дрожит земля, сыплется пыль. И по ночам я почти не сплю. А ну их к чертям! Ничего! Их бомбежки нам не страшны. Еще поживем! А уж придется — жизни отдадим, но не отступим ни шагу назад!..

Твой Коля.

10.10.42 г.

Из дивизионной газеты «За Победу»

ТРЕМЯ МИНАМИ

С высоты застрочил вражеский пулемет. Я влез на чердак дома, установил его местонахождение и расчету Огнева передал данные для стрельбы. Первая мина перелетела. Внесли исправления. Вторая немного не долетела, но третья точно угодила в цель, и вражеский пулемет с расчетом взлетел в воздух.

Политрук Н. ДАНИЛОВ.

19.10.42 г. **В Москву**

...Вчера я получил три письма... Пишут мне племянники из Чувашии. Пришло письмо от Коли, сына моей сестры Анны. Живем, пишет он, хорошо, только волки гусей и овец потаскали. Анна в колхозе кормит трактористов. Мой зять, ее муж, Илюша работает бригадиром тракторной бригады. Сам Коля, их одиннадцатилетний сын, заделался водовозом, в колхозе работает и его брат Ваня, которому пошел десятый год. Вот так они и живут там, и ждут меня.

А я уж 29-й день воюю против немчуры в Сталинграде. Война здесь сильная, жестокая, кровопролитная, насмерть. Но умирать пока не собираюсь, не хочется умирать, хочется жить и побеждать. В жизни побеждает правда. Она на нашей стороне. Мы завоевали ее 25 лет назад и теперь ее отстаиваем на улицах Сталинграда. Наша правда сильна, и ею мы разгромим врага, и его разгром начнем здесь, в Сталинграде. Борьба за Сталинград — это борьба за жизнь, и мы его не сдадим врагу ни за что!

Но сам-то я вчера чуть не уехал отсюда. Хотели отправить меня на курсы командиров рот, однако как специалиста-минометчика оставили. Да и сам что-то не хочу расставаться со своей специальностью и переходить в стрелковую роту. На меня подали документы, на аттестацию, скоро получу командирское звание...

Недавно я был аттестован на старшего политрука. А теперь подали на капитана...

Твоя сестра Анна Павловна написала мне, что в армию тебя не берут в связи с плохим зрением и она советует тебе, как педагогу и медику, идти в детскую больницу. Ты что, не соглашаешься? Ведь хорошая работа, тем более, на месте. А путешествовать по моим стопам нелегко. Ты же не знаешь, как следует, моей военной жизни. Правда, жизнь у меня хорошая, веселая жизнь. Охотимся на фрица, как на зверя. Только он страшнее зверя.

Оборудовал я тут себе кабинет: есть стол, лампа, чернильница, ручка, необходимые книги, картинки на стенах, будильник на столе. В кабинете две койки — моя и друга. Вчера были у меня приятели, слушали мы патефон. Пластинки замечательные — штраусовские вещи. Много пластинок. Есть и песни разные. Сидели, слушали и думали. Вспоминал московские театры, фильмы «Большой вальс», «Под крышами Парижа», «Радость жизни», которые мы с тобой до войны смотрели...

28.10.42 г.

Никак не дождусь от тебя писем. Не получаю уже больше месяца. А тут такой напряженный момент. Утром разбудили: немцы с правого фланга двинулись на нас. Ну, мы их отбросили. Нас бомбить принялись. Сейчас немножко стихло. Мне солдаты приготовили воды. Помылся. И вот сел за стол написать тебе письмецо...

Ночью у меня были журналисты. Да и сам я пишу немножко в местную газету...

30.10.42 г.

Из дивизионной газеты «За Победу»

КОММУНИСТЫ СРАЖАЮТСЯ ХРАБРО

Кандидат партии красноармеец Ажогов за отличную работу наводчиком, бесстрашие выдвинут на должность командира минометного расчета... Минометным делом он овладел в совершенстве и всегда точно бьет по врагу.

На днях я с коммунистом Station Кряховым на крыше дома вел наблюдение и заметил немецкий блиндаж. Мы сообщили об этом расчету Ажогова. Его наводчик кандидат партии Довненко быстро установил прицел и дал три мины. Все точно легли в цель. Вражеский блиндаж с засевшими там фашистами был разбит.

Стойко сражается с фашистами и коммунист мл. лейтенант Гутеев. Он организовал четкое взаимодействие своего минометного огня со стрелковым подразделением, и в любых условиях боя расчеты его взвода бьют по врагу.

За месяц боев минометный взвод Гутеева уничтожил 225 солдат и офицеров, 9 автомашин с боеприпасами, разбил два блиндажа и подавил несколько огневых точек противника.

Зам. командира по политчасти Н. ДАНИЛОВ.

23.11.42 г. **Елене Яковлевне Усановой, в Чувашию**

...Представь, я совсем не ожидал от тебя письма, но вот сегодня получил, за что, конечно, очень благодарен. Я и забыл про тебя совсем. Но ты сама напомнила о себе. Ты не представляешь, что значит получить письмо из родной деревни, от школьного друга, в такое время. Это очень хорошо, прямо душа радуется. А я ведь думал, что и ты забыла меня.

Лена, меня интересует, как ты попала на родину? И что ты сейчас там делаешь? Или тебя как агронома направили в свой район?

Знаешь, как я получил эту твою открытку? А вот как: пришел из штаба мой приятель и говорит: «Пляши, Данилов!» А мне некогда было плясать, я белье гладил. Пару белья выгладил, осталось только полотенце и наволочку погладить. Ну, я, конечно, бросил гладить и прочел твое письмо.

А у нас сегодня было серьезное дело: блокировали дзот и заняли одну высотку. Я корректировал огонь, поддержал пехоту. После боя подвели итоги и немножко повеселились: разложили закуску — консервы, масло, разлили фронтовую, как мы ее зовем, «араку», завели патефон. Потом к вечеру вышел я на свежий воздух, обошел свои блиндажи, огневые позиции, побеседовал с бойцами о наших операциях. А теперь вот пишу тебе ответное письмецо.

Тут идет великое сражение. Пишу под гром несмолкаемой канонады и вой самолетов, в зареве пожарищ на крутом берегу великой русской реки Волги. Дух мой бодр, как никогда, воля тверда, руки мои не устали разить врага. Решение наше — стоять насмерть у стен Сталинграда. Мы окружили врага. Много захватили в плен. Дадим теперь мерзавцам, как следует. Пусть они почувствуют нашу силу. Только я, Лена, истребил со своим подразделением более 700 солдат и офицеров, уничтожил 20 автомашин с различными грузами, 5 станковых пулеметов. Да несколько блиндажей разбили. Вот так громим врага. Бои идут ожесточенные. Но мы их в конце концов уничтожим.

Ну, а как ты живешь, Лена? Наш общий друг Филипп Цаплин учится и работает в Фергане, занимается лингвистикой, преподает монгольский разговорный язык и учится в аспирантуре. У него большие успехи в области лингвистики и истории монгольского народа. Написал, по словам профессора Санжеева, «замечательную» работу. Я получил от него два письма...

В армии я с 15 июля 1941 года (только поженился на учительнице из школы, в которой работал). А с 28 декабря — на ответственной должности. Как преподавателя-словесника назначили политруком минометной роты...

Н. Данилов.

30.11.42 г. **В Москву**

Мария, здравствуй!

...Вчера, после обеда, ходил на самую передовую, к немцам почти. Побывал во всех наших окопах, поговорил с бойцами. Сообщил им новости. А тут — немцы! Я их гранатами забросал, из автомата стрелял по ним, троих уложил. Потом корректировал огонь минометов. Очень понравилось мне мое оружие. Летят наши снаряды тихо, без шума, немцы ничего не опасаются. А как ударят наши мины — все летит к чертям! Когда же летят немецкие мины и снаряды — слышно издали. Можно укрыться от них, спастись. А от наших немцам нет спасенья.

Скоро мы их тут добьем окончательно.

Коля.

1.12.42 г.

После обеда сегодня к нам пришел фотограф и фотографировал моих бойцов и командиров у миномета, на огневых позициях. Сфотографировались все. А потом стреляли по фрицам.

Дела у нас идут хорошо. Бьем фрицев днем и ночью. Два раза блокировали дзот...

Коля.

* * *

Политрук Николай Данилов погиб в Сталинграде 4 декабря 1942 года и похоронен у подножия Мамаева кургана, где дралась его минометная рота, входившая в состав прославленной 284-й стрелковой дивизии Батюка. Имя политрука Данилова высечено в Зале Воинской славы, на восьмом символическом знамени, во второй колонке.

ПРИКАЗ НАРКОМА

I

В сентябре 1942 года во всех авиационных подразделениях страны, в тылу и на фронте, зачитывали приказ народного комиссара обороны, который гласил: «8 сентября 1942 года... группа истребителей 520-го авиационного полка встретила 10 бомбардировщиков Хе-111.

Старший сержант Гомолко Борис Мефодьевич, совершавший свой первый боевой вылет, врезался в их строй и огнем пулеметов и пушки сбил одного Хе-111. В последующих атаках, израсходовав весь боевой комплект, пошел на таран другого бомбардировщика.

...Старший сержант Гомолко, приземляясь на парашюте, приготовился для встречи снижавшихся на парашютах фашистских летчиков. При попытке их оказать сопротивление расстрелял одного летчика, а другого взял в плен.

...Дело чести и доблести всего летного состава Военно-Воздушных Сил Красной Армии — бить фашистских воздушных пиратов, как бьет их старший сержант Гомолко.

Приказываю: за проявленное мужество и храбрость в воздушном бою с десятью бомбардировщиками Хе-111 пилоту 2-й эскадрильи 520-го истребительного авиационного полка старшему сержанту Гомолко Борису Мефодьевичу присвоить внеочередное звание «лейтенант». Командиру 283-й истребительной авиационной дивизии представить тов. Гомолко к правительственной награде».

Лишь в исключительных случаях в годы войны солдатские подвиги отмечались в приказах наркома. Борис Гомолко, девятнадцатилетний паренек из Люботина, был удостоен этой высокой чести. Спустя месяц о его необыкновенном подвиге сообщила газета «Известия», и слава отважного летчика разнеслась по всей стране. Она не померкла и по сей день. Первый героический бой летчика Бориса Гомолко как яркий и поучительный пример безоглядной отваги и боевого мастерства обстоятельно описан во 2-м томе истории Великой Отечественной войны на страницах, посвященных Сталинградской битве.

2

Война застала Бориса Гомолко в Армавирской авиационной школе пилотов. Знойный, с утра казавшийся безмятежным, июньский день 1941 года круто повернул его судьбу. Будни курсантов словно спрессовались, и размеренный до того ритм жизни стал убыстряться. Подгоняли тревожные события на фронте. Курс обучения был до предела сжат и сокращен — фронт требовал летчиков. Каждый уже мысленно видел себя в схватках с фашистскими асами в огненном небе Родины. Но на фронт Борис попал чуть ли не через год.

После выпуска из Армавирской школы Борис, пожелавший служить в истребительной авиации, получил направление в школу высшего пилотажа. В начале октября с группой сокурсников он отправился в путь. Очень хотелось ему повидаться с матерью и отцом, с сестрой Любой, показаться в новенькой летной форме, о которой он так мечтал. К сожалению, он не мог послать им даже фотографии — Люботин, где жили родители, и Харьков, где он, еще школьником, осваивал летное дело в аэроклубе, а в мединституте училась Люба, уже оккупировали немцы. Борис даже не знал, остались ли родные в Люботине или

эвакуировались, и тревожился за их судьбу. Правда, на пути в школу высшего пилотажа, в Свердловске, жила с мужем старшая сестра Людмила. Он рассчитывал разузнать все у нее. Однако и с Людмилой только и удалось, что повидаться, а поговорить не пришлось.

Он сообщил ей о своем проезде через Свердловск телеграммой, и Людмила поспешила на вокзал встретить брата. А он с приятелем сошел с поезда на товарной станции — поближе к дому Людмилы. Их встретила тетка Меланья Ивановна, материна сестра, которая вела нехитрое хозяйство молодых супругов и нянчила внучонка Юрика.

Тетка Мила, узнав в стройном летчике своего племянника, всплеснула руками, засуетилась, тотчас затащила обоих за стол, накормила, потужила, что выкроился у них всего часок и не было у Бориса времени подождать сестру. На тревожный вопрос Бориса о судьбе родителей она ничего определенного не сказала, предположила только, что остались Гомолки в Люботине, под фашистским игом, потому что в последнее время тяжело хворала Борисова мать. И Люба осталась с нею, так как мать нуждалась в квалифицированном присмотре.

Пока Борис беседовал с теткой, Людмила металась по вокзалу, не догадываясь, что брат уже у нее в гостях. И не зная, где его искать, тревожилась.

Борис с приятелем прибежали к самому отходу поезда. Брат и сестра только и успели сказать друг другу «здравствуй» и «прощай».

Это была их последняя встреча. Но они этого не знали.

3

26.10.41 г. **Сестре, в Свердловск**

...Моя служба идет нормально, но сильно затягивается. Это мне очень не по душе. Кажется, что я попаду на фронт лишь к концу войны...

Как чувствует себя тетя? А Юрко? Наверное, тоже со-

бирается Гитлеру в глаз дать? Пускай хорошим организатором растет. Людей этого вида и в армии не хватает, среди командиров.

У меня к тете маленькая просьба. Страшно захотелось сладкого. Если сможете чего-нибудь достать, вроде конфет, ну, граммов 400, то разделите пополам, часть Юрику (мол, мой подарок), часть — мне. Только, Людок, помоги, пожалуйста, тете устроить так, чтобы была выполнена моя просьба, а то тетя из любви ко мне весь Свердловск соберет в пакетик — и мне. А деревушка у нас маленькая, может все не поместиться...

Б. Гомолко.

21.2.42 г.

...Учеба у меня идет, но, кажется, не совсем ладно. Мне хочется знать основательно все, что касается моей профессии. Я берусь за одно — лезет в глаза другое, бросаю первое, берусь за другое, в глаза лезет третье. Делается досадно и обидно. Хочется все, что видишь, запомнить, как можно больше прочитать, узнать. Я знаю, что мне нужен немецкий язык, но также нужна хорошая подготовка по вождению самолета вслепую. Вдобавок встречаются такие трудности, с которыми можно бороться терпением, вот так — сидеть и ждать. Прямо по китайской пословице: «Если гонишься за счастьем и не догоняешь, садись и жди — само придет»...

Б. Гомолко.

12.3.42 г.

...Март только начался, а у нас уже тепло. И мне сейчас, в такую погоду, школа вспоминается. Не летная, а средняя, в Люботине. Хочется узнать, где теперь мои товарищи. А как — не знаю. Посоветуй, как узнать про них.

В этом месяце и примерно до половины следующего я буду на старом месте. А о дальнейшем неизвестно. На фронт попаду, очевидно, уже после распутицы...

Б. Гомолко.

14.7.42 г.

Москва! Нынче сочиняю вам свои воспоминания из города Москвы. И ответить прошу туда же по адресу: Москва, 3-й Загородный проезд, д. 10, кв. 6, Родиной Варваре Филипповне (для Гомолко Б. М.).

Многоуважаемый Людочек и все остальные!

Кончили мы переучиваться на новой машине, выпустили нас, добавили по одному треугольнику на петлицу, посадили в поезд, и поехали мы в столицу. Москвичи поделили нас, немосквичей, и развезли гостить.

Я попал к Серафиму Сергеевичу Родину со своим товарищем Иваном Демьяновичем Братаничем. Пожили мы ничего, но без увольнительной записки нельзя было никуда показаться. Вернее, можно, только с риском попасть в комендатуру...

...А теперь, Людок, напишу о личном. Попал я в сложное положение и правильного решения найти пока не могу. Познакомился я с одной девушкой, вернее, с целой семьей — их четверо. Самая молоденькая мне понравилась своей простотой. Правда, она мне только понравилась и все. Она понравилась и Серафиму. Он попросил меня не мешать ему. Я начал гулять с Валентиной, сестренкой той, первой девушки, Нюры. Мы говорили с ней о серьезных вещах. Я дал ей твой адрес на всякий случай. И все же к Вале близких чувств у меня не было никаких. За это время я успел понравиться Нюре. В результате получилось, что я бросил Валю, наобещав ей чуть ли не все на свете, да сам черт знает, что я наговорил ей, и начал гулять с Нюрой, рыженькой и симпатичной-пресимпатичной, и тоже наговорил слов, пожалуй, в два раза больше, чем Валентине. И это — самое главное, что меня угнетает,— слишком много болтал. Думал, что все равно ведь на фронт, не сегодня, так завтра. А оно получилось чуть-чуть не так. Я пишу тебе откровенно. Не люблю ни ту, ни другую, но Валентину уважаю. Ей 21 год, жизнь испытала. Что мне в ней особенно понравилось — не любит много говорить...

Людмилка! Не подумай чего-нибудь лишнего обо мне, и я пишу не из хвастовства. Нет, я просто хочу понять сам, что же у меня произошло.

Б. Гомолко.

11.8.42 *г.* **Брату, в Москву**

Здравствуй, Борисок!

Вчера я решила начать разыскивать тебя — письмо твое от 14.7.42 примчалось кстати...

Кто такой Серафим Сергеевич? Твой соученик? Или брат соученика? А Варвара Филипповна? Мать, вероятно? Или это и есть Валя? Видишь — это из твоего письма непонятно. Нужно яснее излагать мысли, Боречка!.. И еще.

...Делаю вывод из твоего письма. Тебе нужно больше бывать там, где есть патефон и пластинки, чтобы самому не играть роль патефона. Лучше танцевать с девушками под его музыку. И еще: время военное, нужно нервы, самообладание держать в порядке, а так их определенно можно разболтать... В дальнейшем учти — старайся больше молчать о себе и больше знать о людях. О себе всегда успеешь сообщить...

Людмила.

29.8.42 г.

Спасибо за поздравления. Мне теперь точно 19 лет...

Письмо твое перечитывал-перечитывал и еще придется просмотреть...

Ты точно угадала про Варвару Филипповну и ее сына Серафима. Он — мой товарищ, и сейчас я с ним в одном подразделении... Нюра и Валя — соседки Варвары Филипповны...

Варвара Филипповна — простая работница. Когда мы уезжали, она работала в кубовой того же жакта, где проживает. Муж ее на фронте. Недавно он прислал Серафиму письмо, кажется, первое за все время, что я знаю Серафима. Он один сын у Варвары Филипповны, больше никого нет. Семья простая, чем они мне и понравились, правда, отца Серафима я не знаю. Он за две недели до нашего приезда отправился на фронт, даже от ранения совсем не выздоровел...

Я очень близко подружился с Серафимом.

Людок! Мне даже самому бросилось в глаза, как я сейчас пишу письмо и какое письмо я прислал тебе из Москвы. Со временем все видится иначе. А твои советы учту...

Б. Гомолко.

4

Борис так и не сообщил сестре о своем участии в боях на Сталинградском фронте. Может быть, не успел? Он сражался в огненном небе Сталинграда всего 16 дней.

Людмила получила от него всего два-три письма. Шли они с пометкой из Аткарска Саратовской области через Москву: их пересылала Людмиле Варвара Филипповна. Так нечаянно на короткое время сблизились судьбы двух семей. Обеих женщин объединила общая тревога — о брате и сыне, которым выпала одна участь. О том, что Борис в те дни, когда Людмила читала его «аткарские письма», уже воевал над геройским волжским городом, она узнала лишь из газеты «Известия», в которой 17 октября 1942 года была напечатана статья «Авиация под Сталинградом». Она не подозревала, что газета поместила посмертное сообщение о ее брате. За короткие осенние 16 дней, сверкнув двумя беспримерными подвигами, он сгорел сам и не успел порадоваться широко распахнувшейся перед ним жизни, не осуществив и малой толики из своей мечты. Успел он лишь одно, что требовала от него в грозный час Родина,— стать мужественным и бесстрашным воином и навечно оставить свое имя на страницах ее славной истории.

...В первый воздушный бой новичков повел командир полка, опытный и храбрейший летчик-

истребитель Степан Чирва. А бой случился нежданно и обернулся первым грозным экзаменом.

Полет был не боевой, скорее учебный. Степан Чирва, получив в тылу несколько самолетов, повел их с молодыми летчиками на свой фронтовой аэродром. В полете знакомился с новичками, смотрел, как они держат строй, как маневрируют. И вдруг услышал в шлемофоне тревожный голос:

— «Чайка-один»! Я — «Чайка-три». Слева впереди вижу группу «хейнкелей».

«Чайка-три» — это Борис Гомолко, высокий, сухощавый парень. Чирва приметил его: неторопливый, уверенный. Вот теперь он оказался еще и самым зорким.

Внизу на горизонте лежал окутанный дымом и огненными сполохами сражающийся Сталинград. Немецкие бомбардировщики шли севернее города, намереваясь пересечь Волгу в безопасном месте и зайти на город с тылу, появиться внезапно над боевыми порядками наших войск, нанести коварный удар и в неразберихе благополучно удрать за линию фронта. На размышление у Чирвы было несколько секунд. Разбойничий налет «хейнкелей» прервать некому, в воздухе пока не видно других наших самолетов — только эскадрилья молодых необстрелянных новичков. В первый бой их полагалось послать каждого в паре с опытным летчиком, знающим тактику воздушного боя. Перевес у немцев грозен: на их стороне не только опыт, но и двойное превосходство. Однако нельзя дать врагу безнаказанно совершить свое черное дело. И Чирва решил атаковать врага. Отрывисто бросил команду и сделал боевой разворот. «Ястребки» точно повторили маневр командира. Эскадрилья устремилась на перехват вражеских самолетов.

Ударив всей мощью бортового огня, истребители клином врезались в строй «хейнкелей». И он рассыпался, заметался. В воздухе закрутилась карусель смертельной схватки. Борис Гомолко поймал в прицел крайний бомбардировщик. По-

давляя искушение сразу хлестнуть по нему огненной очередью, пошел на сближение. Вспомнилось наставление преподавателя в летной школе, звучавшее как заповедь: «Ближе дистанция — точнее огонь!» И только когда в прицеле четко обозначился крест на фюзеляже, Борис нажал гашетку. Вражеский самолет вздрогнул, как от удара плетью, клюнул носом и круто повалился вниз, выпустив шлейф едкого дыма. В груди Бориса сладко защемило: «Первый бой — первая победа».

Увернувшись от падающего самолета, Гомолко нацелил «ястребок» на другого «хейнкеля». Опять яростно нажал гашетки, но его пушки и пулеметы молчали — кончился боезапас. По инструкции надо было выйти из боя. Но рассыпавшиеся, как воронье, уцелевшие вражеские бомбардировщики один за другим ложились на обратный курс. Словно заметив минутную растерянность Бориса, командир поощрительно и требовательно прокричал в шлемофоне:

— Молодцы, соколы! Не упускайте врага. Добивайте на месте.

Разгоряченный азартом схватки, Борис устремился вслед за удирающими «хейнкелями». Ну что же, если стрелять нечем, можно бить винтом. Его «ястребок» стремительно приблизился к хвосту вражеского самолета. Резкий удар выбросил Бориса из кабины. Но он успел заметить, как клюнул и камнем опрокинулся куцый «хейнкель». Борис дернул кольцо парашюта и плавно закачался под тугим белым куполом. Внизу ему раскрыла свои объятия выжженная, изрытая воронками степь.

Однако бой не закончился. Неподалеку приземлились на парашютах два немецких летчика — экипаж сбитого тараном бомбардировщика. Выхватив пистолет и укрывшись в воронке, Борис Гомолко принял наземный бой, не предусмотренный программой летной школы. Его исход могла решить только отвага и хитрость.

Немцы притаились за чахлыми кустами. Ожи-

дали, что предпримет русский летчик. Гомолко чуть-чуть приподнялся над краем воронки. Тотчас над головой просвистели пули. Он не видел немецких летчиков, но сам был у них на виду. Положение складывалось опасным. Лихорадочно работала мысль: как перехитрить немцев, как одному справиться с двоими? Он на своей земле, они — на чужой. На горизонте по дороге пропылила наша автомашина, а в другой стороне виднелся утопающий в садах хутор, где в каждой семье его приняли бы как родного. А те, которые сидели за кустами, не смели появиться ни на дороге, ни возле хутора. Вот тут, под чахлыми деревцами, у них единственное укрытие. Хоть их и двое, но они, в сущности, были его пленниками. Эта мысль подбодрила Бориса, вселила уверенность.

Сняв шлем, он приладил его на краю воронки, придавив наушники сухими комьями. Опять защелкали пули. Борис пошевелил шлем и оставил на месте. Сам, тонкий и гибкий, как змея, выполз из воронки с противоположной стороны и скатился в лощинку, которая огибала кусты. Вдавливаясь в землю, бесшумно пополз по лощинке и оказался у немцев сзади. Решил взять дерзкой внезапностью. С криком «хенде хох» вскочил на ноги. Немцы лежали за кустами, направив пистолеты в сторону воронки. На крик резко обернулись. Один выбросил вперед руку с пистолетом, но выстрелить не успел: пуля Гомолко сразила его. Стреляя на бегу, Борис прыжками достиг кустов и упал на второго немца, выбив из его рук пистолет. Отработанным в школе приемом он прижал немца к земле, завернул ему руки за спину. Не успел скрутить пленного, как на машине подкатили наши автоматчики, которые наблюдали воздушный бой и видели трех летчиков, спускавшихся на парашютах. Определили, что один — свой, и поспешили ему на выручку.

Этот-то бой Бориса Гомолко и отметил своим приказом народный комиссар обороны. Товарищи восторженно поздравили смущенного юно-

шу с боевым крещением и с первым офицерским званием. А спустя пять дней, 13 сентября, Военный совет Сталинградского фронта, в распоряжении которого находилась до того 283-я истребительная авиационная дивизия, наградил Бориса Гомолко орденом Ленина. Майор Степан Чирва перед строем полка вручил высокую награду герою. И тут же зачитал свой приказ о назначении лейтенанта Бориса Гомолко командиром звена.

24 сентября Борис Гомолко, командуя звеном, провел последний бой над станцией Котлубань. Бой был неравным. Эскадрилья наших «яков» схватилась с двумя десятками вражеских истребителей. Прошив одного «мессершмитта» очередью своей скорострельной пушки, Гомолко не успел увернуться от огня второго вражеского самолета...

283-я дивизия в это время уже входила в состав 16-й воздушной армии, подчиненной Донскому фронту. И в армии все еще говорили о первом подвиге Бориса Гомолко и зачитывали приказ наркома. Военный совет Донского фронта, в связи с подчинением ему 283-й авиадивизии, принял приказ народного комиссара на свой счет и 25 сентября 1942 года решил наградить отважного летчика тоже орденом Ленина. Но его уже не было в живых...

5

12.10.42 г. **В Свердловск**

Здравствуйте, Людмила Мефодьевна!

С приветом к вам Варвара Филипповна...

Сообщаю о вашем братишке Борисе Мефодьевиче. Он был с моим сыном Серафимом и с Братаничем у меня. Пробыли они с 9 по 18 июля, потом я проводила их. Они поехали в Саратов. Когда я их провожала, Борис просил, чтобы я его письма пересылала вам. Долго ждала и, наконец, получила.

Вы простите, что я не написала вам адрес Бориса. Из Саратова они уже выбыли, и точного адреса у них еще нет. Как пришлют, так отобью вам телеграмму...

Варвара Филипповна Родина.

20.11.42 г.

Добрый час. Здравствуйте, Людмила Мефодьевна!

Не хотела я вам это писать и расстраивать вас, но все же решилась. Так вот, сообщаю, что ваш брат Борис Гомолко погиб 24 сентября 1942 года. Он погиб, как герой, был награжден орденом Ленина, и присвоено ему было звание лейтенанта. Конечно, когда я получила письмо от своего сына и прочитала, я не помню, что было со мной. Так расстроилась, что целыми ночами не сплю, все думаю о них. Теперь вот и от сына нет слуху 2 месяца...

Варвара Филипповна.

22.1.43 г.

Вы пишете, чтобы я переслала вам письмо Серафима, в котором было описано о вашем брате. Но оно куда-то затерялось, никак не отыщу. Извините меня...

Мое положение не весьма приятное. Получила из части извещение, что Серафим не вернулся с боевого задания. Для меня это большое и непоправимое горе. Но что сделаешь, приходится мириться. Хотя это горе долго не забудешь...

С приветом к вам Родина Варвара Филипповна.

Это последнее письмо от доброй и теперь тоже осиротевшей женщины, принявшей сердечное, материнское участие в судьбе брата, Людмила Мефодьевна получила почти одновременно с «похоронкой», подписанной командиром полка Степаном Чирвой. Он выражал ей соболезнование; сквозь скупые строки чувствовалась его боль о погибших боевых товарищах, молодых. энергичных и жизнерадостных, которых он успел по-отечески полюбить, потому что на них можно было положиться, как на самого себя.

ПИСЬМА НА ТУ СТОРОНУ ФРОНТА

I

Первое письмо с фронта сержант Михаил Удовиченко послал домой, в Воронежскую область, в первый день войны — 22 июня 1941 года. Собственно, фронта еще не было. Война, которую и предполагали, и не верили, что она может быть, разразилась внезапно. Выждав момент, ринулись на нашу землю бронированные вражеские полчища, сея смерть и разрушения, и удар их приняли на себя советские части, охранявшие границу. На всем протяжении от Мурманска до Измаила граница стала фронтом, хотя на армейских картах он в те дни не имел названия.

Сержант Михаил Удовиченко служил неподалеку от румынской границы, командовал пулеметным расчетом в комендантском взводе. К тому дню срок его действительной службы перевалил на вторую половину, и он уже мысленно строил планы жизни после увольнения из армии. Конечно, собирался закончить Усманский учительский институт, с первого курса которого он и был призван на военную службу. А получив диплом учителя литературы, думал вернуться в родное Подгорное, в школу, которую окончил сам и где учились его три сестры.

И вдруг — война!

Самый длинный день в году, оказавшийся воскресным, начался у Михаила скучно и беззаботно. После дежурства по гарнизону он чувствовал некоторую вялость и не знал, чем себя занять.

Солдаты ушли на политзанятия, и один репродуктор гремел в опустевшей казарме.

Внезапно бравурную музыку оборвал тревожный голос диктора. Сообщение, переданное им, ошеломило невероятностью. И тут же до Михаила долетел резкий сигнал боевой тревоги...

Здравствуйте, дорогие Марфуша, Маруся и Таня! Извините, что пишу сразу всем. Хоть обижайтесь, хоть нет, а иначе не могу.

Сегодня перед обедом услышал страшную весть. И с этого часа я не мог найти свободной минуты, чтобы написать вам письмо, быть может, последнее письмо. Работы — по горло. И вот нашел минуту. Хочется многое сказать вам. Но вряд ли смогу. От фронта — 200 метров. Многие мои друзья уже пали смертью храбрых, а я все еще на месте. Как-то не верится, что я через час-два вступлю в бой...

В эти минуты мне хочется сказать вам от всей души: «Благодарю вас за постоянную заботу обо мне. Простите мне за все, если когда-либо я чем обидел вас».

Я зачем-то говорю так, словно мы больше не увидимся. Будем надеяться на лучшее. Все же на всякий случай прошу вас всех исполнить некоторые мои просьбы:

Марфушу: передай привет дружку моему Ковалеву Федору;

Марусю: если будешь знать, что я уже не вернусь, сожги все мои тетради, все до одной;

Таню: главное — учись, и только отлично.

И всех вас прошу помогать отцу и дорожить им...

Тридцать лет хранила письма брата Мария Федоровна Школина. Много лиха выпало на ее долю, трудная и суровая досталась ей судьба. И как ни старалась, не все удалось ей сберечь, что принадлежало брату. Потерялся где-то и конец первого Михаилова письма с фронта.

Впрочем, к тому времени, когда оно дошло до Подгорного, Михаил находился уже по ту сторону фронта, его часть сражалась в окружении.

Однако вступить в бой в тот, первый, день ему не довелось. Командир послал его с донесением в корпусной штаб, который располагался на узловой станции Вапнярке. Оттуда Михаил уже не вернулся в полк, его оставили при штабе. Штаб-

ная должность его не обрадовала, и он посетовал в письме отцу:

Я пока еще на месте. По случайности просто остался при штабе. И живу неплохо. Только много работы да стыдно, что все мои товарищи уже дерутся, а я еще не знаю, чем и порох пахнет.

Вы, должно быть, и не спите и не едите, все обо мне думаете. Пока не беспокойтесь. Мы еще свидимся, хотя может и не скоро.

Как-то там дела у вас? Многих, должно быть, взяли по мобилизации...

Пишите мне о вашей жизни и подгорненских новостях. Мой адрес: Винницкая область, ст. Вапнярка, п/я № 11.

Передайте Тане, что ее письмо, посланное еще до войны, я получил и рад, что она успешно перешла в 7-й класс.

Ваш Михаил.

Месяца через два от Михаила пришло еще письмо, посланное им с дороги, так как штаб, в котором он служил, перемещался ближе к району военных действий. «Сейчас,— писал Михаил,— остановились южнее Ямполя. На днях вступим в бой».

Это письмо в Подгорном читали, не подозревая, что части, в которой начал войну сержант Михаил Удовиченко, уже не существовало. Ее остатки, оказавшиеся во вражеском окружении, мелкими группами и в одиночку, иногда схватываясь с неприятельскими заставами, а то глухими тропами, по оврагам и перелескам пробирались к фронту, к своим.

В стычках с немецкими патрулями Михаил растерял товарищей и скоро остался один. Полуголодный, питаясь лишь тем, что находил в садах и огородах, собирая зерно на ограбленных оккупантами колхозных токах, а иногда разживаясь кусочком хлеба у сердобольных селянок, он упрямо двигался на восток с пистолетом за поясом, готовый в любую минуту вступить в смертельную схватку, но только не даться врагу живым.

На подходе к Днепру в селе Браиловка Михаил нашел короткий приют в доме старого колхоз-

ника Степана Илларионовича Куевды. Хозяин подвергал себя большому риску: за тайное укрывательство командиров Красной Армии немецкие оккупанты расстреливали. Но Куевды свирепой кары не страшились и отечески привечали своих воинов, пробиравшихся из окружения к фронту, помогали и хлебом и добрым словом, потому что в каждом видели будущего своего избавителя от проклятого фашистского ига. Михаила переодели в крестьянскую одежду, снабдили припасами на дорогу.

Мария Федоровна много лет спустя после войны разыскала всех, кто в те лихие годы принимал сердечное участие в судьбе брата и бескорыстно помогал ему, когда он нуждался, и отблагодарила всем теплом своего щедрого сердца, которое тоже было отзывчиво на чужую беду.

Степан Илларионович помнил хмурого коренастого сержанта из-под Воронежа. Во двор Куевды он вошел измученный и истощенный, но его глаза горели неистребимой силой и решительностью. Он попросил хлеба и не хотел оставаться даже до утра. Он не знал, далеко ли фронт, но готов был шагать хоть до Урала, лишь бы добраться до своих.

— Ничего, отец,— разжимал он спекшиеся губы,— тут нас растрепали. Но основная наша армия цела. Маловато у нас пока сил против немца. Поэтому там,— кивал он на восток,— сейчас каждый солдат дорог, каждая винтовка на учете. А я-то ведь пулеметчик, обученный, обстрелянный. От моей верной руки еще не один десяток фрицев ляжет. Мне туда скорей надо, там меня заменить некому. Как соберемся все да народ нам новое оружие даст — вот уж ударим по немцу. Не сомневайся, отец, наша победа будет. Не только изгоним немца с русской земли, с Украины, но и до самого Берлина дойдем. Как уже не раз бывало. Так что не «прощайте» говорю вам, а «до встречи».

С тем и ушел суровый сержант к Днепру, закинув за спину холщовую торбу.

Он оброс густой бородой и походил на старика-беженца. Его внешность не вызывала подозрения у оккупантов. А дорожные заставы немцев и полицейские кордоны он научился обходить стороной.

По ночам переплывал реки. Таким образом в начале октября он перебрался и через Днепр. И 31 октября, преодолев вплавь уже ледяную Корочу, под Старым Осколом вышел к своим, простуженный и едва державшийся на ногах от голода и долгих опасных странствий. Но в госпитале не задержался, попросился в часть, на фронт. Однако его оставили пока в тылу, в хозяйственной роте. Отсюда он и сообщил домой о своем возвращении на родную землю.

Здравствуй, Маруся!

Извини, что долго не писал. Так получилось. Долгое время, с 15 августа по 31 октября, пришлось провести на территории, занятой немцами. За это время довелось всего испытать. 31-го попал к своим. Теперь опять в армии. Нахожусь сейчас в Новом Осколе. Работы много, работа хлопотная, но в тылу. Дальше не знаю, где буду... Едут ребята в Россошь. Передаю с ними письмо.

А Подгорное лежало от Россоши всего-то в 30 километрах по железной дороге! Как мечтал он сам о такой командировке! И надо же — повезло! Вскоре и его послали по делу в Россошь. Командир разрешил на три дня заехать домой.

Эти дни пробежали, как один миг.

Раненный еще в первую мировую войну, отец по-прежнему служил ночным сторожем. Марфуша работала в райфинотделе. Мария, с грудным ребенком на руках, хозяйничала, разрываясь на две семьи. А Танюшка училась. Мужья старших сестер были в армии.

Михаил за эти три дня кое-что поправил, подремонтировал во дворе и в доме.

Прощался с сестрами у вагона, весело балагуря, уверяя их в своем скором возвращении с победой.

Тыловая беспокойная служба у него продолжалась. Случалось, и прилечь было некогда. Для письма домой выкроился час лишь в новогоднюю ночь.

...Очень долго не писал вам о себе. Но вы простите меня. Переведен я в другую часть на должность старшины роты. От передовой далеко. Не соглашался поэтому, но мне сказали, что и тут работа важная.

Вчера, например, ездил получать красноармейские подарки. Почти все они приготовлены воронежцами. Радостно знать и чувствовать поддержку и заботу о нас всего народа.

Танюше от брата пришла отдельная новогодняя поздравительная открытка, на которой был изображен наш солдат-лыжник в белом маскировочном халате, стреляющий с подпорки, устроенной из лыжных палок. Рисунок сопровождала надпись: «Новогодний привет с фронта».

2

В мае началось наступление наших войск под Харьковом, и Михаил запросился на фронт, но получил отказ. Новостями его однообразная служба была небогата, и он редко писал домой.

11.6.42 г.

Здравствуйте, папа!

Извините, что я долго вам ничего не писал. Живу я постарому, нахожусь на прежнем месте.

Погода здесь хорошая, проходят небольшие дожди... Плохо только, что много полей не засеяно. Война мешает.

Как у вас там с севом. Все ли поля засеяны или нет? Напишите, что на огородах посадили... Как сады цвели в Подгорном и как завязались?..

Ваш сын Михаил.

Однако вскоре на фронте круто изменились события, и эти перемены отразились на службе старшего сержанта Михаила Удовиченко.

После неудачного наступления наших войск на Харьковском направлении немцы, перегруппировавшись, в свою очередь прорвали нашу оборону под Воронежем и двинулись к Волге и на Кавказ. Родное Подгорное осталось по ту сторону фронта. Переписка с домом оборвалась. Михаил решительно и настойчиво повторил свой рапорт, указав, что он, опытный пулеметчик, командир, не может сидеть в тылу в такое время. Через два дня он сдал свое «банное хозяйство» старшине из нестроевых и получил новое назначение — формировать маршевые роты на фронт. С одной из них, уже осенью, он, наконец, отправился и сам.

Он попал на Сталинградское направление, в 76-ю стрелковую дивизию, которая после длительных и тяжелых боев в донской излучине, потеряв чуть ли не половину своего состава, была выведена в резерв на кратковременный отдых. Михаила Удовиченко назначили помощником командира стрелкового взвода. Хотя взвод и небольшая воинская единица, но хлопот у помощника взводного хватало: он заботился, чтобы солдаты были одеты, обуты, вовремя накормлены, каждый в достатке снабжен патронами и гранатами; он поддерживал дисциплину, назначал наряды, ведал взводным имуществом...

С присущим ему рвением Михаил принялся за исполнение новых обязанностей. Опыта ему было не занимать, подходы к солдатской душе ему были известны, и боевая служба с первых же дней пошла у него успешно и гладко. Только беспокоила мысль об отце и сестрах, подпавших под власть фашистских оккупантов. Горечью наполнялось сердце, когда он думал, что лишен возможности сообщить им о себе. Угнетала мысль, что в жестоких боях, которые шли уже в самом Сталинграде, он может сгинуть, а они не узнают, где и когда это случилось. Смерти он не боялся — на войне она неотвратимая спутница солдата, и к ее соседству можно привыкнуть. Он боялся безвестности. Ему хотелось, чтобы

родные, школьные друзья, все подгоренцы знали, как честно, стойко, без страха он воевал.

На фронте солдат ни в чем так не нуждался, как в сердечной поддержке близких, и эту поддержку он ценил дороже собственной жизни. Михаил не мог даже мысленно допустить, чтобы оборвалась нить, связывавшая его с родным очагом. И если не было надежды и возможности получить весточки из дома, то сам он не писать не мог. Он не сомневался, что немецкие оккупанты не долго похозяйничают на советской земле; не станут их вотчиной и воронежские просторы с милым его душе Подгорным. И верил, что его письма достигнут адресата.

13.10.42 г.

Дорогой отец, Марфуша, Маруся и Таня.

Это письмо, быть может, вам покажется очень странным, оно странно и для меня, но ничего не сделаешь, приходится пользоваться этим случаем. Дело в том, что я завтра уезжаю на фронт, воевать. Кто знает, что станется со мной и когда. С вами я не имею связи с мая. Сейчас вы находитесь под фашистским игом. Я очень сожалею, что ничего не знаю о вас, но я знаю, что вам сейчас несладко, и мне от этого горько. И поэтому я даже обрадовался, узнав, что еду на фронт. Я знаю, что я еду воевать, защищать свою Родину, освобождать своих родных, отца и сестер Марфушу, Марусю и Танюшу. Не буду жалеть своих сил, а если понадобится, то и жизни.

Да, самое дорогое — жизнь! Хочется жить, чертовски сильно хочется! Но долг требует, и я обязан покориться ему.

Сейчас я не могу отослать это письмо. Потому что оно не дойдет в Подгорное. Поэтому я передаю его одному старику из Острогожского района, села Петренково. Он уже пожилой. На фронт вряд ли попадет, и я думаю, что он доживет до того дня, когда можно будет отослать это письмо. Фамилия его Колонтаевский.

Возможно, я погибну, то знайте, что я все это время сильно беспокоился о вас. Завтра двинемся в направлении Серафимовича на Дону...

Михаил.

15.10.42 г.

...Сегодня уезжаю на фронт, воевать. Иду защищать Родину, освобождать Россию и Подгорное.

Это письмо вам перешлет хозяйка, где я стоял в последнее время на квартире. Маруся или Марфуша пусть свяжутся с ней, она может больше написать обо мне.

Пока. Крепко всех целую. Михаил.

Он оставил эти письма людям, которым доверял. Но был у него еще один адрес. Михаил помнил его так же, как адрес отчего дома, и был тот адрес ему столь же близким и дорогим, но вот уже почти целый год — запретным. Надо было бы давно выбросить из сердца и имя ее, и адрес, а он не мог забыть о ней, тосковал.

Она была тоже подгорненской. Познакомились и сдружились они, когда Михаил заканчивал десятый класс, а она училась в Воронежском педагогическом техникуме. Может быть, она помогла ему выбрать себе будущую учительскую профессию... Так или иначе, у них оказалось много общих интересов, и когда они встречались, было о чем поговорить. Бывало, допоздна бродили они по спящим сельским улицам или сидели над тихой речкой и говорили о том, как это хорошо учить ребят, ходить с ними на экскурсии, вести класс из года в год и видеть, как твоими стараниями вчерашние доверчивые и любознательные несмышленыши набираются знаний, учатся трудолюбию, проникаются любовью к отчему краю, к Родине. Одна и та же мечта будто сливала их, и иногда нечаянно вырывались слова: «А у нас с тобой будет...» Они ловили себя на этих словах, смущенно замолкали и потом долго смеялись. Мотя становилась такой милой и близкой, что ему всякий раз хотелось расцеловать ее, но он долго не решался это сделать.

Вскоре его призвали в армию. Но их дружба продолжалась, и они часто писали друг другу. Справедливо сказано в купринской «Олесе»: «Разлука для любви, что ветер для огня: маленькую любовь она тушит, большую раздувает сильней». Спустя полтора года, перед самой войной, когда Михаил собирался в свой первый армейский отпуск, он понял, что не может жить без Моти, что она — его судьба, ему предназначена. Он не знал, что ветер разлуки уже безжалостно загасил то слабенькое, как огонек свечи, чувство, которое она питала к нему.

Мотя окончила техникум и стала учительницей в сельской школе верхнего Прихоперья. Началась война, и почти все мужчины ушли на фронт. Однако Мотя не стала ждать своего сердечного дружка. Тем более, что он сразу пропал, и целых три месяца от него не было вестей. А тут подвернулся подходящий человек, видный районный работник, освобожденный от призыва в армию. В то время, когда ее разыскало первое письмо вышедшего из окружения Михаила, она уже была занята приготовлениями к вступлению в законный брак. И отписала Михаилу, чтобы не тревожил ее больше.

Михаил поздравил Мотю и пообещал не напоминать о себе, хотя делать это ему было трудно, потому что в его сердце она осталась навсегда.

И вот, когда он опять попал на фронт, в пекло сталинградского сражения, и впервые подумал, что может не вернуться, а сообщить об этом своим близким не мог, он решился написать Моте.

23.10.42 г.

Я пишу это письмо не за тем, чтобы разбудить прошлое и вернуть утраченные надежды, нет! Я знаю, что ты утеряна для меня безвозвратно, что у тебя, быть может, счастливая семейная жизнь. Как ни больно мне, но я примирился с совершившимся.

Примирился, но не забыл. Твой образ я и сейчас вижу, как живой. Сегодня ты снилась мне...

Странно, честное слово: ведь три года тому назад в этот день закончились наши встречи. Помнишь ли ты это? Прости, я не утерпел и нарушил свой обет. Больше этого не будет.

Мотя, это письмо к тебе меня побудили писать не воспоминания прошлого, а некоторые обстоятельства, происшедшие в моей жизни. До 15-го этого месяца я находился в части, адрес которой домашние мои знают по последним моим письмам.

Теперь я на фронте. Но отец и сестры мои узнать этого не могут. О семье я не слышу ничего уже полгода. И вот я прошу тебя, Мотя, когда будет возможность, прочесть это письмо моим родным. Пусть это будет через год, два или больше. Это последнее письмо к другу.

М. Удовиченко.

3

Передышка 76-й дивизии выпала недолгой. Скоро она вновь заняла боевые позиции на левом берегу Дона, чуть севернее станицы Клетской. В штабе дивизии разработали план захвата плацдарма на правом берегу. План смелый, хорошо продуманный, суливший несомненный успех. Его рассмотрели и одобрили в штабе армии, а затем утвердил командующий фронтом генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский.

Ранним утром 24 октября, вслед за коротким и мощным ударом нашей артиллерии по вражеской обороне, на противоположные донские кручи первым выбрался полк Сушкова; в нем служил и Михаил Удовиченко. Завязался ожесточенный бой за Клетскую, который шел весь день. Яростно дрались бойцы. Их звал вперед недавний подвиг замполитрука Петра Гутченко и младшего лейтенанта Александра Покальчука. Чтобы поддержать атаку своего подразделения в критический момент, они пожертвовали собою: закрыли своими телами изрыгающие огонь амбразуры вражеских дзотов. Их геройская гибель добавила ярости в сердца наших солдат, и до сумерек Клетская была очищена от неприятеля.

Когда бой затих, Михаил Удовиченко, разгоряченный и возбужденный, по счастью не получивший ни одной царапины, пока солдаты отдыхали, насобирал по ближайшим дворам десятка полтора лопат и объявил:

— После перекура — разбирай лопаты. К утру зарыться в землю так, чтобы никакая нечистая сила нас отсюда не выковырнула.

Несмотря на отчаянные контратаки противника, 76-я удержала Клетскую и прочно закрепилась на правобережном плацдарме. Он очень скоро пригодился, и его значение оказалось весьма важным для успеха последовавшего вскоре общего наступления войск Юго-Западного и Донского фронтов, которое завершилось окружением немецкой армии под Сталинградом.

В ночь на 19 ноября на маленький пятачок у Клетской, преодолев ледяную шугу, через Дон скрытно и бесшумно переправилась вся 76-я дивизия. Собрались в мощный кулак, изготовились.

Утро выдалось морозным и туманным. Над донскими берегами висела напряженная тишина, как перед грозой. И вдруг густой, словно замешанный на молоке, воздух разорвал грохот сигнального залпа «катюш». И тут же по укрепленным вдоль Дона позициям врага ударили три с половиной тысячи советских орудий и минометов. Почти полтора часа крушили они вражеские доты и блиндажи, в щепы разносили огневые точки, рвали заграждения, били по минным полям и скоплениям танков. В 8 часов 50 минут взлетела ракета — сигнал атаки. Из наших траншей дружно и густо поднялась первая цепь наступающих. И в ту же минуту за их спиной мощно грянули трубы полковых оркестров, покрыв своими звуками глухой треск выстрелов. Это было потрясающее зрелище: из траншей одна за другой выкатывались солдатские волны, а вслед им гремели военные марши девяноста медных труб.

Какой солдат не знает могучего воздействия военной музыки? Под оркестр в годы войны мы выходили на учения из промерзших землянок с плетневыми стенами, которые служили нам казармами. Энергичные и заливистые марши встречали нас, усталых, обледеневших и голодных, с учений. И распрямлялись спины, в глазах вспыхивали задорные, как чертенята, огоньки. Последний километр, ведущий в наш занесенный снегами лагерь, мы не шли, а плыли, как на параде, на крыльях музыки, не чувствуя усталости и не думая об ожидавшем нас небогатом ужине и холодной ночи на плетневых нарах. Музыка захватывала нас. И так было каждый день, в любой мороз, в любую слякоть.

Довелось мне однажды слышать полковой оркестр и на фронте. Летом 1943 года под Ельней готовилось на нашем участке наступление, как писали в сводках информбюро, «местного значе-

3 Заказ № 206

ния». Сосредоточились и укрылись в ближайшем лесочке танки. Рядом, в лощине замаскировался целый артиллерийский дивизион. Говорили, что там, в кустах, стояли и «катюши». Но случилось несчастье: немцы уволокли с нашей стороны неосторожного солдата — и у них разведка иногда действовала дерзко. Конечно, командование в тот же день отменило наступление на нашем участке и тотчас убрали танки и артиллерию. Немцы же тем временем усилили свой участок фронта. Нас принялась долбить немецкая авиация. Коршуны со свастикой налетали на злосчастный лесочек, на лощину и нашу передовую аккуратно два раза в день, как по расписанию: вскоре после завтрака и после обеда. Бывало, пикировали на лесок, где не было ни одной живой души, и на наши траншеи целые армады. В последний раз перепахали наш передний край до неузнаваемости. Хотели подавить нас смертоносной бомбежкой не только физически, но и морально. И в самом деле, когда самолеты улетели, солдаты, полуоглохшие и полузасыпанные, словно оцепенели. И вот тогда из развороченного и опаленного лесочка, где перед тем стояли танки, неожиданно грянул знаменитый марш Чернецкого. И зашевелились, ожили траншеи. К вечеру передний край был восстановлен в прежнем виде. Ночь переждали, а утром пошли в наступление...

Однако вряд ли за всю войну было такое, как под Клетской, где под оркестры пошла в наступление целая дивизия. И натиск ее был стремительным и могучим. Враг сопротивлялся ожесточенно. И только 76-я да соседняя 293-я дивизии продвинулись к исходу первого дня на 5—6 километров в глубь обороны противника. Они добились наибольшего успеха. Велик и сокрушителен был первый, самый решающий боевой порыв, усиленный музыкой.

Вечером 23 ноября 76-я ворвалась в хутор Платонов. Преследуя врага, вновь форсировали Дон. Из хутора Большенабатовского устремились к Песковатке.

Потом на пути наступающих в заснеженной степи встали, как бастионы, пять курганов, господствовавших над ровным пространством. Курганы опоясались траншеями, проволочными и минными заграждениями, ощерились дзотами и пушками окопанных танков и казались неприступными. Но они клином врезались в расположение наших войск, и их нельзя было обойти. 76-я штурмовала ключевой левый курган. Вместе со всеми в атаку бросался, откатывался и вновь вставал уже поредевший взвод Михаила Удовиченко. Неизвестно, как воевал он, чем разил врага: из надежного ли «максима», который мог разобрать и собрать с закрытыми глазами, или действовал еще редким в то время автоматом ППШ, но он штурмовал тот проклятый курган.

Тут и догнала 76-ю стрелковую дивизию добрая весть: соединение удостоили высокого гвардейского звания. С 23 ноября 1942 года она стала именоваться 51-й гвардейской стрелковой дивизией. Старший сержант Михаил Удовиченко пошел дальше. Но до Сталинграда он не дошел...

4

На рассвете 7 июля 1942 года немцы вошли в Подгорное. Село встретило оккупантов напряженным безмолвием, будто вымершее. Жители, наслышанные о злодеяниях фашистов, попрятались кто куда. Удовиченки еще заранее выкопали в саду, поодаль от дома, глубокую щель, чтобы укрыться в ней от обстрела. Как только с улицы донеслась автоматная трескотня, Федор Яковлевич, подхватив маленького внука, побежал к спасительному окопу. За ним устремилась Таня. Потом, наскоро собрав узелок со снедью, в окоп спустилась Мария. В окопе они застали двух раненых красноармейцев, приползших из госпиталя, который располагался в школе и не успел эвакуироваться. У обоих бойцов были прострелены ноги, но они еще могли двигаться и в по-

исках временного прибежища попали в чужой окоп. А немцы то перебегая по улицам кучками, то крадясь, словно волки к добыче, беспорядочно и зло строчили по окнам, по огородам и хозяйственным постройкам, по всему живому и неживому.

Увидев в окопе раненых, Мария ахнула:

— Миленькие, родненькие! Как же вы сюда? Да что же с вами делать?

— Мы не надолго,— повернув к ней искаженное болью и тревогой лицо, зашептал один.— Вот пройдут немцы, и мы уйдем, уползем.

Таня приподнялась над краем и воскликнула с болью:

— Маня! Фашисты по окопам гранаты швыряют. Вон к соседям бросили. А у них ведь тоже ребеночек...

Она заплакала.

— Не реви!— сурово сказала Мария.— Помочь надо бойцам. Видишь, кровью исходят. Повязки пока перетяни, а я сейчас...

Она выскочила из окопа и, пригибаясь, бросилась к дому. Вернулась с большим узлом. Принесла что попалось под руку: Михаиловы и мужнины старые брюки, рубахи, кепку, отцов картуз. И принялась стаскивать с раненых солдатское обмундирование. А Таня, опять высунувшись из окопа, следила за немцами.

— Ну вот, теперь вы как будто наши, сельские,— оглядев переодетых бойцов, одобрительно сказала Мария.— Так и скажем, если спросят.

— Мимо, мимо прошли!— возбужденно сообщила Таня.

Раненые просидели в окопе до вечера, а когда стемнело, помогая друг другу, ушли. Таня проводила их до речки.

На следующий день Мария с Таней побежали в госпиталь. Там уже хозяйничали немцы. В школьных классах на соломенных подстилках лежало еще более восьмидесяти тяжелораненых. Они не могли даже двигаться, многие бредили. Немцы прошли по палатам, переступая через

лежащие на полу, окровавленные тела, высматривая по знакам различия командиров и комиссаров. Несколько человек отобрали и, не обращая внимания на протесты и причитания столпившихся у дверей женщин, погрузили в закрытую машину и куда-то увезли.

Потом офицер сказал женщинам, указывая на оставшихся:

— Это есть ваши зольдаты. Ви их должен кормит и ухаживайт. А ми вас будем охраняйт.

Две недели подгорненские женщины, в их числе Мария и ее старшая сестра Марфа, взяв на себя обязанности медсестер, выхаживали, как умели, и кормили, чем могли, оставленных без помощи раненых. Вместо лекарств готовили травяные настои, а на бинты рвали простыни. Многие умерли у них на руках. Их, безвестных страдальцев, окропив горючими слезами, хоронили тут же, за школьной оградой. Некоторым помогли набраться сил и тайком проводили на восток, к фронту. Но исчезновение выздоравливающих немцы заметили. Всех женщин из госпиталя прогнали, а раненых отправили в Россошь, в лагерь военнопленных.

И потянулись в Подгорном долгие и мрачные, как осенняя ночь, месяцы фашистского ига. В селе оставались лишь старики да женщины с детьми. Но и их фашисты обложили непосильной трудовой повинностью: гоняли мостить дороги, копать рвы, разгружать вагоны на станции. А осенью оккупанты устроили подворный обход и отобрали у жителей всю теплую одежду. Мария потом написала брату Михаилу под Сталинград о кошмарных днях оккупации: «Немцы повсюду развесили угрожающие приказы: позже 5 часов вечера на улицах не появляться, друг к другу не ходить, квартиры на ночь не закрывать. Замучали ночными облавами и поборами. У нас взяли отцов полушубок, мужское белье — и мужа моего, и твое, и отцово,— машинка для стрижки попала на глаза — и ту взяли. Больше нечего было брать: мы еще раньше все вещи

позакопали в землю, считали: пусть лучше сгниет, чем достанется врагу.

А лютовал вражина как! Мою ровесницу, соседку, застрелили ни за что. Она хату белила на лестнице. А немцы вздумали сено скирдовать для своих лошадей. Один подошел к ней, потребовал лестницу. Соседка спроста ответила: «Да она мне самой нужна». Стянули невинную женщину с лестницы и тут же, у хаты, расстреляли. Невозможно всего описать, что натерпелись...»

Но не получил этого письма Михаил Удовиченко. Не ответил он и на второе, на третье письмо, в которых Мария и Марфа извещали брата о своем житье-бытье после изгнания оккупантов из Подгорного.

В конце февраля 1943 года неожиданно пришел солдатский треугольник от... Моти. Местность, где она учительствовала, не подвергалась фашистской оккупации, но ее родственники остались в Подгорном, и она справлялась у Марии Удовиченко, которая приходилась ей дальней родственницей по мужу, об их судьбе. «2 ноября 1942 года,— писала Мотя,— я получила письмо от вашего брата Миши. Он просил меня, чтобы я, когда будет возможность, передала его содержание вам... Его адрес: полевая почта 206, часть 508».

Мария написала по этому адресу. Но Михаил по-прежнему не отозвался. 28 мая 1943 года Мария отправила брату еще открытку:

«Одиннадцать месяцев прошло, как мы с тобой не говорили письменно, но уже не хватает терпения ждать. Мы все встревожены твоим молчанием...

От посторонних лиц мы узнали твой адрес. И вот я пишу пятое письмо, но от тебя нет ответа. Получишь эту открытку — отвечай скорее, ибо твое молчание нас очень волнует».

Вместо ответа на открытку из полка, в котором служил Михаил, пришел перевод на 154 рубля — гвардейское денежное довольствие старшего сержанта Удовиченко М. Ф. за ноябрь.

Сестры терялись в догадках: почему Михаил не получил эти деньги сам? Он никогда прежде не посылал денег из своего скудного жалования домой.

Потом пришел пакет из Острогожска. Случайный знакомый Михаила старик Колонтаевский, имя и отчество которого остались неизвестными, сдержал слово, которое он дал, приняв от Михаила письмо на родину. Как только представилась возможность, он отправил его по адресу. Переслала Михаилову записку сестрам и сельская учительница Александра Ивановна Грекова из придонского хутора Демочкина, у которой он квартировал несколько дней.

Вскоре Матрена Гавриловна переехала жить в Подгорное. В разговоре как-то показала Марии письмо Михаила и позволила переписать его. Но само письмо она потом утеряла. И сохранилось оно у Марии Федоровны только в копии.

Отец и сестры долго не верили, что Михаила нет в живых, да и похоронки не было. Тогда Мария послала запрос в Москву. И тут прилетела первая горькая вестница: вернулась Манина открытка со штемпелем полевой почты из 51-й гвардейской (бывшей 76-й) дивизии. На штемпеле значилась дата 22.6.43. Какое грустное совпадение!.. Ведь в этот день два года назад Михаил написал свое первое фронтовое письмо. А рядом на открытке было приписано карандашом: «Адресат выбыл». Не успели приготовиться к страшной мысли, как пришел ответ из центрального бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии: «Сообщаю,— говорилось в нем,— что пом. командира взвода гв. ст. сержант Удовиченко Михаил Федорович 1918 г. рождения... в бою за социалистическую Родину был ранен и умер 30 ноября 42 г.».

А потом пришла справка из полка, в котором служил Михаил, которая свидетельствовала, что «гвардии ст. сержант Удовиченко Михаил Федорович действительно является участником героической обороны Сталинграда».

«Я НИКОГДА НЕ УМРУ»

I

Бронепоезд «Большевик» охранял от налетов вражеской авиации станцию Филоново и железнодорожный мост через реку Бузулук. Враг рвался к Волге, бои шли на улицах Сталинграда. От Поворино на помощь осажденному городу спешили эшелоны с войсками, танками и артиллерией. Фашистские самолеты беспрерывно атаковали станции по всей поворинской ветке, стремясь затормозить движение поездов и нарушить снабжение защитников Сталинграда. И хотя Филоново находилось далеко от линии фронта, через него тоже пролегал огненный рубеж, только не наземный, а воздушный. Бои над Филоновом кипели не менее ожесточенные, чем на ближних подступах к Сталинграду.

Команда бронепоезда была молодой, но уже закаленной в боях с фашистскими стервятниками. Вместе со всеми мужественно и стойко делила опасности и тяготы боевой жизни и самая юная из всех, телефонистка Фаина Гауло. На бронепоезде она служила почти полгода, а от роду было ей восемнадцать лет.

Она передавала по телефону приказы командира бронепоезда расчетам зенитных установок, которые стояли на бронированных платформах, и держала связь с приданной бронепоезду зенитной батареей. Орудия батареи находились у моста и возле элеватора — самых важных объектов станции. Впрочем, главной целью, на которую немецкие летчики не жалели бомб и сна-

рядов из бортовых пушек, был сам бронепоезд.

Вокруг все грохотало, корчилось в пламени, и над станцией опускался кромешный ад, в котором, казалось, ничего не оставалось живого. Артиллеристы с «Большевика», привыкшие к ураганным атакам, в свою очередь отвечали мощным огнем, метко поражая цели, и не было дня, чтобы филоновская земля не приняла горящих обломков сбитых вражеских самолетов.

Нередко шальной осколок перебивал тонкую нитку телефонного провода, и Фаина выбиралась из своего бронированного укрытия, спрыгивала на землю и, нырнув в яростно бушующий смерч огня, ползком и бегом устремлялась на поиски повреждения. Судьба щадила ее, и она невредимой возвращалась обратно. Правда, потом несколько минут сидела перед аппаратом в оцепенении, унимая дрожь. Но, спустя минуту, по проводам как ни в чем не бывало уже летел ее звонкий голос:

— Батарея! Усильте огонь!..

Держалась она скромно и строго, но ее лицо всегда было приветливым, а душа — ласковой. Ее любили все, и она любила всех, никого не выделяя. Ее лучшей подружкой была старшая сестра Аня, которая вместе с матерью, братом Кешей, маленькой своей дочкой Люсенькой жила в Сибири. Только Ане поверяла Фаина свои сердечные тайны, свои переживания, делилась с нею своими мыслями.

Письма домой Фаина писала нечасто, когда позволяли время и обстановка. Но уж когда бралась за перо, изливала все, что было на душе. Она словно беседовала со своими близкими.

В конце сентября и начале октября 1942 года вражеские самолеты почти беспрерывно бомбили Филоново — к осажденному Сталинграду спешили эшелоны с подкреплением. Было не до писем. О сражениях филоновских зенитчиков с фашистскими самолетами даже сообщало Совинформбюро: «На одну из станций,где стоял наш бронепоезд, налетела группа вражеских бомбар-

дировщиков. Бойцы бронепоезда под руководством старшего лейтенанта Расторгуева... сбили два немецких самолета. Под бомбежкой врага воентехник 2 ранга Ситников и красноармейцы тт. Горев, Богданов и Бабов вывели в безопасное место и тем самым спасли 150 вагонов, груженных хлебом».

Лишь 8 октября у Фаины выкроился час для письма. Случай выпал: простудилась и прихворнула, даже повалялась пару дней. Мысли о родных обступили и запросились на бумагу. И побежали строчки от края до края широкого листа, вырванного из какого-то канцелярского журнала.

Скорее, это был монолог, письмо без надежды на скорый ответ. Правда, пришли весточки от зятя Петра и школьного товарища с фронта. А из дома, из далекого железнодорожного поселка Топки, что под Кемерово, ничего не было...

Вот, милые, родные мои, снова я появилась. Не ожидали от меня письма? А я решила, наконец, написать вам. Ну, так вот. Сначала (как всегда) здравствуйте! Слушайте теперь, как я живу.

Что я могу сказать вам такое? Подумаю. Ну вот, живу хорошо. Все по-старому. У меня две больших радости: два письма — от Петра и Бориса Андреева. Понимаете, только всего два письма за все время в армии! От вас никак не могу получить. И вот не дождусь этой третьей радости.

Теперь я знаю, где папа. Из письма Бориса я узнала, что он лежит в госпитале. Но Петр прислал после него, и я узнала, что он уже вышел оттуда. Я написала папе письмо...

Аня, милая, угадай, о чем я сейчас думаю? (Поставила кляксу.) Смотри-ка, опять клякса! Оказывается, нельзя задумываться. Я думала о Люсе, как она выросла, уже разговаривает. Сестра, дорогая, как я хочу сейчас на вас посмотреть! Вот сейчас сижу и смотрю на тебя. Ты такая родная, близкая, милая Аня. В голове рифмуются слова, надо бы записать. Хорошо, запишу потом.

Я все же пишу, только помаленьку. Знаешь, я чувствую, что надо писать большую (хоть не очень) вещь. Много созрело мыслей, определилось многое. Но, Анечка, условия хоть и прекрасные, потому что столом может быть любой камень, а отправить труднее, почтовая связь плохая.

Правда, благодаря заботам комиссара, иногда пересылаем кое-что. Благодаря заботам того же комиссара, условия работы у меня лучше, чем у других, за меня не беспокой-

тесь. Я никогда не умру, мама, вы, пожалуйста, не беспокойтесь.

Вот вернусь домой, долго не уеду никуда, потому что буду писать. А если теперь потеряете на несколько месяцев из виду меня, то это ничего. Знайте—я жива всегда.

Братик, теперь тебе хочу сказать несколько слов. Вот тебе совет полезный, совет сестры. Смотри, брат, береги самое дорогое в твоей жизни—маму. Я даже здесь никогда не забываю ее. В трудные минуты, во время боя, я вечно помню ее слово—слово матери. Прошу тебя, брат, как сестра, приказываю как красноармеец: береги нашу маму. Почему я живу? Потому что со мной всегда мама, ты, Аня, Люся, папа и Петр. Смотри, сколько много! Да еще со мной любимая Родина, народ, ненависть в груди к врагу и презрение к смерти. Вот что ведет меня в бой, дорогой друг, и выводит невредимой. Так знай, это говорит твоя сестра, верь мне. Я не зря это говорю. Я знаю, что ты иногда делаешь неумные вещички. Аню тоже слушайся. Ведь вас же осталось только двое там. Может, и придется быть двоим все время — вам нельзя ссориться.

Аня, я скоро буду вступать в ВКП(б). Буду бить врага членом великой любимой семьи. Буду говорить прямо: если не вернусь, знайте, что ваша дочь, сестра погибла членом партии. Пусть растет Люсиночка большая-пребольшая.

До свидания, дорогие.

Ваша Фаинка.

Еще в школе, когда ей исполнилось пятнадцать лет, Фаина увлеклась литературным творчеством. До того у нее ни к чему не было особого интереса. А в этом возрасте обычно уже начинают подумывать о будущей профессии, о месте в жизни. Фаина словно вслушивалась в самою себя и ждала пробуждения какой-то страсти, появления цели, которая неудержимо потянула бы ее к себе. Она втихомолку сочиняла стихи, басни, эпиграммы. Писала небольшие рассказы, но не осмелилась показать их подругам, даже любимой учительнице, которой можно было доверить решительно все. В этой трепетной неопределенности ожидания она находилась, пока не прочла книгу «Как закалялась сталь» Николая Островского. Героический роман она восприняла как наставление. Фаину поразила не только сила ду-

ха и воли Павки Корчагина, но и его неколебимая уверенность в достижении поставленной цели, его неистребимая энергия. И тогда она твердо решила, что тоже будет писать. Отныне ее путь в жизни был избран. Она еще не могла сказать себе, кем станет в литературе — поэтессой, журналисткой, драматургом или мастером рассказа. Но что литературная деятельность будет ее профессией, в этом она не сомневалась.

В восьмом классе Фаина написала повесть и послала ее в Новосибирск, в писательскую организацию. Повесть не напечатали, но прислали благожелательный ответ с добрым советом — учиться литературному мастерству.

Первая неудача огорчила Фаину, но не настолько, чтобы она пала духом и разуверилась в своих способностях. Ей уже было известно, что литературный труд тяжел и не всегда благодарен, что призвания, природного дарования недостаточно, чтобы стать писателем. Она знала, что к четверти таланта необходимо приложить три четверти каторжного, как говаривал Бальзак, труда и что писать надо не в час вдохновения, а, как советовал Горький, силой заставлять себя брать в любой день перо в руки и терпеливо оттачивать каждую фразу, как трудятся гранильщики алмазов.

Фаина стала писать фельетоны, эпиграммы и басни в школьную стенгазету. С собственными стихами выступала в концертах самодеятельности. Через год она овладела главным, что нужно в жизни,— научилась трудолюбию. У нее горело все в руках. Она не мыслила прожить и дня без дела.

Попав на бронепоезд, в пекло беспрерывных ожесточенных бомбежек, Фаина поняла, почему ей служится легче, чем другим сверстницам: благодаря трудолюбию, которое развила и укрепила в ней любимая и незаменимая ее наставница, первая и верная задушевная подруга, вдохновительница ее, защита и опора — мать, Марта Демьяновна, как все уважительно называли ее.

Командир бронепоезда и комиссар Федор Яковлевич Яковлев доброжелательно отнеслись к литературным увлечениям Фаины. Командир Яков Данилович Расторгуев взял ее под свою отеческую опеку и был доволен, что она никогда не злоупотребляла предоставленными ей маленькими привилегиями. А комиссару она пришлась по душе потому, что стала его деятельной помощницей. В часы затишья Фаина занимала солдат стихами, интересными рассказами, которых она знала бесчисленное множество и читала мастерски, увлеченно. Она регулярно писала в корпусную газету «Бей врага» заметки и зарисовки о нелегкой фронтовой жизни своих товарищей.

Она никогда не скучала и не унывала. Фаину никогда не видели праздной, она была постоянно занята и всякому делу отдавалась с завидным самозабвением.

2

20.1.43 г.

Дорогие мои, вот вы держите в руках сейчас обыкновенную бумажку, исписанную моим почерком. На этом листе слова, которыми я стараюсь передать то, чем живу...

Бьем подлого врага. Все идет хорошо. Пишу.

Люсинчик, как мне с тобой побегать хочется! Ну, что ж, расти.

Ань, мне хоть не начинай писать письмо. Обязательно надо идти, выполнять задачу. Напишу потом, когда приду. Если это будет.

До свидания, дорогие, может скоро увидимся. Ну, мама, пока.

С приветом ваша дочь и сестра Фая Гауло.

20.1.43 г.

Мама, простите за короткое письмо. Тороплюсь... Иду, простите мне все... Не беспокойтесь обо мне, если долго не будет писем от меня. Ну, мама, пора кончать. Не плачьте, я же знаю, что вы теперь сидите и у вас слезы кап, кап, кап... Это все пройдет, переживем.

Мама, родная! Анечка, береги Люсю, и пусть Кеша учится, скажи ему мой наказ. Родные, как хорошо с вами говорить...

Фая.

27.1.43 г.

Анечка, сестра, сегодня опять вернулась к письму. Что было перед этим и что будет после — это будем знать только я да небо. Перед тем, как писать, я долго думала, почему не пишешь ты.

Пережита минута, в которую промелькнула вся жизнь, детство, школа — минута в самый напряженный момент боя. Теперь мне легко, потому что могу опять поговорить с тобой, с мамой. А то, понимаешь, так много хотелось сказать тогда вам всем, а писать было нельзя. Хочется от папы услышать слово «дочка». Я это слово слышу каждую минуту, только не от папы.

Уехал мой крестный отец, с которым прошло мое первое боевое крещение. Вот и я осталась одна здесь. Мама, как ни трудно будет, а день и ночь молитесь за здоровье Якова Даниловича Расторгуева, нашего любимого капитана, моего отца в боях, лучшего командира. Он меня воспитал действительно бойцом, бесстрашным, смелым. Он с гордостью теперь говорит обо мне, о своей храброй воспитаннице, о его любимой дочери...

Да, мам, еще одно. Меня спросил вчера командир, в кого я удалась, в вас или в папу, трудолюбивая, упорная в труде, настойчивая в достижении цели. Я ответила ему, что и в маму и в папу. Меня заставляют часто рассказывать о вас, мамочка, о папе, об Ане, о доме. Я тут единственная из девушек, которая всю душу отдает людям. А за это так ценят!

Мамочка, родная, спасибо за то, что воспитали меня такой.

Аня, тут сделали вывод, что талант и настойчивость я взяла у папы, а трудолюбие, доброту, сердечность получила от мамы.

Вот сейчас опять хоть замерзни, а просят что-нибудь рассказать о Кемерово, о Сибири. Кончаю. Крепко целую.

Фая.

Решила продолжить письмо вам, мои дорогие. Слушайте о моей жизни. Все хорошо, живу замечательно. Только вот писем не получаю абсолютно ни от кого. Не знаю, или так быстро могут люди забывать или просто не хотят писать.

Вот уже и 8 месяцев как я из дому. Да, мама, для меня эти месяцы мелькнули очень быстро. Незаметно прошло лето, еще незаметнее кончилась осень и началась зима. Вот уже и зимы остался один месяц. А там и год недалеко с того дня, как я была дома. Много изменений, родная мамочка. Теперь мало осталось от вашей Фаинки. Только имя да глаза. Да, родная, только это и все, больше нет ничего. Впрочем, это и хорошо. Все изменения в лучшую сторону. Не удивляйтесь, если с фотокарточки на вас будет смотреть девушка лет 20, не меньше. Что ж, бывает всякое...

Тысячу раз до свидания, прощайте.

3

В фондах Волгоградского музея обороны вместе с тремя фронтовыми письмами Фаины Гауло хранятся и ее боевые награды — медали «За оборону Сталинграда» и «За отвагу» и удостоверение о награждении старшины Фаины Павловны Гауло медалью «За отвагу» в пятнах крови, с расплывшимися чернильными строками от долгого пребывания в воде.

Что же произошло после того, как бронепоезд «Большевик», до конца выполнив свой долг в боях за Сталинград, отправился вслед за стремительно двинувшимся фронтом?

В начале весны 1943 года неожиданно исполнилась ее первая мечта — она стала журналисткой, штатной сотрудницей газеты ростовского корпусного района противовоздушной обороны «Бей врага». Работала в газете с увлечением, писала много. Перед ней открывалась дорога в профессиональную журналистику, к заветному литературному делу. Но хорошо наладившийся, было, ход судьбы вскоре опять резко оборвался. Вернее, оборвала его сама Фаина.

Из дома пришло письмо со скорбной вестью — на фронте погиб отец. А она и до того неспокойно чувствовала себя на должности в тылу. Считала службу в войсках противовоздушной обороны тыловой. А когда погиб отец, совесть ее взбунтовалась. Работа в газете, о которой она так мечтала, начатая повесть о славной команде бронепоезда «Большевик» потеряли для нее всякий интерес. Как ни уговаривали ее в редакции остаться, как ни доказывали, что зенитчики — тоже фронтовики, она настояла на своем, и ее отпустили.

Она попросилась на курсы фронтовых санинструкторов. На войне, казалось ей, не было должности тяжелее и опаснее и в то же время милосерднее и гуманней, чем должность сестры.

Фаина встала в строй сражающихся солдат, на место павшего отца...

На фронт она попала под новый 1944 год. Ее радушно приняли гвардейцы 11-го стрелкового полка 4-й гвардейской стрелковой дивизии. Шли напряженные бои на правобережной Украине. И Фаина сразу угодила в боевую обстановку. Она словно воспрянула: «Знаешь, как хорошо! Вижу врага. Мщу за папу!» — писала она сестре Ане.

Откуда только в ней бралось столько физических сил и душевной нежности! Она быстро стала свойской и всем полюбилась. На нее можно было положиться. А как это важно солдату — быть уверенным, что, если ранят в бою, про тебя не забудут, не оставят, непременно вынесут, спасут. В батальоне была только одна сестрица, одна на всех, но зато проворная, сердечная, бесстрашная.

Сохранился короткий приказ по 11-му гвардейскому стрелковому полку, помеченный 24 февраля 1944 года. В нем сказано: «Санитарный инструктор 2-го стрелкового батальона гвардии ефрейтор Гауло Фаина в период боев с 2 по 6 февраля 1944 года при прорыве сильно укрепленной линии обороны противника северо-восточнее Кривого Рога и при последующем развитии наступления и 24 февраля в бою севернее села Скеливатка вынесла с поля боя 16 раненых бойцов и офицеров с оружием...»

Это был подвиг, заслуживающий достойной оценки. Командир полка своею властью мог наградить лишь медалью, и на следующий день на груди смущенной и безмерно счастливой Фаины рядом с почетным знаком участницы Сталинградской битвы засверкала медаль «За отвагу» — высокая солдатская награда, которую не давали ни за какие другие военные заслуги, а только за личный подвиг в бою, только за отвагу, как в старину Георгиевский крест. Ее повысили и в звании, и стала она гвардии старшиной.

В начале марта фронт подкатился к берегам Южного Буга. Стояла ненастная погода. Река вышла из берегов. Плавни превратились в топи. Но наши войска продолжали теснить врага, не

давая ему ни часа передышки. Фаина под пулями и снарядами, в набрякшей шинели, холодившей тело, без устали отыскивала раненых. Одним оказывала первую помощь и, подбодрив, отправляла в тыл, других волоком на плащ-палатке вытаскивала из огня сама. Бой гремел жаркий, работы у нее было много, и она не заметила, как надвинулись сумерки. Откуда-то из плавней, из темнеющих зарослей камыша ее настойчиво звал отчаянный стон. В воронке она нашла тяжело раненного солдата.

Перетянув его рану последним оставшимся у нее бинтом, Фаина потащила солдата назад. И тут усилился вражеский огонь. Где-то близко, и ей казалось, прямо по ним, строчил пулемет. Она то и дело прижималась к земле, закрывая собою раненого. Сильный удар в правое плечо опрокинул Фаину навзничь. Она почувствовала, как по спине и груди побежали теплые и клейкие струйки. Потом появилась и стала нарастать, охватывая всю грудь, глухая боль. Она догадалась, что ранена, и испугалась. Не за себя, а за стонущего рядом солдата, которого она должна была вынести с поля боя, спасти. Помощи ждать неоткуда: бой отдалялся, и, когда наступили сумерки, они остались в плавнях одни. А под утро ударил мороз...

...Только на пятые сутки саперы случайно нашли их в старом пулеметном гнезде, тесно прижавшихся друг к другу, со слабыми признаками жизни.

4

6 мая 1944 года в Кемеровском горвоенкомате выписали извещение Анне Рудник: «Ваша сестра Гауло Фаина Павловна, уроженка г. Кемерово, в бою за социалистическую Родину, верная воинской присяге, проявив геройство и мужество, была убита 21 марта 1944 года. Похоронена 2 км севернее Ткачевки Новоодесского района Николаевской области».

Неизвестно, кто с фронта прислал такие сведения в Кемеровский горвоенкомат. Они оказались неверными, а в семье Гауло этого не знали. Чем можно было измерить горе матери, потерявшей на войне мужа и дочь? Кто мог утешить ее?

Но мать оплакивала еще живую дочь. Похоронка, известившая семью Гауло о новой потере, преждевременно ввергла близких Фаины в безутешное горе. Потом эта же скорбная весть еще раз войдет в их дом. И Марта Демьяновна испытает двойную тяжесть горя и не устоит под ней.

Врачи фронтового госпиталя, приняв умирающую Фаину, пустили в ход все свое искусство, чтобы вырвать ее из цепких когтей смерти. Столь безнадежное состояние, в котором находилась эта мужественная девушка, им еще не доводилось видеть. Пуля раздробила плечевой сустав и застряла в грудной полости. Но рана была несмертельной, если бы помощь подоспела вовремя. Она же пролежала почти пять суток в залитом водой окопе в мокрой насквозь одежде, которую под утро мороз превращал в ледяной панцирь... У Фаины были безнадежно отморожены обе стопы и кисти рук.

Почти месяц чуть ли не каждый день врачи выводили Фаину из состояния шока. И отодвинули угрозу смерти. Лаконичные строки «Истории болезни гвардии старшины Фаины Гауло» день за днем рассказывали о ее последнем яростном сражении за жизнь. 13 апреля Фаину положили на операционный стол: угрожала гангрена, и пришлось отнять обе ноги почти до колен. После операции к девушке вернулось, наконец, сознание и не покидало ее до последней минуты. Теперь в помощь врачам она мобилизовала все свои жизненные силы.

Но борьба была неравной. Через два дня пришлось ампутировать правую руку, а еще через десять дней были удалены четыре омертвевших пальца на левой руке.

После этого ее перевезли в г. Запорожье. Бес-

кровная, осунувшаяся, совершенно обессиленная борьбой с неотступающей смертью, Фаина лежала в отдельной маленькой палате с настежь распахнутым окном, и весенний воздух наполнял ее ароматом цветущих садов. Под тонким одеялом она выглядела маленьким и беспомощным комочком. Но глаза ее светились могучей силой и неистребимой жизнью. За ней ухаживала, почти не отходя от постели, медицинская сестра, ее сверстница Майя Самсонова*.

Они постоянно беседовали о жизни. Больше Фаина говорила о себе, иронизируя над своей былой наивностью.

— Знаешь, Майечка, мы с сестрой Аней еще девчонками всерьез рассуждали о жизни. Наша семья жила в селе, в сорока километрах от города. Десятилетки там не было, и мы учились в Кемерово, в 12-й школе, а квартировали у тетки. На воскресенье, конечно, возвращались домой, пешочком. Утром, бывало, выйдем налегке, а к вечеру — уже дома. За разговорами-то путь недальним казался. Так вот, мы все спорили: какая жизнь лучше — с трудностями или без них. Я всегда считала: без трудностей, без борьбы — не жизнь, а так, пустое существование. А если бороться, то за что? Опять у нас вспыхивал спор: за себя или за других? Вот такой разговор вели! А я ведь и тогда уже знала, как мне жить надо. Началась война, я в десятый класс перешла. Немцы к Москве подступили, над всей страной угроза порабощения нависла, а я спокойненько хожу, науки осваиваю. Стыдно стало перед собой. Мне уж восемнадцатый год пошел, как партизанке Тане, которую немцы под Москвой в Петрищеве повесили. Оставила я школу и пришла с заявлением в военкомат — на фронт. Вот так и стала я солдатом...

Фаина все время беспокоилась о своих близких: как они там, в Кемерово? Ведь третий месяц она не подавала о себе никаких вестей.

---

* Ныне Майя Яковлевна Самсонова живет в Запорожье.

Майя несколько раз порывалась:

— Давай, Фаинка, я напишу, ты продиктуй, а я напишу.

Фаина останавливала ее:

— Не надо, Майечка, я сама.— Она вытягивала из-под одеяла искалеченную левую руку, шевелила уцелевшим большим пальцем и пыталась улыбнуться:

— Видишь — работает. Погоди, поправлюсь маленько, как-нибудь приловчусь и напишу сама. Я еще романы писать буду. Вот увидишь...

18 июня 1944 года в истории болезни появилась последняя запись: «Умерла от раневого сепсиса».

Похоронили Фаину Гауло со скромными воинскими почестями на запорожском городском кладбище, как было официально записано, «к югу от железной дороги, проходящей у жилищного массива завода № 29, участок ЭГ 1876, могила 40». А 21 августа 1944 года казначей воинской части отправил в Кемерово матери погибшей фронтовой медицинской сестры Фаины Гауло маленький пакетик, в который были вложены медали «За отвагу» и «За оборону Сталинграда» и обагренные кровью удостоверения к ним.

Потом, через много лет, письма, документы и медали Фаины Гауло были переданы на вечное хранение в музей обороны города на Волге, на подступах к которому в памятном 1942 году она получила первое боевое крещение, стала солдатом, чтобы отсюда войти в бессмертие.

ВЫСТОЯЛИ!

Жене Екатерине Ивановне Ведерниковой, в Свердловск

13.7.42 г.

Здравствуй, моя Катюша!

День начинается встречей восхода... Так хорошо! Откуда-то доносится запах свежего сена, и жизнь, кажется, на земле идет безмятежно... если не открывать глаз.

Сижу в Тамбове и жду поезда, который повезет дальше на юг, но какими путями, еще не знаем, т. к. на ст. Поворино пока поезда не идут.

Здания института, где училась наша Нина, и парк вокруг — все разбито, горит, как и многие здания в городе. Девушки из зоотехнического института пришли пешком, с одними узелками, и рассказывают жутко что. По дорогам немецкие самолеты настигают людей и бомбят...

Мой поезд неожиданно ушел вчера в 3 часа утра не по маршруту, а кругалем, через Ряжск—Пензу, и сейчас в пути на Ртищево. Через несколько часов поеду — сяду в тот же вагон и вперед.

Я пишу тебе, чтоб ты знала, где я, и была спокойна. Некоторая доля опасности, конечно, есть, но все, думаю, пойдет хорошо...

Злоба велика на извергов, мучителей, тиранов.

Саша.

19.7.42 г.

...Тебя интересует, конечно, где Петров?* Сообщаю, что он за ст. Калач, это по ж. д. от Сталинграда на Ростов. Не в самом Калаче, а километров 7—8 севернее его. Приехал, работает...

Саша.

20.8.42 г.

Все затянуто дымом пожара, и я пишу тебе это письмо в лесной лощине.

Всю ночь мотался, выполнял поручения. Пыль дорог, гарь степная, коршуны в небе. Как хочется услышать твое слово...

---

* Петров — сам автор писем.

Срочно вызывает комиссар. Иду и допишу позднее...

Пришло радостное сообщение о прорыве нашими частями обороны немцев на Калининском и Северо-Западном фронтах. Сейчас я сделал об этом политинформацию.

Чувствую себя хорошо. Сплю на шинели, укрываюсь одеялом, иногда снимаю сапоги.

Твой Саша.

23.8.42 г.

Ночь сегодня была тихая, тихая и теплая. Пошел уснуть в укрытие около 5 часов утра, когда уже солнце вставало.

Где-то слева, в воздухе, рев моторов, и над нами появляются два «рыдвана» — фокке-вульфы. Это такая сволочь, которая шныряет, высматривает цели, а потом направляет бомбардировщики...

25.8.42 г.

Мы недалеко от той реки, на которой жили с тобой в 1928—1931 годах. Город горит. Десятки высоких столбов дыма. Сердце наполнено жгучей ненавистью к варварам. Сижу в землянке и думаю о выпавших нашей Родине испытаниях...

Обстановка быстро и резко меняется, как на киноленте. Только мы не зрители, а участники.

7.9.42 г.

Передо мной развалины большого города — вдоль реки на десятки километров. Взывают к мести остовы зданий, тысячи испепеленных домишек, торчащие в небо трубы. Такой методичности и дикости разрушения я не видел — это сделали немцы, «немецкие культуртрегеры», которые хотят навести в человеческом обществе «новый порядок». Но все у них построено на лжи, обмане, а временами даже не прикрывается весь цинизм их поведения.

Разведываю на полузатонувшей барже: нет ли имущества, которое можно использовать. Впереди недалеко громыхает и рвется шрапнель. Лезу в небольшой железный бак, а с берега бегут врассыпную женщины, дети, мечутся, ищут, где спрятаться... Самолеты налетают беспрерывно, разбрасывают бомбы.

13.9.42 г.

Пишу наспех. Вчера был радостный день — получил от тебя первую весточку. Ты пишешь, как устроилась, как ходила на заготовку дров. Конечно, нелегко тебе...

Целую ночь я проползал и пробегал на одной возвышенности, которую тут называют Мамаевым курганом. Выполнял важное задание. И был очень рад, когда одна немецкая стерва, Ю-88, упала на моих глазах, врезавшись в землю.

Царапина моя на правой руке подживает, через 3 дня разбинтую. Временами устаю, веки падают против воли. Валит свинцовый сон часа на два, а там опять...

Враг наседает, но по трупам своей коричневой своры. Только, как и в гражданскую войну, не одолеть ему нашей Родины.

6.10.42 г.

Медленно преодолевает рассвет темную ночь, но верно светает. Летят над головой, не очень высоко, мины врага. Он хочет нашей смерти, а мы — его.

Утро. Вся жизнь стихает. Ночью грузили во всякую посуду «гостинцы», чтобы взлетали фашистские гады на воздух, а сейчас иду от берега в землянку. Нынче будет большой праздник — баня в палатке, с паром. Ребята довольны, говорят: «Не уходил бы из бани, покурил да опять в парок».

Интересное желание, правда?

Предутренний час застал меня на маленьком суденышке на Волге. Оно тащилось в Сталинград, там веселее. Ты читала в газете, что фрицев в этот день на юго-западе от города набили крепко.

7.10.42 г.

Жизнь здесь — это беспрерывный бой. Фрицы нащупали наш лесок и бьют из разных видов артиллерии. Один осколок подал мне связной, маленький смертоносный кусочек. А я мечтаю сшибить из бронебойки фашистский самолет.

Был случай, я стрелял с катера, он пролетал мимо, гоняясь за нашим «ястребком» метров 80 над землей. Но... обязательно открою свой боевой счет...

Катюша! В эту минуту я вышел на берег за леском и жду подхода моторки.

А в лесу чертовски хорошо! Земля укрыта листьями, красок полно, и багрянец, и золото. Шумит листва, осень еще полна жизненных соков. А на реке волны, весь берег застлан дымом. Звенят топоры плотников: сбивают плоты. Неподалеку валяется чья-то каска, пробитая в двух местах. Человека нет, осталась только каска да память о защитнике нашего города.

16.10.42 г.

Лежу на брюхе и жду, когда шофер исправит машину — просела задняя рессора. Вынужденная остановка.

Несколько часов назад на другой дороге я вместе со связным ковырял носом и головой песок, а немцы били по перекрестку дорог минами, две разорвались в десятке шагов, сердце сжалось. Но все обошлось... «Гостинцы» мы доставили куда надо.

18. 10. 42 г.

Привет, Катюша!

Сижу в комнате, километров за 70 от переднего края. Комната, правда, нетопленая, холодная, а за окном — дождь с ветром. Так здесь неуютно, что в землянке, в лесу, кажется теплей и приветливей.

Вчера убит Синиченко. Помнишь, он был вместе со мной тогда, высокий, красивый командир отделения. За эти годы вырос до ст. лейтенанта... Убит осколками и волной разорвавшейся рядом авиабомбы. Он выглянул из щели и погиб, а четверо ребят, с ним которые были, живы, отлежались. Принесли мне сегодня его полевую сумку с документами, партбилет.

Через 15—20 минут мы опять — в путь, на Волгу, в Сталинград. Привезу туда кое-что для фрицев, чтобы им скучно стало в развалинах, за которые они так цепляются.

Твой Саша.

1. 11. 42 г.

Мужу, Александру Алексеевичу Петрову, в Сталинград

Вчера получила твою весточку и рада без конца...

Жизнь, Саша, бежит, а не идет, хотя и тяжелое, напряженное время. Вот уж второй год пошел нашей разлуки, сколько еще пройдет времени, когда я тебя увижу.

Я здорова, работаю все там. Идут разговоры, что меня намечают поставить сменным мастером всего нашего предприятия, но я как-то беспокоюсь, справлюсь ли. Ведь надо правильно расставить рабочих, выполнять и перевыполнять норму. И труд тяжелый.

Катя.

7.11.42 г. **В Свердловск**

С последним письмом ты словно сама вошла ко мне. «Когда будете получать обмундирование на фронте — вспомните нашу теплоту и заботу о вас, ведь тысячи вещей прошли через мои руки. Кажется, частицу сердца я вложила в каждую из них — шинели, полушубки, рукавицы, теплое белье. Принимая и сдавая их, беседовала с ними, как с живыми защитниками Родины». Эти твои строки я читал вслух товарищам в землянке, и мы вместе переживали теплоту твоего письма и заботу тысяч людей, самоотверженно работающих в тылу для фронта.

Пишу тебе это письмо 7 ноября, рано проснувшись. Напротив меня сидит связной Стреленко, о котором я уже писал тебе, мой фронтовой спутник. Время около шести. За дверью холодная темная ночь, насыщенная вспышками разрывов,— продолжается сражение за Сталинград, за Родину, за честь земли русской, за Советскую власть, которую народ держит уже 25 лет. Конечно, если бы такой массой огня, самолетов, танков немцы напали на царскую Россию, то неминуемо быть бы нам рабами с ярмом на шее, работать бы на немецких злодеев со свастикой. Но не на ту Россию они напали. Это не Польша, не Франция с продажными петенами, это матушка «советская Русь», сила великая, неодолимая. Из ростка, пробившегося 25 лет назад, вырос ныне буйный лес новостроек, заводов, городов, железных дорог, нефтяных вы-

шек и общество новых людей — стахановцев, ударников. И ты, моя женушка, среди них тоже.

С праздником тебя, моя родная!

Твой Саша.

7.11.42 г. **В Сталинград**

Сегодня, в праздничный день, встала рано, постояла в очереди за хлебом, позавтракала, пошла побродить по воздуху. Весь день кого-то ждала, а кого — сама не знаю.

Но день прошел. А завтра в труде некогда тосковать будет.

Твоя Катя.

10.11.42 г. **В Свердловск**

Глотаю горячий чай и пишу тебе эти строки. 7 ноября получил от тебя письмо, которое ты писала, судя по свердловскому штемпелю, 25 октября...

Ты жалеешь, что не могла собрать мне посылку к празднику. Зря ты даже думаешь об этом. Мне не посылки нужны от тебя, мне достаточно твоих ласковых, светлых и теплых строчек в каждом письме...

16.11.42 г.

Катюша!

Привет тебе от боевых будней.

Справа... идет бой, не смолкают разрывы. И видно, что скоро попрет наша армия поганых фрицев в степь, в зиму. События развиваются в нашу пользу...

До свидания, мой друг.

Твой Саша.

27.11 42 г.

Поздравляю тебя с днем рождения. Я помню этот день и целую тебя, твои глаза, чтобы больше ни одна слезинка не скатилась из них...

В эти дни все мы радуемся успехам нашей славной Красной Армии, нанесшей поражение противнику под Сталинградом и продолжающей громить врага в героическом городе.

Сейчас 6 часов утра. Третью ночь грохочут «катюши», бьют по немцам, выкорчевывают их осиные гнезда.

К нам пришло радостное сообщение о том, что Президиум Верховного Совета СССР учредит медали для награждения всех участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда. Конечно, наша армия, в которой я с первых дней ее боев живу и работаю, заслужила такой награды, она стойко отражает уже три месяца главные удары немцев. Я горжусь, что в успехе нашей, защищающей Сталинград, армии есть и мой труд.

Саша.

29.11.42 г.

Случилась такая оказия. Приехал к нам из управления фронта представитель. Разговорились. Он оказался из

Свердловска. Ну, тут радости было море! Принял я его как родного, прожил он у меня два дня. Мы снабдили его на дорогу хлебом. Я отправил тебе с ним подарок ко дню рождения. Он тебе расскажет обо мне, о моей тут жизни.

Ты пишешь, что тебя хотят назначить на новую работу. Напиши, на какую работу и почему ты сомневаешься в своих способностях.

30.11.42 г.

Эту весточку доставит тебе Сыроквашенков Фёдор Иванович. Он приезжал к нам на Волгу в командировку из Свердловска. Он многое расскажет. Сам наблюдал 28 ноября, как наши сбили трех заблудившихся немецких «юнкерсов» с продовольствием и боеприпасами.

Я по-прежнему работаю помощником начальника инженерных войск героической 62-й армии, которая приняла и выдержала удар главного направления немцев на Сталинградском фронте...

Подавал я дивизиям, что насмерть стояли за Сталинград, мины, мины и еще мины, взрывчатые вещества и средства заграждения. Все это немедленно устанавливалось на подступах, а позднее на сталинградских улицах. Эти «гостинцы» преграждали путь немцам. На них рвались танки противника, взлетали в воздух фрицы. Сколько народ дал мне, столько, без задержки и очень часто под огнем, я в грузовиках подвозил на левый берег Волги. Здесь мы грузили все на бронекатера или баржи. Садились сами и переправлялись на правый берег в огненный ад, на полосу жизни и смерти. Там быстро разгружали и прятали в ямы, чтобы не взорвались от прямого попадания раньше времени, еще не дойдя до фрицевских ног и гусениц.

Я очень люблю жизнь, Катя. Но выше жизни человека — это то, что он несет в своем сердце — бесстрашие и воля. За это его любят и уважают, а трусость и шкурничество ненавидят и презирают...

Напиши, как прошел день твоего рождения? Что делала в этот день? С кем дружишь?

Желаю тебе здоровья.

Саша.

13.12.42 г.

Катюша!

Говорят, что на медали на оборотной стороне надпись: «За нашу Советскую Родину!» Эти слова будут прилегать к груди, скромные, великие слова, которые зовут быть твердокаменным, стремительным. На медали развевается знамя, идут танки, летят самолеты, над всем этим наша пятиконечная звездочка, а выше надпись: «За оборону Сталинграда». Я законно горжусь, что на пятом десятке лет приеду домой с этой славой нашей 62-й армии, которая приняла на себя все яростные атаки немцев

и, приняв их, выдержала столько дней напряженнейшей борьбы.

А о встрече с тобой и Ниной я мечтаю, как о большом празднике, она будет, наверное, весной. Сады зацветут. Народ примется залечивать раны, строить, восстанавливать...

Новый, 1943 год мы с тобой встретим мысленно, сердцем и душой вместе, но в разных краях, ты — на севере, на Урале, я — на юге, на Волге, в движении вперед.

Были страшные дни, но они позади. Впереди дорога боев, наступления на запад..

28 12 42 г.

День иногда — это очень много времени. Ведь подумать только, что за день ни переделаешь, где ни побываешь. Но бывает, по часу день тянется, словно время растворяется, как молоко в воде. Это было, когда прижимала к земле вражеская бомбежка (теперь уже давно ее нет, немцам не до того, лишь бы самим ноги унести), и бывает, когда от тебя нет писем.

Вчера ездил в район обороны по улицам Сталинграда к товарищам и отвез им по 2—3 письма — бурю радости. Только мне нет весточки из дома.

Сейчас утро. Я сижу в землянке за полевым столиком. Горит печурка, теплом наполняет блиндаж. Рядом дежурит связной Стреленко, ростом геркулес, с роскошной шевелюрой, сердцем ребенок.

Он всегда со мной, и я полюбил его как сына. Вчера вот тащили важный груз через Волгу. Он да еще один парень. Несли на плечах, по гладкому льду, едва запорошенному снегом. Раза два падали. Но донесли благополучно.

Пишет ли тебе Нина? О чем? Хорошая у нас дочь, Нина! Умная и боевая. Ей бы учиться. Но вот — война. И все отложено.

2.1.43 г.

Привет, Катюша!

Мы получаем много писем.. Пишут ученики 3-го класса Заплавинской школы героям Сталинграда. Замечательное письмо. Они приглашают нас на следующий Новый год на елку: «И окна закрывать уже не будем». Пишет Михаил Иванович Калинин «богатырям Сталинграда». Он от души нам желает полного успеха. Пишет, шлет сердечный привет народный артист СССР Москвин. А с Урала написал нам бригадир кузнецов Уралмаша Григорий Коваленко. Его письмо из Свердловска пришло по телеграфу. Сообщает, что выполнил в 1942 году с бригадой 3 годовые нормы.

А наш славный генерал-лейтенант тов. Чуйков послал в Москву, правительству, и всему народу письмо, что воины Сталинграда за два дня собрали 3 миллиона рублей на создание танковой колонны имени 62-й армии. Тысячу рублей внес и я.

Новый год мы встречали хорошо, весело, пели, а я раздавал письма от родных, накопленные за 3 дня — все были рады. А потом в ночь на 1-е мы со связным ушли на ледяную дорогу — дело свое делать, опять под вражеским обстрелом.

Но сейчас не так, как было в сентябре и октябре. Скучновато даже стало...

10.1.43 г. **В Сталинград**

Получила твою весточку, но сразу ответить не могла, т. к. выполняем срочный заказ, работаем по 12 часов. А там приходишь и сразу ложишься, ведь мне не 20 лет, а пятый десяток и остро стала чувствовать усталость до головокружения.

Но скоро разобьем проклятых фашистов и тогда будем вместе отдыхать.

О себе мне писать почти нечего. Все дни в работе...

Катя.

14.1.43 г. **В Свердловск**

Нинкина рожица стоит у меня на походном столике. Присланную же ею открытку с портретом Якова Свердлова я прикрепил к табелю очередных донесений... Хитрюга! Это она прислала портрет Свердлова, чтобы я не забывал о городе Свердловске, о тебе, Катюша...

Боевыми делами на нашем участке делится с тобою Информбюро, а вот хозяйственными успехами поделюсь я: например, получили мы вчера валенки. Ноги теперь в тепле. Хорошо!

Саша.

23.1.43 г. **В Сталинград**

Жизнь у меня идет без изменений, в работе и заботе, Здорова, самочувствие хорошее, правда, сердце стало изрядно пошаливать, но ничего. Дрова мне из лесу так и не вывезли, днями забросили воз опилок, но разве ими можно натопить так, как дровами. Весь январь стоят сильные морозы до 40—45 градусов. Спасибо, один строительный рабочий щепу дает мне, а я за каждую вязанку отдаю 300 граммов хлеба. Но никакого иного выхода нет, а то замерзнешь.

Жду весну, а с нею и вас...

На работе все идет хорошо. Мастером быть я отказалась. Поставили браковщицей. Тут проще. А мастеру приходится работать с 8 утра до 10—12 часов ночи, в такие годы это тяжело...

Новый год я встретила в кровати — отсыпалась.

Катя.

24.1.43 г. **В Свердловск**

Кольцо с фрицами тут сжимается, и днями мы будем безработными — некого будет бить, так как до Ворошиловграда и Ростова далеко, и мы теперь очутились в глубоком тылу.

Вчера на Волге их транспортный самолет сбросил два мешка хлеба. Только зря они награбленный хлеб возят сюда да еще мимо своих бросают. Все равно скоро некому будет делить его по 100 граммов на рыло — все, уткнувшись в землю носом, будут нюхать, хорошо ли пахнет наша земля, на которой они хотели строить поместья, а нас сделать рабами.

28.1.43 г.

Ночь. Третий час. Горит гильза из-под снаряда — светильник неплохой, да мирно постукивает будильник, и потрескивают дрова в железной печурке.

Ты уже прочитала в газетах, что фрицы уничтожены и Сталинград очищен. Мы ж теперь будем выполнять другую боевую задачу.

У меня все в порядке. Начальник дорожит моей работой, а это в боевом деле тоже бодрит, вливает силы.

30.1.43 г.

Получил письмо, которое ты писала 10 января. За это время многое произошло: Сталинград полностью очищен от врага, звучат последние выстрелы по редко оставшимся его гнездам. Ты пишешь, что перешла на работу по 12 часов в сутки. Ну что ж, это тоже удар по фрицам издалека, из глубокого тыла...

Час ночи, а мы работаем. Бегают связные, звонит телефон, бегаю я сам. Но все это в порядке военной обстановки. А вот если бы ты поглядела, что осталось от сталинградских заводов с мировой известностью, от дворцов, улиц, садов, площадей, от жилья, где гнездилось счастье и росли дети? Сердце твое и там сжимается от боли, а тут ты не удержала бы слез...

Пишу с перерывами. То телефонные переговоры, то уходил. Около трех часов ночи. Ложусь спать. С мыслями о тебе..

..Сон короткий, но крепкий. Недописанное письмо лежало под подушкой, набитой пахучим сеном. Проснулся и дописываю.

2 2.43 г.

Только что съездил в Сталинград. Пришел и на нашу улицу праздник! Немцы разгромлены, все закончилось. Боялись сдаваться нашей армии. Говорили: «Там пук-пук! Вольга — буль-буль». Боялись кары тех, кто четыре месяца грудью отстаивал Сталинград. Знают псы, что черное дело делали.

Когда проезжал мимо растянувшейся колонны пленных, «завоевателей мира», тошнота подступила к горлу: уж очень мерзкий вид у них, мечтавших о мировом господстве.

8 2.43 г.

Второго февраля в 16.00 кончились боевые действия в Сталинграде. Двести дней мы стояли, выдержав такой

ярости напор, приняв на себя столько металла и огня, сколько не знала ни одна оборона.

Скоро нам вручат медаль «За оборону Сталинграда». И скоро мой юбилей — 25 лет службы в рядах Красной Армии. Я ее солдат от дней зарождения до победы под Сталинградом.

Теперь будешь получать письма от меня с дороги. У нас путь — на Запад.

До свидания. Твой Саша.

* * *

Славная 62-я армия, ставшая 8-й гвардейской, победоносно дошла до Берлина и приняла капитуляцию поверженного врага. Отпраздновав победу, Александр Алексеевич продолжал службу в рядах армии, которая стала для него родной семьей. Но тяготы и лишения войны скоро дали о себе знать — здоровье ухудшилось, и Александр Алексеевич вышел в отставку.

Вернулась из Свердловска Екатерина Ивановна. После ранения пришла с фронта и дочь Нина. Выдали ее замуж, а сами поселились в Риге. И непоседливые, беспокойные, с головой погрузились в общественные дела. До последних дней жизни гвардии подполковник Петров активно работал в организациях ДОСААФ Латвии, в Риге ведал школьным отделом. Был первым советчиком и наставником у красных следопытов, разыскивал однополчан, вел переписку с участниками Сталинградской битвы и часто выступал с рассказами о великом сражении на Волге перед пионерами и молодыми рабочими рижских заводов. Его инициативу и активность в военно-патриотическом воспитании молодежи отметили несколькими Почетными грамотами и знаками, и он дорожил ими, как своими боевыми наградами.

Екатерина Ивановна, выйдя на пенсию, тоже нашла себе дело по душе — возглавила в домовом комитете санитарную комиссию. И каждый день она с утра на ногах, в заботах и хлопотах. «Навожу чистоту и порядок и в доме — а дом у нас большой,— и вокруг него, люблю эту работу»,— сообщила она мне в своем письме.

ВЫСОТА ГУЛИ КОРОЛЕВОЙ

Гуля Королева. Под этим именем вошла в историю Великой Отечественной войны санинструктор Марионелла Владимировна Королева. Гулей ее назвала няня, которую забавляло воркование еще не умевшей говорить девочки. Ласковые прозвища были в ходу в Гулиной семье, и она сама называла сына Сашу Ежиком.

Ее никто не величал Марионеллой Владимировной — слишком юной, простой и общительной была она, даже став мамой. У нее счастливо складывалась жизнь.

«Человек, о котором я хочу рассказать, не вождь и не завоеватель Арктики. Это маленький человек, это просто девочка 12 лет от роду. Зовут ее Гуля Королева. Известна она тем, что играла главную роль в фильме «Дочь партизана». Девочка простая: когда ее спрашиваешь о работе в фильме — говорит, что сниматься интересно, но очень трудно стоять неподвижно, если в это время мухи кусают за ноги. Когда она пропустила несколько уроков в школе и за это ее хорошенько взгрели,— она три дня ревмя ревела и говорила, что будет всю жизнь заниматься только биологией, и бог с ним, с кино, если от него такие неприятности. Но картина тем временем пошла, имела успех, и Гуля Королева, ученица одесской 23-й школы, начала получать от незнакомых людей письма. Письма эти удивительны. Маленькая школьница стала известной в разных концах страны...»

Так писала Татьяна Тэсс в 1935 году в газете «Известия».

Война разрушила Гулино счастье. В боях с фашистскими захватчиками погиб ее муж Сергей, и она осталась вдовой в девятнадцать лет. Во время войны ее родители жили в разных местах: отец — в Москве, мать — в Уфе. Вот почему свои письма Гуля отправляла по двум адресам.

Письма Гули Королевой ныне хранятся в Волгоградском государственном музее обороны.

Об отважном санинструкторе много написано. О ней сложены поэмы и песни. Елена Ильина написала о Гуле Королевой большую повесть «Четвертая высота». Но страстные и искренние фронтовые письма Гули, собранные мной, полностью впервые были опубликованы лишь в 1978 году в журнале «Юность». Оттуда они и взяты в эту книгу.

9.5.42 г. **Матери, в Уфу**

Ну вот мы и доехали. Ехали хорошо, весело. Холодновато было, ну да ничего. За дорогу я совсем охрипла. Сейчас говорю только шепотом. Это пройдет быстро.

Побывали здесь немцы. Население рассказывает разные ужасы. Господи, сколько мерзости они наделали, не искупить им своей черной кровью тех зверств, которые они совершили на нашей земле!

Как вы там? Как Ежулька?.. Очень жалею, что я не взяла никакого платьица: все время быть в форме тяжело, особенно в сапогах. Если бы были деньги, я бы себе тут что-нибудь сообразила... Думаю устроиться на частной квартире, и придется платить, а пока меня не аттестовали.

Гуля.

16.5.42 г. **Отцу, в Москву**

Дорогой папочка!

Не знаю, писала ли тебе мать, что я добровольно ушла в Красную Армию. Первое время было с непривычки тяжеловато. Сейчас привыкла, все вошло в свою колею. Зачислена я в медсанбат, а прикомандирована к политотделу дивизии, т. к при дивизии есть бригада актеров и я состою в этой бригаде. Настроение замечательное, хочется скорей на фронт, так руки и чешутся. Считаю, что в такое время, как сейчас, нельзя валять дурака, как я это делала. Надо завоевать себе право на жизнь...

...Была на учении, в поле, 5 суток. Таскала «раненых», была связным, пригодилось мое умение ездить на лошади. Ноги себе стерла в дым, но ничего. Еще, правда, прихрамываю немножко, зато испытала большое чувство

удовлетворенности сделанным. Нашему отделению была вынесена благодарность от командования за отличную работу.

Пиши чаще. Я отброшу свою лень насчет писания и тоже буду часто писать.

Целую. Гуля.

1.6.42 г.

Сегодня получила твое письмо. Большое, большое спасибо тебе за него...

...Ты прав, что я очень скупа насчет описания своей жизни. Ну что тебе написать? Учусь. Изучаю оружие. Хожу на стрельбище. Стреляю. Первое упражнение сдала на «отлично». Вот если бы и три остальных сдать так же — было бы замечательно. Если предоставляется возможность — езжу на лошади. Поставила себе задачу обязательно заработать орден. Выполняю поручения по комсомольской линии. Настроение боевое, веселое.

Ездим по частям, даем концерты. Бойцы принимают очень хорошо. После концертов настроение какое-то удовлетворенное, появляется сознание выполненного долга.

Многие тут пытаются за мной ухаживать. Отшиваю. Некогда теперь заниматься такими вещами. Не такое время.

Очень скучаю без Ежика. Как увижу малыша, так он и встает у меня перед глазами. А иногда ночью проснусь, и мне кажется, что он со мной рядом. Он, наверное, уже сам под стол пешком ходит. Хотелось бы очень его увидеть. Написала маме, чтобы она его сфотографировала и выслала мне его карточку, а то у меня есть, да только старая, где он еще маленький.

Все мечтаю похудеть, но, к сожалению, ничего не получается. Расперло меня так, что прямо страшно смотреть. Жаль, что у меня нет денег, а то бы я могла тут в военторге кое-что приобрести из вещей...

Пиши мне чаще.

Гуля.

2.7.42 г. **Козицким*, в Уфу**

Ну почему от вас нет ни одного письма? Я знаю, что, пока мать раскачается, пройдет много времени. Ну, а ты, Пылыпко**, ведь ты очень аккуратен в этом отношении? Может быть, у вас что-нибудь случилось? Как Ежулька? Как у вас дела с питанием? Достаете ли Ежику что-нибудь?..

...Села писать вам это письмо несколько дней назад, а сегодня получила сразу открытку и письмо Пылыпка. Тебя, Пылыпко, поздравляю с новым назначением... Что

---

* Зоя Михайловна Козицкая — мать Гули

** Филипп Козицкий — второй муж Гулиной матери, композитор.

Ежик говорит? Пишите о нем побольше Обязательно сфотографируйтесь и пришлите мне карточку...

Здесь очень трудно достать материал для читки, а он необходим, и притом — побольше сатиры. Большим успехом у бойцов пользуется «Карпо Макодзьоба» Янковского. Читаю я его на украинском языке, однако доходит очень хорошо...

Какие замечательные речи говорили наши бойцы, когда получали оружие, как они к нему нежно относятся и с какой любовью. Я случайно один раз услышала разговор бойца, стоявшего на посту с винтовкой. Как он с ней говорил! Называл ее самыми ласковыми именами, какие только можно выдумать. Записала. Начала писать рассказ. Но пока еще мало материала накопилось. Напишу, вышлю.

Что мать делает? Как ее здоровье?

Гуля.

13 7.42 г. **В Москву**

Пишу тебе с дороги. Едем мимо Сталинграда, наверно, там тебе и опущу открытку. Жарко адски, мечтаем о дожде. Настроение замечательное. Сейчас трудно писать. Когда приедем на место — напишу побольше.

Гуля.

28 7.42 г. **В Уфу**

Дорогие мои!

Почему это мне говорят, что вы от меня ничего не получаете? Вчера звонил мне наш генерал, сказал, что получил из Уфы от Горкиной письмо о том, что Пылыпко ходил и узнавал у нее обо мне.

А я пишу вам довольно регулярно. Как Ежик?.. Вы себе не представляете, какая радость получать письма, находясь все время в напряженнейших боях. Весточки от родных вливают новую энергию, укрепляют волю, толкают на новые боевые подвиги.

Тут и так много волнений. Поэтому не надо добавлять еще волнения о вас всех.

Гуля.

6.8.42 г. **В Москву**

Вчера отправила тебе открытку, а сейчас вот есть время написать письмо. Много есть чего рассказать, да всего не напишешь. Деремся мы здорово. Все время гоняю на машине по передовой, забираю раненых. В минуты затишья читаю бойцам, рассказываю. Есть у меня карточка, посылаю ее тебе. Это мы снимались в пути. Береги ее, она у меня единственная и напоминает мне о многом. Когда-нибудь, в другой раз, объясню.

Не раз уже бывала под бомбежками и под обстрелами. Первое время как-то не по себе было, а сейчас ничего, привыкла. Все рвусь совсем на передовую, да командование не пускает. Говорят, успеешь еще, пока есть возможность — отдыхай.

Немцы прут к Дону. Ну, а мы их косим и косим. Не гулять им, мерзавцам, по донским степям..

Я тут три ночи подряд не спала, и днем не приходилось. Ты думаешь, хоть маленько похудела? Ничего подобного! Ну как ни в чем не бывало!

Не думай, что это я по лености своей не пишу. У нас, знаешь, такое бывает время, что вздохнуть некогда, не то что сесть, написать письмо.

Я была одно время в медсанбате, он от передовой километров 25, но, как я уже писала, все время ездила на передовую. Сейчас я на командном пункте. Если езжу на передовую, генерал ругает. Говорит, чтоб потерпела немножко, что мне еще предстоит очень большая работа. А мне все не терпится.

Как бы мне хотелось хоть часок побыть с тобой.. Письмо у меня, должно быть, очень бессвязное. Потому что мысли прыгают, и никак их не утихомиришь. А толком ничего так и не написала. Вот я тебе сейчас пишу, а снаружи кричат «Воздух». Сейчас обстреливать, подлец, начнет. Низко опускается, заход делает. Ухнула зенитка. Ну, говорила, строчить будет. Строчит, гад! Ладно! Ему долго не летать. Не тут, так малость подальше собьют. Закурю я сейчас за тебя хорошую папироску. Опять курить начала. Но теперь, я думаю, ты мне простишь это и ругать не будешь...

Гуля.

8 8 42 г. **В Москву**

..Карточка, которую ты должен был получить в предыдущем письме, сделана по дороге из Узловой к Дону. Рядом со мной, справа, стоит наш генерал.

Ехали замечательно, настроение у всех было бодрое. С нетерпением ждали приезда и первого боя. «И грянул бой». Нет, не будучи в боях, не испытав всех трудностей, невозможно прочувствовать до конца радость победы. Когда бойцы идут в атаку, когда катится раскатами «Ура!», не знаешь, не помнишь ничего. Перед тобой только поле боя, и ты следишь, следишь за каждой точкой на бесконечно расстилающейся перед тобой степи до боли в глазах Там кто-то упал — посылаешь санитаров, летишь сама, и ни свист снарядов, пуль, мин, ни строгие окрики не в силах тебя остановить. Тело становится каким-то невесомым, и только тогда, когда машина, груженная ранеными, выезжает из зоны обстрела, напряжение спадает. Но глаза всматриваются в голубую синеву неба, нет ли там «рамы» или другого крылатого стервятника, ведь у тебя бесценный груз — люди, жизнь которых доверена тебе, а минута невнимательности к машине — и быть ей обстрелянной или сожженной. При виде черной, все приближающейся точки останавливаешь машину, маскируешь предварительно захваченными ветками, т. к. не везде в степи найдешь кустарник, помогаешь выйти и залечь в канавы, углубления ходячим. Залезешь обратно в кузов

к тяжелораненым и, держа наготове верный ППШ, начинаешь что-нибудь рассказывать, чтоб не столь долго длилось время. А сама не перестаешь следить за все приближающейся гадиной...

Вот такой пока была моя работа. Теперь она немного изменилась. Сейчас, как я тебе уже писала, я несколько дней нахожусь на командном пункте. Сегодня уеду обратно в медсанбат. А вызвал меня наш генерал. Прислал за мной ночью машину. Все эти дни была с ним. Ездила на огневые позиции. Была в отряде передового охранения. Сегодня утром просилась опять у него на передовую, обещает послать, но когда — не знаю. Все говорит: «Подожди, не спеши»... Зовут на КП, кончаю писать...

Гуля.

26.8.42 г. **В Москву**

Ну что тебе написать? Сижу в блиндаже на передовой. Вокруг свистят мины, снаряды, пули, но к ним уже так привыкла, что не обращаю внимания. Писать почти нечего. День идет за днем, продвигаемся вперед...

Единственная неприятность у меня, так это то, что опухли и покрылись язвами все десны. Очень трудно есть. Меня это очень волнует, а главное — неприятная ноющая боль. Лечиться некогда, а не лечиться нельзя. Вот и выходит, что сидишь в ужасно глупом положении. Стыдно идти лечиться в тыл, когда нужна на передовой. Если будет хуже, то все же придется идти в санчасть.

Давно не получала я от тебя писем, т. к. ты пишешь на медсанбат, а я сейчас в полку. Мне говорили, что на мое имя в медсанбате много писем, но получить оттуда их я никак не могу: он от нас находится за 20 километров, в тылу.

Меня маленько оглушило. Ничего. Вот только с деснами плохо...

С горячим фронтовым приветом.

Гуля.

10.9.42 г. **В Уфу**

Дорогие мои!

Я все время на передовой. Бывала уже в переплетах. Ходила несколько раз в разведку, в расположение немцев. Вообще пережила много...

Очень скучаю по Ежульке, страшно хочется его видеть.

Сейчас есть время вам написать, т. к. я временно в санчасти. Наскочила на бутылку с горючей жидкостью и немного спалила ногу.

Как ваши дела? Как Пылыпко? Что написал нового? Как у вас с продуктами? Получаете что-нибудь от отца?

Получила письмо от Гули*, ее часть где-то западнее Сталинграда, в общем мы с ней на одном фронте. Наш

---

* Таким способом Гуля сообщала о своем местонахождении.

полк получил от Военного совета уже две благодарности. Деремся так, чтобы завоевать гвардейское знамя. Когда приходишь в окоп, поговоришь, объяснишь, что спрашивают, бойцы с радостью встречают. Да еще девушку. Приятно сознавать, что ты подняла дух у ребят, доставила им удовольствие, сказала теплое слово.

Пишите.

Марионелла.

15.9.42 г. **В Москву**

Ты пишешь, что я часто ерзаю и что почта не успевает за мной. Ерзать-то я ерзала, но в пределах нашей дивизии, так что полевая почтовая станция одна и та же все время...

Ходила несколько раз в разведку. Один раз окружили автоматчики, еле выбралась от них. Местность уж больно поганая: степь. Нигде не спрячешься. Ни кустика тебе, ни деревца. Но я все же вышла и еще раненого вынесла.

Подала заявление в комсомольскую организацию о том, чтоб меня приняли в партию. Вчера было бюро. Но уйти в тыл не могла. Уже все рекомендации есть, боевая характеристика тоже: «т. Королева в условиях боя показывает личный пример храбрости и геройства». У меня уже на личном счету свыше 30 бойцов и командиров, спасенных мной, т. е. перевязанных и вынесенных с поля боя...

Гуля.

20.9.42 г. **В Москву**

Твои письма доходят быстро. Тебе пишу довольно регулярно. Наконец-то получила две открытки от матери.

Мне кажется, что... тебе скучно читать мои письма. Они очень однообразны. Бюро парторганизации полка приняло меня кандидатом в члены ВКП(б), еще осталось пройти дивизионную парткомиссию.

Сижу вот, тебе пишу. Вокруг шелестят мины, снаряды. «Ванька» немецкий дал по нашей высотке очередь. Ничего, только песком засыпало. От противника каких-нибудь 300 метров..

Пойду в село, поезжу на мотоцикле. Мотоцикл немецкий, трофейный. Прет здорово! Когда куда-нибудь срочно надо, еду на нем или верхом. У меня своя лошадь Ока. Чудная лошадь! Ходит замечательно, я ее сама через Дон переправляла. Вместе плыли.

Иногда ночью, когда ходишь по ротам, не туда зайдешь. Мы один раз чуть не влетели в немецкий окоп. Да, ладно, голоса услыхали. Так скорей обратно повернули, а на другую ночь весь окоп заняли и немцев в плен забрали.

Иду на рекогносцировку.

Гуля.

20.9.42 г. **В Уфу**

Дорогие мои!

Долго, долго от вас не было весточки. Я уже думала, что у вас что-нибудь случилось...

Сижу в землянке, пишу вам, а вокруг рвутся мины и снаряды. Сегодня пошла «в рост» — свистит вокруг. Присяду — ничего, только поднимусь — опять очередь. Уже так к этому привыкли, что не обращаем внимания.. Вот уже два месяца непрерывных боев. И все время нахожусь на передовой, в самых жарких местах...

Сейчас я сижу, а противник от меня в каких-нибудь 300 метрах, а когда нахожусь в роте — то метрах в ста, а то и меньше.

Вы спрашиваете о рассказе, который я начала писать. Я его кончила и выслала вам. Не знаю, получили ли вы его. Возможно, что он пропал. Жаль. Ну, ничего, жива буду, напишу новый. Мать, ты не ленись и пиши почаще.

В 56-ой квартире живут Коломенские. Их сын был вместе со мной, его убило в 20-х числах августа... Его звали Юра...

Гуля.

26.9.42 г. **В Уфу**

Мамулька, родная моя!

Наконец-то я получила от тебя большое подробное письмо... Как я была рада, что ты мне много про Ежульку написала. Если бы только знала, как мне хочется вас всех увидеть, хоть часок побыть с вами. Ты пишешь об отпуске, но это невозможно, слишком горячее и тяжелое у нас время, когда каждый человек на счету.

Ежулька! Мой маленький, расти большой и умненький, реже хворай, голубоглазенький мой шалунишка. Не очень балуйте его, растите мужчиной, не плаксой-девчонкой...

Ожог ноги уже прошел. Правда, заживал он больше месяца: не было времени пойти в санчасть. А обожглась я так. Когда пошли в наступление, прыгнула я на бруствер одного окопа, а там была бутылка с горючей жидкостью. Она у меня и взорвалась под ногой, облила меня, я и загорелась. Моментально стянула с себя сапоги, брюки, затоптала, и когда ко мне подбежали санитары с лопатами, чтобы закопать меня (т. к. затушить жидкость можно, только прекратив доступ воздуха), я уже натягивала на себя обратно штаны, а вот сапоги уж никак не могла надеть. Так и пошла дальше и только после боя уже сделала себе перевязку.

Ты спрашиваешь о моей должности? Сейчас я в должности санинструктора, но выполняю всевозможные функции. Получаю жалование 125 р. да еще полевые. Накоплю побольше — вышлю вам.

Спрашиваешь, как встретила день рождения? У нас как раз был жаркий бой, и в мою честь целый артполк и наша полевая артиллерия дали залп по немцам, не одну сотню уложили. А вечером, когда все немного успокоились, мы в землянке поужинали, причем наш повар испек несколько пирогов и на одном из них написал: «Будущему гвардейцу».

В день рождения Ежика тоже дано было несколько

залпов. А когда собрались ужинать, пришлось отбивать довольно яростную контратаку немцев. Атака была отбита и, кроме того, занят один населенный пункт, а потом ко мне подошли бойцы и сказали, что это они ознаменовали день рождения Ежа. Очень сроднилась со всем своим полком...

Я тебе уже писала в одном из писем, что сын Глушарина убит 21 или 22 августа. Похоронен в селе Подстепном Сталинградской области. Убит он осколком мины...

Очень вас прошу выслать мне ваши карточки и Ежулькину, теперешнюю. Где хотите, а сфотографируйте и пришлите мне его мордашку.

Гуля.

5.10.42 г. **В Москву**

Десны у меня пока прошли, полоскала марганцем; от контузии и следа не осталось. Ожог, хотя и мучил меня больше месяца, тоже прошел.

Ты просишь описывать случаи...

В один из солнечных дней июля прибыли мы в деревню Н. На рассвете забрались в большую конюшню: и повозки, и люди. Легла я рядом со старшиной, заснули. Сколько спали — не знаю. Проснулись от воя сирены и взрыва бомб. Стекла сыпятся, штукатурка летит. Вся конюшня ходуном ходит. Я толкаю старшину и говорю:

— Ты хоть перед смертью закурить дай!

— Уйди ты, не до этого!

Но все-таки закурили. Прошла волна налета. Выскочила, собрала раненых, перевязала. Кого — в подвалы, кого — в щели. Опять летят, и все группами. Вот так он начал нас прочесывать с 5 утра.

И мы пошли в наступление. Только вышли на наблюдательный пункт — летит. А наш пункт как раз на высотке, да еще плохо замаскирован. Не успели залезть мы в щель. Самолеты его развернулись и давай чесать. Смотрим, один на нас пикирует. Да они еще, гады, для морального воздействия сирены включают. Воют препротивно. Шмякнул одну — пыль столбом, засыпало нас, ни черта не видно! Слышим только: воет над нами да звенит. Как бомба разорвется — смеемся: «Мимо!» Кончилось. Смеркается. Пошли дальше.

А днем еще я ребенка перевязывала — шесть месяцев мальчонке Мать убило, а ему спинку осколком задело. Я его перевязываю, а он на меня такими большими, страдальческими глазами смотрит и не плачет, а только тяжело, тяжело вздыхает. Я его перевязываю, а у самой слезы градом льются. Да, всего не расскажешь...

Подружка у меня есть, но в другом полку. Часто бываем друг у друга.

Если удастся, попрошу нашего комиссара послать меня на курсы политруков.

У меня на карточке морда кирпича просит.

Гуля.

18.10.42 г. **В Уфу**

Сегодня получила открытку Пылыпка. Очень обрадовалась Ежулькиным каракулям. Жду с нетерпением карточки Ежа. Но вы все собираетесь, собираетесь... Вы все же поспешите. Ведь здесь живешь минутами. Посылаю вам свою рожу. Только вы не пугайтесь, я, ей-богу, не такая страшная. Этот снимок сделан после одного очень горячего боя. Но, как видите, у меня далеко не изможденный вид. Я думала, на мою полноту хоть бой подействует. Ничего подобного! Никакого впечатления!

...Вот я сейчас пела ребятам. Ветер завывает, свистит. Ночь, где-то между облаками мелькает луна. Фрицы позабрались в окопы (они ночи боятся как черт ладана) и для собственного успокоения строчат из автоматов или по звездам, или в пустое пространство, т. к. не знают, куда стрелять.

Вчера была в деревне, сидели с одной связисткой в кухоньке, рядом разорвался снаряд, изрешетил осколками всю кухню, ее ранило, и все лицо осыпало песком, да с такой силой, что песок глубоко въелся под кожу. А мне опять ничего.

Я прямо удивляюсь. Мне везет, везет, да, кажется, когда-нибудь «повезет», что я и света не увижу.

23.10.42 г. **В Уфу**

Дорогой Пылыпочек!

Хоть мое письмо и придет с опозданием, но все же придет. Сегодня 23 октября, канун твоего дня рождения. Поздравляю тебя, желаю большой, плодотворной работы и в 1943 году обязательно защитить диссертацию на доктора музыкальных наук. А может быть, ты это сделаешь в этом году? Знай, что 12-го на Сталинградском фронте будет дан залп нескольких батарей по дзотам и блиндажам немцев в твою честь, чтоб они почувствовали нашу фронтовую, советскую музыку. А за обедом выпью свою порцию водочки за твое здоровье.

Да, завтра день рождения одного из наших командиров батальонов. Так что и вечером, в землянке, на передовой линии, вспомним тебя, споем твою песню «Про батька народного» (я разучила ее с нашими бойцами и командирами). Она здорово звучит, грозно. Когда вслед за мной ее подхватывают сотни здоровых молодых голосов, даже немцы притихают и перестают стрелять. Видно, мороз по коже пробегает, наверно, стараются забиться куда-нибудь поглубже в свои норы. Но и там их достает мотив могучей песни, песни победы...

С закаленным фронтовым приветом.

Гуля.

Одна беда: всех слов не помню, вышли мне их, пожалуйста, и на русском и на украинском.

24.10.42 г.

В Москву

За последние дни ничего нового у меня нет. У нас сейчас маленькое затишье.

Какая погода у вас в Москве? У нас уже шел снег, правда, тут же таял, но все же это был настоящий снег. Идешь ночью по степи, и при луне она вся белая-белая от инея.

Да, можно меня поздравить, меня приняли кандидатом в члены партии. Ты знаешь, я очень, очень люблю свой полк, и куда бы я ни пришла, везде меня встречают с любовью и бойцы, и командиры. Если бы мне пришлось расстаться с полком, это была бы для меня большая трагедия. Я знаю всю жизнь полка до самой мелочи. Волнуюсь за каждую неполадку. И за свой полк, где бы ни шел разговор, как говорится, глаза выдеру.

Есть, папулька, у меня большое горе. Как тебе и написать, я не знаю. Любит меня наш командир. Надо прямо сказать, золотой человек! Я его очень уважаю как человека, ценю и люблю как командира... и все. Но любить я его не люблю. И мне от этого очень тяжело. Много раз мы говорили с ним на эту тему. Он говорит, что сам не знает, как это получилось. То ли от того, что мы часто с ним вместе бывали на волосок от смерти, вместе из-под носа у немцев под градом пуль вытаскивали раненого комиссара. «Полюбил я тебя, — говорит, — как боевую, настоящую, крепкую подругу». Как ни трудно мне было его обижать, но все же я ему сказала, что я его не люблю, но хорошим боевым другом я всегда ему буду.

Видишь ли, было у меня одно увлечение, и большое, нашим генералом, но я решила, что это не дело, и сколько он ни вызывал меня к себе, сколько ни говорил со мной, я все же сумела себя переломить и настоять на своем. Отпросилась я у него в полк, на передовую, и вот тут-то я и вздохнула полной грудью, тут я почувствовала, что я нужна, что я делаю, и делаю много.

Я чувствую, что помимо помощи раненым, во мне нуждаются как в товарище. Со мной делятся и бойцы, и командиры своими радостями и печалями, рассказывают о любимых девушках, просят совета, просят помочь написать письмо. Помню, в бою пошел сильный дождь. А у меня не было плащ-палатки. Когда это увидели, ко мне протянулось около десятка рук с плащ-палатками. Меня каждый день наперебой приглашают куда-нибудь, стараются узнать, что я люблю кушать, и к моему приходу приготовить. Все это внимание мне страшно дорого. Один взвод хвастается перед другим, сколько я у них была, что рассказывала, сколько спела песен. И если я уделю кому-нибудь больше внимания, чем всем остальным, на меня обидятся сотни!..

У нас в полку есть еще три девушки, две — в санроте. Они никогда дальше нее не ходят. И третья — связистка, она тоже никуда не ходит и сидит все время на командном пункте. А я все время среди народа, в подразделе-

ниях. Но уж если кого отругаю, то он долго потом передо мною извиняется. Если я день где-нибудь не была, уже звонят по телефону: узнают, где я, что со мной, цела ли?

Бились мы за одну высоту, день бились, несколько раз занимали и несколько раз отходили. Крепко там немец засел. Пошла я вытаскивать раненого, а он близко около немцев лежал. Заметили немцы, решили живой взять. Я ползу, и они ползут, а сзади меня огневую пулеметную завесу дали, чтоб на помощь ко мне не пришли. Назад ползти поздно. Впереди раненый, и немцы берут в кольцо. Взяла в руки гранату, решила, что подпущу и гранатами закидаю, хоть побольше их перебью. Вдруг слышу за собой раскатистое «Вперед!», затем «Ура!». И летят наши бойцы. Я вскочила — и к ним. Высоту взяли. Немцев выбили и покрошили много. Тогда я убила двух фрицев.

Оказывается, когда я приготовилась метать гранату, один боец следил за мной из окопа. Увидел, что меня окружают, как гаркнет: «Хлопцы, Гуля пропала!». Да как ринется вперед, ребята за ним. Да так хлынули, что от немцев одни перья полетели, хотя их и было в несколько раз больше. Но это было настолько молниеносно, что они и «мама!» крикнуть не успели.

Когда обо мне что-нибудь спрашивают из штаба дивизии, тут говорят: «Она ведь у нас одна. Что бы мы делали, если бы ее не стало». Ты себе не представляешь, как приятно знать, что ты нужна и тебя любят. И никто во всем полку не позволит по отношению ко мне ни грубого слова, ни вольного жеста.

Что-то расписалась.

Целую крепко.

Гуля.

25.10.42 г. **В Уфу**

Каждый день перечитываю ваши открытки и письма. И радостно после этого на душе, но в то же время, как подумаю о Ежике, тоскливо, тоскливо становится...

Есть у меня лошадь Люська. Очень хорошо ходит. Когда мне надо куда-нибудь поехать, вызываю ее к себе. Если бы я сейчас хоть на один час попала домой, то я думаю, что мне очень было бы трудно с вами разговаривать: до того мой лексикон обогатился военными терминами.

Как Ежулькино здоровье? Поцелуйте его покрепче и скажите, что мама будет писать часто.

Гуля.

30.10.42 г. **в Москву**

Получила твое письмо с анекдотом. Очень он мне понравился и пошел гулять по всем нашим подразделениям.

Ты пишешь, что все тут, хоть и подсознательно, но действует на нервную систему. Конечно, действует, недаром ведь говорят, что месяц на фронте равен 3 годам жизни в тылу во всех отношениях. Если я приехала на фронт девчонкой 20 лет, то сейчас я уже за три месяца дожила до

29-летнего возраста. Но это все неважно. Скорей бы разбить эту сволочь, тогда мы все помолодеем опять.

Мама и Ф. Е. в Уфе зимовать будут. Ты спрашиваешь, кем я сейчас числюсь? Мне присвоено звание старшего сержанта, числюсь я санинструктором... По телефону у меня есть свой номер, есть своя лошадь. Предлагают идти работать секретарем политотдела, но... мне нужна такая работа, которая забирала бы у меня максимум энергии. Есть возможность ехать учиться на общевойскового командира. Вот это дело! Но мне жаль дивизии и полка, т. к. обратно к себе попасть не удастся. Так что я сейчас растерялась и не знаю, что мне делать. Думаю, что останусь в полку. Меня здесь знают, любят и ценят. Я прошла с полком огонь и воду в полном смысле этих слов. Много наших людей, вынесенных мной с поля, вернулось опять в свои подразделения. И уйти из полка я, пожалуй, не смогу. Пиши мне.

Гуля.

6.11.42 г. **В Уфу**

Мамочка, большое спасибо за карточку, хоть какая-нибудь, но все же я в любую минуту могу на вас посмотреть. Попроси Пылыпка, чтобы он помог тебе дотащить до базара Ежика — сфотографировать.

Да, в день рождения Пылыпка наши разведчики поймали «языка». И вот мы перед ним пропели песню Пылыпка. Она так звучала мощно в ночной тишине, что у бедного фрица аж зубы застучали. Сегодня 6 ноября. Ночью пойдем ставить красное знамя перед носом у немцев. Я тоже обязательно пойду.

Ты все пишешь о том, чтоб я приехала. Мамочка, пойми, что это сейчас невозможно. Если это и можно сделать, то просить об этом неудобно, просто стыдно...

Ваша Гуля.

12.11 42 г. **В Уфу**

Вот и праздники минули. Время летит быстро, быстро. Уж семь месяцев, как я вас никого не видела, а кажется, что только вчера уехала из Уфы.

Праздники у нас прошли торжественно. Настроение у всех было приподнятое. Перед носом у немцев поставили красное знамя. Я тоже ходила его ставить. Погода в ночь на седьмое была жуткая: шел дождь пополам со снегом. Когда я вернулась в батальон, пришлось выжимать и выкручивать юбку и, несмотря на прекрасные сапоги, ноги у меня были совершенно мокрые. Меня раздели, усадили в землянке около печки, и через час я высохла. Все праздники провела в ротах, беседовала с бойцами, читала им стихи, пела песни. К полуночи дали салют из всех пулеметов и винтовок по амбразурам немецких блиндажей трассирующими пулями, так что получилась своеобразная иллюминация...

13.11.42 г. **В Москву**

Как я провела праздник, я тебе уже писала в предыдущем письме...

В боевых делах я, ей-богу, на рожон не лезу, я сначала взвешиваю все обстоятельства и, если нужно, тогда лезу. В армии зазнаваться не дают, если кто и зазнается, то быстро спесь собьют, так что насчет этого ты за меня не беспокойся.

Из вещей мне надо пока только чулки, можно и носки. Больше пока ничего не надо. Из теплых вещей я тут уже получила шапку, ватные брюки, теплые портянки и меховой жилет. На днях получу все остальное, а именно: ватную куртку, шерстяную гимнастерку, шерстяные брюки, свитер и меховые рукавицы. Шерстяные варежки есть.

Мой меховой жилет очень легкий и очень теплый, я в нем прямо как у бога за пазухой...

Из Уфы сейчас получаю письма довольно регулярно. Много пишут о Ежике, парень растет и хулиганит вовсю. За все хватается, бегает, переворачивает всю комнату вверх тормашками. Чайные ложки, как правило, ищут перед чаем в валенках, его ботинки — в ведре с водой и т. д.

Если в скором времени письма от меня будут приходить реже, не волнуйся, значит, много дела.

Гуля.

18.11.42 г. **В Уфу**

Дорогой Пылыпка!

Пишу тебе чисто деловое письмо. Нам бы очень хотелось, чтобы Рыльский, Яновский, Тычина и др. писали для нашей газеты «Красный воин». Хочу на них подействовать через тебя. Особенно нам хочется, чтобы для нас написали Яновский и Рыльский. Нашу газету очень любят бойцы и командиры, она очень популярна. Недавно приезжали из политотдела фронта и очень хвалили нашу газету. У нас много украинцев, вот нам бы и хотелось привлечь в газету украинских писателей, но в переводе на русский язык, т. к. газета выходит на русском языке.

Пылыпка! Ты с ними поговори и очень, очень их попроси от моего имени и от имени всей нашей части.

Если ты только провернешь это дело, мы тебе будем очень, очень благодарны.

Гуля.

Это было последнее письмо Гули Королевой. Но сохранились еще два документа, которые подводят своеобразный итог фронтовой жизни отважного санинструктора.

14.1.43 г. **Козицкой Зое Михайловне, в Уфу**

Здравствуйте, дорогая Гулина мама!

Пишет вам девушка, которая дружила с вашей Гулей. Меня почему-то все время тянет написать вам. Успокоить

хочется, хоть чем-нибудь помочь вам в вашем большом горе. А потеря такой дочери, как Гуленька, это тяжелое, жутко тяжелое горе. Ну, ничего, родная, славная Гулина мама, не нужно только горевать, ведь Гуленька не ушла от нас совсем, она всегда будет с нами, ее никогда не забудут. Родина не забудет своей героини, а вас — мать, воспитавшую такую преданную дочь, такого славного воина, назовут матерью сотни других девушек, патриоток нашей страны...

Я очень много была с Гулей, особенно последние три месяца. Я немного моложе ее, и она всегда так покровительственно относилась ко мне, заботилась, давая советы, радовалась за меня, за мои боевые успехи и звала «милая девочка». Она в это время была в стрелковом полку. Я хорошо знала командира полка, часто была там и так сдружилась с Гулей. С ней вместе пели, вместе по батальонам ходили, в разных переплетах были, из которых елееле выходили живыми. Мы в разных полках были во время боев, всегда на разных участках, а потом после наступления, встретившись, запыленные, усталые, поцелуемся крепко и опять разговоров, смеху без конца...

За несколько дней до наступления она была у нас, на моем дне рождения, когда мне исполнилось 18 лет; как раз в тот день я получила правительственную награду — медаль. Гуля меня поздравила — так от души была рада за меня. Ушли все, я и она остались. Знали, что скоро будем наступать, значит, ждали всего. Как раз уехал в госпиталь майор Хохлов, командир полка, которого за храбрость, за полное презрение к смерти по-товарищески любила Гуля. Какое-то грустное настроение было. Сели на кровать с ногами, прижались друг к другу и долго, долго сидели. Я тогда любила нашего майора, командира артиллерийского полка, Топилина. Любила всей молодой душой, как первый раз в жизни любят. Молодой, красивый, храбрый артиллерист, он в один день погиб с Гуленькой. Погиб как герой, командир-артиллерист, в пехоте, за станковым пулеметом. Он тоже поднимал бойцов в атаку: «Вперед, русские люди!» И сам шел все вперед и вперед, он даже упал лицом вперед.

Вот в тот вечер мы и сидели с Гулей грустные. Ведь знали, что жаркие бои будут, знали, что будут жертвы. Боялись за близких, любимых. Я жутко, до ужаса боялась потерять Алексея, а она все успокаивала меня, уговаривала. Как о многом мы с ней тогда говорили! Обо всем: и о жизни, и о любви, и о товарищах, о родных, близких. Ну о чем могут говорить две подруги, о том и мы с ней говорили. Говорили и о том, что если убьют, куда, кому писать и что сказать. Она вспоминала вас, отца, Ежика.

Поздно ночью я ее провожала... А потом началась подготовка, потом стали наступать, так больше я ее и не увидела...

На другой день, утром, погиб наш майор, мой ясногла-

зый Леша. Меня сняли с передовой, не находила себе места от горя, не могли ноги держать, все меня вниз тянуло, все на колени падала. Вечером, как сквозь сон, услышала, что геройски погибла Гуля, погиб командир батальона Ванюша Плотников, умерла от ран Леля Шевцова, до самой последней минуты просившая спасти ее: «Девушки, я так жить хочу, так хочу жить, ну спасите меня, я все время была с вами!» Так со словами «жить хочу, хочу жить» и умерла. И сколько их еще тогда, молодых, славных погибло! Вот так далась та большая, нужная победа. Она забрала самых лучших, самых дорогих...

На другой день их хоронили, всех вместе, и моего майора, и Гуленьку, и всех других. Я знаю, вам совершенно не нужно читать про майора Топилина, ну как-то невольно вырывается, ведь они тоже друзьями были, все пели вместе..

Гуля лежала в гробу как живая, губы улыбаются немного, тени от длинных ресниц на лицо падают, аккуратно лежат волосы. Так спокойно лежит, как будто спит...

Спустили оба гроба рядом, Гуленькин и его. Дали салют, последний салют погибшим, море огня по немцу. И все. Больше их нет. Похоронены в деревушке Паншино, в 3 километрах от тихого Дона...

Ежик остался без матери, но он будет сыном нашей дивизии, за него наши воины будут отдавать жизни, как отдала его мать...

Люда Никитина.

Вы не горюйте, родная, берегите себя, вы нужны Ежику.

21.2.43 г.

Королеву Владимиру Даниловичу, в Москву

Уважаемый тов. Королев, здравствуйте!

Ваше письмо я получил. Разделяю ваше горе по случаю гибели вашей дочери Гули. Я не знал вашего адреса, поэтому не мог вам написать.

Должен вам сказать, что ваша дочь Гуля, находясь с нами на фронте, вела себя как истинная патриотка, как истинная дочь своего народа. Она была общей любимицей. Ее можно было видеть проводящей беседу с бойцами, доставляющей донесения командира в бою, выносящей раненых, передающей по телефону распоряжения, работающей в разведке и идущей и ведущей за собой бойцов в атаку. Вела она себя геройски и геройски погибла.

Недавно она награждена орденом Красного Знамени.

Последний раз я с нею виделся вечером накануне дня ее гибели; она принесла донесение и карту, захваченную у немцев.

Гуля похоронена в хуторе Паншино Иловлинского района Сталинградской области...

До свидания, тов. Королев. Когда представится возможность, я постараюсь с вами увидеться.

С приветом Н. Бирюков, командир дивизии.

ОТЕЦ И СЫН

I

4.9.41 г. **Матери, Анне Ильиничне Никашиной, в Москву**

Вот снова я в действующей Красной Армии. Пока жив и здоров, думаю, что и дальше так же будет. Новостей у меня особенно никаких нет.

Почти месяц я был в резерве, а вот сейчас нахожусь под Одессой. Фашистским псам не видеть Одессы. Мы здесь деремся крепко.

Мамулька, ты, пожалуйста, не беспокойся за меня, и если что и случится со мной, то значит, это нужно. Я ведь давал присягу всему советскому народу, нашей славной партии, своей Родине. Каждый наш залп несет потери этим проклятым фашистским извергам.

Они идут на нас пьяные, их гонят силой. Вот я расскажу такой случай: 300 румын шло к нам в плен, а их стали свои же косить из пулеметов, и до нас добралось лишь 50 человек. Вообще, мамулька, это там не люди, а звери. Но это нас не устрашит, мы будем биться до последней капли крови. Ведь я родился при Советской власти, страна вырастила меня, воспитала, дала образование, и моя жизнь принадлежит ей...

Пишите мне по адресу: Действующая Красная Армия, 397-й артполк, подразделение № 6, лейтенанту Никашину Ю. Д.

23.1.42 г. **Матери, в Новосибирск**

Вот уже второе письмо пишу тебе в Новосибирск. Я, как всегда, жив и здоров. Вот как у меня дела. Гансы начинают уже бежать из солнечного Крыма. Правда, крымский климат мне не по душе, хотя здесь и тепло, но дурацкие ветры и сорок раз на день меняется погода. То снег, то грязь, то солнышко. От папы получил письмо и открытку. Он где-то около меня, если только мы не в одном городе. Это я сейчас выясню. Вот было бы радостно встретиться с папкой, ведь я его уже давно не видел. Последнее письмо от него я получил еще под Киевом.

Мама, ты пишешь, что собираешь мне посылку теплых вещей. Мне совершенно ничего не нужно, ибо я одет как нельзя тепло, да и не только я, все наши бойцы одеты

очень тепло, не так, как эти обер-обормоты, гансы и фрицы. Они одеты очень плохо, шинелишки на них такие же, как у меня суконная гимнастерка. Вообще им наш климат не по нутру.

Я пока что лично убил всего 8 гансов... Это, конечно, кроме того, что мы уложили их из орудий без счета.

Привет тебе от моего друга Васи Бовадура. Он никого теперь не имеет и просил меня написать тебе привет. Мама, пусть там какие-нибудь твои соседки пишут нам письма. А то многие ребята никого не имеют, ни родных, ни знакомых, а ты знаешь, что значит получить письмо на фронте. Ведь в Новосибирске у тебя есть девушки знакомые, пусть они и напишут нам сюда.

Пусть Софка пишет мне и, если хочет, кому-нибудь из наших ребят-командиров — Бовадуру Василию, Гордиенко Николаю, Комарову.

Твой Юрий.

2

24 января 1943 года Паулюс в последний раз обратился по радио в гитлеровскую ставку с отчаянной просьбой разрешить капитуляцию его армии, окруженной в Сталинграде: «Войска не имеют боеприпасов и продовольствия... На восточном участке... 18 тысячам раненых не оказывается даже самая элементарная помощь из-за отсутствия перевязочных средств и медикаментов... На многих участках фронт разорван. Опорные пункты и укрытия есть только в районе города, дальнейшая оборона бессмысленна. Катастрофа неизбежна. Для спасения еще оставшихся в живых людей прошу немедленно дать разрешение на капитуляцию»*. Однако Гитлер с упрямством фанатика приказал держать позиции.

Кольцо вокруг врага стремительно сжималось. 26 января 65-я армия, накануне вступившая в Городище, решительными ударами выбила гитлеровцев из последних очагов сопротивления в поселке завода «Красный Октябрь». В этот день вражеская группировка в Сталинграде еще раз была рассечена надвое. «Железное кольцо уничтожения все туже стягивалось вокруг того места,

---

* В. Адам. Трудное решение. М., «Прогресс», 1968, с. 329.

где завершалась ужасная трагедия обреченной на смерть армии»,— отметит потом в своих воспоминаниях один из уцелевших в Сталинграде немецких генералов И. Видер*.

Немцы еще сопротивлялись с безумным отчаянием, но это была агония. Над дымящимися руинами Сталинграда на морозном ветру уже гордо реяли красные знамена Победы. Фронтовые газеты славили героев Сталинградской битвы. С броскими заголовками «Здравствуй, город Сталинград!», «Этих дней не смолкнет слава» вышла 28 января и газета 65-й армии. Десятки новых имен героев узнали в этот день воины 65-й. Среди них газета отметила и Юрия Никашина, поместив заметку о нем на видном месте.

«Не думал о славе Юрий Никашин — командир артиллерийской батареи, когда он расстреливал прямой наводкой немецкие танки. Он чувствовал своей спиной Одессу.

Вся страна с затаенным дыханием следила за борьбой Одессы. В рядах ее защитников был Юрий Никашин со своей тяжелой батареей.

После Одессы — Севастополь. В боях за этот город-богатырь Юрий был тяжело контужен... Но шел бой за Севастополь, и лейтенант знал, что его заменить уже некому. Шатаясь, обессиленный контузией, стоял он на своем посту...

Это был бой, когда люди думали только о том, чтобы подороже отдать свою жизнь. В такие минуты Никашин вспоминал отца. Он часто говорил сыну, что капитан не покидает судна до конца. И он не покинул этот маленький кусочек земли у самого берега моря, где стояла батарея. Потом некому стало стрелять, и Юрий сам стал к орудию. Напрягая последние силы, он стрелял, вкладывая в каждый снаряд всю ненависть своего сердца.

Больше Юрий Никашин ничего не помнит. Он потерял сознание. Очнулся он на подводной лодке. Краснофлотцы подобрали его на берегу

---

* И. Видер. Катастрофа на Волге. М., «Прогресс», 1965, с. 123—124.

моря, в одной тельняшке и трусах. Прошли недели, месяцы. Исчезли следы контузии. Сегодня мы видели гвардии капитана Юрия Денисовича Никашина среди героических защитников Сталинграда. Таков он — герой трех городов».

3

Путь от Севастополя до Сталинграда был насыщен у Юрия Никашина такими событиями и поворотами, которых другому хватило бы на целый год.

Моряки подобрали его почти бездыханного у Херсонесского маяка. На подводной лодке доставили в Новороссийск и поместили в госпиталь. Несколько дней Юрий не приходил в сознание. А когда очнулся, не мог говорить и ничего не слышал. Его переправили в Железноводск, в специализированный госпиталь. Врачи долго бились над ним, стараясь вернуть слух и речь. Он рвался на фронт и писал требовательные записки. А обстановка на фронте все усложнялась. Становилось все тревожнее. Немцы прорвались на Северный Кавказ и в конце июля подошли к Железноводску. Вместе с другими тяжелоранеными, нуждавшимися в особом и длительном лечении, Юрия Никашина отправили в Москву. И тут...

Видно, не зря утверждают, что мир тесен. Юрия положили в госпиталь, расположенный на Ленинградском шоссе. В тот же день, в коридоре, он встретился с... отцом. Оба не поверили своим глазам. Отец, Денис Павлович Никашин, кадровый, еще с гражданской войны армейский политработник, воевал под Москвой, на Калининском фронте, далеко от тех мест, где Юрий получил свое боевое крещение. А сын-то думал, судя по номеру полевой почты, что отец воевал тоже в Крыму.

Ох уж эта полевая почта! Как она подводила своим номерным сходством!

В то лето 42-го я был на Брянском фронте. Наша дивизия стояла «во втором эшелоне», километров за 20 от передовой, и мы занимались «мирными» делами. Меня послали в сержантскую школу. Письма из дома, с Волги, получал регулярно. Изредка приходили фронтовые треугольнички и от отца, который воевал где-то старшиной роты. Последнее письмо от него пришло с новым номером полевой почты. Я поразился: он почти совпадал с номером нашей почты, последняя цифра была только на одну единицу меньше. «Значит, отец служит где-то рядом!» — обожгла меня догадка. Поинтересовался у штабного офицера: могут ли быть, если полевая почта почти одинаковая, части эти расположены по соседству. Он сказал, что «случается». Окрыленный, я поделился своей догадкой с командиром и попросил позволить мне поискать отца в соседних частях. Командир был добрый и отпустил меня с занятий на целых три дня, снабдив справкой, что я, такой-то, «отпущен для розыска отца в ближайших воинских расположениях». За три дня обошел округу в радиусе с десяток километров. Побывал у танкистов, артиллеристов, саперов, заходил в полевые госпитали, наводил справки у солдат трофейной команды — ни одна соседняя полевая почта с отцовой не сходилась даже приблизительно. С огорчением я написал ему о своих бесплодных поисках. Он, видно, посмеялся над моей наивностью и в ответном треугольнике сообщил, что «живет возле крепости, где томилась Вера Фигнер». Про народовольцев я знал немало и сразу догадался, что отец воюет у Шлиссельбурга, под Ленинградом...

Юрий Никашин обрадовался переводу в Москву — в город, где вырос, окончил школу, где жила мать, работница одного из наркоматов, но не мог и подумать, не мог и мечтать, что вот так просто встретит в Москве отца. Свел их в специализированном госпитале одинаковый характер контузии.

4

Их положили в одной палате, и койки поставили рядом. Отец и сын были безмерно счастливы. Юрий, с трудом двигая непослушным языком (врачи велели побольше говорить), спотыкаясь на каждом длинном слове и досадуя на вынужденное косноязычие, несколько дней рассказывал о выпавших на его долю злоключениях, а потом Денис Павлович поведал сыну свою одиссею.

Воевать он начал комиссаром батальона связи в 75-й отдельной морской стрелковой бригаде. Она была сформирована осенью 1941 года из моряков-черноморцев и курсантов Ленинградского и Каспийского военно-морских училищ и направлена на защиту Москвы. В боях за столицу морские пехотинцы показали необыкновенную стойкость и отвагу, выдержали вражеский натиск, а потом окружили и уничтожили группировку войск СС. Командование высоко оценило подвиги бригады, и в феврале она стала гвардейской. Дениса Павловича Никашина назначили ее комиссаром. В боях за Калинин он был тяжело контужен.

— Значит, мы с тобой однополчане: ты — морская пехота, я тоже среди черноморцев воевал. Я еще когда Киевское артиллерийское училище кончал, мечтал о морской службе,— заявил Юрий.

Поправлялся он быстро, и хотя глухота еще держалась, настроение у него было бодрое, и он поторапливал врачей:

— Вы нас с отцом разом выписывайте, мы теперь вместе воевать будем.

Отцу тоже не лежалось в госпитале. Он получил известие, что его бригада переформирована в 27-ю гвардейскую стрелковую дивизию и переброшена на станцию Паншино, под Сталинград, где началось большое сражение. Только Анна Ильинична не разделяла нетерпеливости сына и мужа. Вернувшись к этому времени в Москву,

она часто навещала их и с тревогой думала, что скоро ей опять придется провожать их на фронт.

И такой час наступил. В начале сентября Никашиных выписали, настойчивого Юрия — недолечившимся. В управлении кадров наркомата обороны Юрия поздравили с присвоением звания капитана, и обоих — с новым назначением в 27-ю гвардейскую, под Сталинград. Дениса Павловича направили на должность военкома штаба и заместителем начальника политотдела дивизии, а Юрия — командиром артиллерийского дивизиона.

5

18.11.42 г. **Матери, в Москву**

Мы живы и здоровы. Пока потихоньку бьем немца, вернее, румын. Снова я встретился со старыми «друзьями» — 13-й пехотной румынской дивизией, которая была под Одессой и которую мы целиком разбили... Видишь, оказывается, можно встретиться не только с друзьями, но и с врагами.

Ну, что же! Если им мало было Одессы и Севастополя, то они получат еще и здесь, но теперь уже, пожалуй, сформировать ее снова (эту дивизию) не смогут.

Работы сейчас по горло, просто не знаю, как вытяну. Вот уже 3-е суток почти не спал (спал всего 4 часа). По часу сна приходится на сутки. Но это пока временно. Немного разделаюсь с работой, и можно будет отоспаться.

А как, мамуся, ты живешь? Получила ли мою посылку и деньги, которые папка тебе послал? Вот сейчас получим деньги и еще тебе вышлем.

А гитару я все-таки себе достал. В одной деревушке купил за 100 рублей. Но дело, конечно, не в деньгах, а в труде, который я затратил при покупке. Ведь никто не хотел продавать, а гитару иметь хотелось. Всю деревню обегал и, наконец, одни девушки решили отдать. Но прежде, чем отдать, думали целый день: отдавать или не отдавать? Денег брать не хотели, но я оставил сам.

Привет твоим сослуживцам и всем домашним.

Твой Юрка.

11.12.42 г.

Вот ты все ругаешь меня, что я редко пишу, и не получаешь от меня писем. Я отвечаю на каждое твое письмо... Конечно, иногда бывают перерывы, но это не по моей вине. Ибо так иногда завертишься, что не замечаешь времени...

Живем мы хорошо. Сейчас уничтожаем всю эту сволочь,

находящуюся в кольце. Они, гады, сопротивляются, но все равно все будут уничтожены. Не хотят сдаваться, так уничтожим их.

На этом кончаю, а то ведь еще нужно 4 письма написать. Мне пишут, я всем должен отвечать. Вот уже 3 письма написал, и осталось 4. Работки хватит...

Твой сын Юрка.

6

У Дениса Павловича была записная книжка в черном клеенчатом переплете, в которой он день за днем, почти регулярно, делал короткие, понятные только ему одному, заметки. Это было нечто среднее между памяткой и дневником.

Поскольку Денис Павлович был политическим руководителем, дел и планов у него было много. Чтобы не забыть, он и фиксировал их в записной книжке: посещение полков и батальонов, встречи с парторгами и командирами, заботы об удовлетворении насущных солдатских нужд — от снабжения махоркой до устройства бани на передовой...

Сына Юрия Денис Павлович упомянул впервые в записи 20 октября: «Переезд на КП на бронетранспортере. Бомбежка, Юрий на автомашине первым».

Переехал штаб дивизии на новое место под огнем противника. Поэтому — на бронетранспортере. А Юрий со своими батарейцами — первым, чтобы обеспечить безопасность передвижения штаба.

Несмотря на то, что дивизия уже несколько дней не выходила из боев, решено было торжественно отпраздновать 25-ю годовщину Октября. На праздничное собрание в полевой клуб пригласили гостей из всех батальонов и батарей — 63 человека. В списке у комиссара Юрий Никашин значился двенадцатым.

Вообще, Юрий редко попадал в поле зрения отца. Только в связи с важными событиями. 26 ноября отец отметил: «9. Приезд Юрия с трофейным имуществом». Трофейным имуществом

Денис Павлович назвал две сумки от противогазов, набитые немецким дегазирующим порошком для обеззараживания питьевой воды — в этом была большая нужда, и артиллеристы Юрия сумели каким-то образом «позаимствовать» порошок у немцев.

«8 декабря. 8. Приготовление Юрием посылки матери». У отца на такую посылку рука бы не поднялась. Но, скрепя сердце, он помогал сыну собрать ее. Дело в том, что Анна Ильинична еще со времен гражданской войны пристрастилась курить. Денис Павлович к этой страсти относился неодобрительно, но сын не осуждал мать. Некурящий Юрий получал, как и все офицеры, в качестве дополнительного пайка трубочный табак, называемый «мошок». Он накопил этого «мошка», выклянчил пачку у отца, добыл где-то трофейную зажигалку и «сообразил» для матери новогодний подарок — посылку с табаком, которого в Москве давно уже негде было достать.

Записная книжка Дениса Павловича Никашина хранится в фондах Волгоградского музея обороны. Ее лаконичные и малопонятные записи редко кого интересуют. А они скрывают в себе немало и драматических событий фронтовой жизни.

7

28.1.43 г. **В Москву**

Можешь нас поздравить. Мы разделались со сталинградской группировкой. Мы живы и здоровы. Как видишь, я уже пишу правой рукой. Палец почти зажил...

Мамуха, а все-таки я прав был, когда говорил тебе в Москве, что как я приеду под Сталинград, так дела пойдут лучше, так оно и получилось... Скоро еще одна группировка попадет в окружение, и нам, очевидно, придется ее добивать...

Сейчас я пока живу опять вместе с папой. То, что я писал тебе, все это — ерунда, и не обращай на это внимания. Просто это была игра моих нервов. Только всего. С папой я разговаривал на эту тему, и, кроме того, что мы с ним оба чуть не разревелись, ничего не получилось. Больше об этом разговора быть не может. Ибо папка есть папка, и ближе его у меня здесь никого нет...

Твой Юрка.

Что произошло? Какой конфликт возник между отцом и сыном?

Размолвка вышла настолько серьезной, что ее улаживать пришлось матери, и она отразилась в записной книжке Дениса Павловича.

«12 января 43 года. Открытка (в Москву) о ранении Юры.

15 января. Ответ на письмо (из Москвы) о взаимоотношениях Юрия со мной. Открытка (в Москву) об успехах под Сталинградом и о лечении Юрия в медсанбате.

21 января. Письмо (из Москвы) на имя Юрия о взаимоотношениях со мной.

25 января. Ответ на открытку (из Москвы)».

Потом, много лет спустя, всю эту историю Денис Павлович изложил в письме ко мне.

Началось с ранения Юрия. В одном из боев осколком повредило указательный палец на правой руке. Юрия отправили в медсанбат. Не долечившись, он вернулся в свой дивизион, но его место было занято, дивизионом командовал другой офицер. Не потому, что молодой Никашин был плохим командиром и командование воспользовалось случаем, чтобы заменить его. Двадцатилетний Юрий Никашин был самым юным в дивизии капитаном и командиром артиллерийского дивизиона. Способностей ему было не занимать, хватало и отваги. Но сказывались еще последствия старых ран и контузии, и Юрий нуждался в отдыхе. Возвратившегося из медсанбата молодого капитана командование решило направить на учебу, в артиллерийскую академию, в Москву.

Никто не ожидал, даже отец, что Юрий обидится, восприняв это как свою отставку. Он бурно запротестовал и решительно отказался от командировки на учебу.

— Пока идет война, я с фронта никуда не поеду!— заявил он в штабе.

Что было делать? Ему предложили принять батарею в 54-м артполку. Юрий не обратил внимания на понижение, напротив, даже обрадо-

вался новому назначению: подальше от начальства, поближе к передовой, побольше возможностей проявить себя. Огорчала только разлука с отцом.

В новой батарее молодого Никашина приняли доброжелательно, были наслышаны о его храбрости, твердом характере и чутком отношении к солдату. Но с полковым начальством Юрий не поладил. И стало ему казаться, что к нему, более чем к другим, взыскательны. Пришли в штаб полка только что учрежденные медали «За оборону Сталинграда». Всего три. Командиру полка взять бы, выделить трех наихрабрейших артиллеристов и вручить им торжественно перед строем эти первые почетные награды. Капитан Юрий Никашин непременно попал бы в число счастливой тройки. Но в штабе полка поступили иначе и первые три медали распределили между командиром полка, начальником штаба и замполитом. Юрий возмутился и при первой же встрече с отцом высказал ему это. Да, он, герой обороны трех городов, ожидал этой заслуженной награды. Ведь это была бы его первая награда! Как она окрылила бы его!

Однако, разделив обиду сына, отец допустил ошибку. Выслушав Юрия, он снял только что полученную медаль со своей груди и протянул сыну со словами:

— Ну, возьми пока мою. Медали без номеров. Я скажу, чтобы тебе выписали удостоверение...

Юрий вспыхнул.

— Медаль — не значок. Она — боевая награда,— проговорил он.— И я могу принять ее только перед строем, под музыку, как положено.— Он выбежал из хаты, не попрощавшись.

«Наверное, сын считал, что моя должность заместителя начальника политотдела дивизии,— писал мне Денис Павлович,— мешала справедливой оценке его подвигов и служебного рвения. Он и сам всячески препятствовал попыткам отметить его, считая, что представление его к награде могут истолковать как мои заботы о славе сына,

как «его» родственную связь с начальством. Он очень тяготился таким положением. А моя необдуманная попытка отдать сыну свою медаль глубоко оскорбила его».

Гвардейская батарея капитана Юрия Никашина скоро прославилась во всей дивизии дерзостью, стойкостью и меткостью огня. Редко в каком донесении не поминались подвиги ее юного командира. «Капитан Никашин Ю. Д.,— говорилось в одном из них,— следуя в боевых порядках пехоты, развернул захваченное у противника орудие, проверил его исправность и приказал разведчику артиллеристу гвардии красноармейцу Дюпину открыть огонь по противнику. В результате был подбит один вражеский танк и одна крытая автомашина».

30 января 1943 года в штабе полка составили наградной лист на Юрия Никашина, но по неизвестной причине он не был рассмотрен.

К этому времени размолвка с отцом, благодаря дипломатическим усилиям матери, да и трезвому рассудку сына, пошла на убыль и вскоре сгладилась вовсе.

Победу под Сталинградом праздновали вместе как ни в чем не бывало.

8

Из записной книжки подполковника Никашина Д. П.:

«14 июля 1943 года. Был в 3-й батарее у сына. Разговор о назначении Петрова парторгом в дивизион.

17 июля. Наша авиация обрабатывала передний край противника у Сев. Донца. После артподготовки атака с левого берега...

Взят Орел. 30 тысяч пленных.

Анне Ильиничне письмо о наших горячих деньках.

18 июля. Стервятники пытались бомбить нашу переправу, но ничего не вышло. В 54 гвард. стр.

полку узнал, что Юрия с утра 17.7 нет в батарее, пошел с пехотой, видели, что ранен.

19 июля. Боец штабной батареи сообщил, что Юрий убит. Подробно знает связист 7-й батареи Варченко».

Замполит артиллерийского полка решил перед наступлением произвести необходимую перестановку коммунистов, укрепить подразделения наиболее подготовленными организаторами. Дело в таких случаях обычное. Он распорядился перевести в дивизион парторга 3-й батареи Петрова, коммуниста со стажем, умудренного опытом и уважаемого однополчанами.

Юрий питал к своему парторгу, солдату справедливому и рассудительному, особую привязанность и очень дорожил им. В характере Петрова было как раз то, чего не хватало самому комбату. И Юрий резко высказался против перемещения человека, с которым он так сработался и сдружился. Он не отпустил Петрова, не подчинился приказу. В боевой обстановке случай из ряда вон выходящий. Донесли в политотдел дивизии. Денис Павлович срочно отправился в батарею к сыну, чтобы уладить нелепый конфликт.

Они беседовали, как привыкли, по-родственному, просто и откровенно.

— Ты знаешь, папа, какой мужик этот Петров,— горячо говорил Юрий.— Он ведь и для меня, и для всей батареи — как родной отец. И поддержит, и выбранит — все к месту, все за дело. И на виду у всех, все сам, первый. А другого у нас такого нет. Как я без него в наступление пойду?

Они сидели в блиндаже комбата на устланных только что накошенной травой лежаках. Снаружи пекло солнце, а тут было прохладно, висел пьянящий аромат свежих луговых цветов. Петров у порога задумчиво покусывал травинку.

— Ну, так как, Петров? — спросил Денис Павлович.— Надо идти в дивизион...

— Надо, товарищ подполковник,— вздохнув, согласился солдат.— Велят, значит надо идти.

Только жалко с батареей расставаться. Привык я тут, сроднился. Да вот и с товарищем капитаном, с вашим сыном, стало быть, мы сладились, упряжку дружно тянем. А на новом месте и мне надо время, чтобы привыкнуть да приладиться. И Юрию Денисовичу с новым человеком начинать: как он себя покажет. А завтра — в наступление. Кабы после — не беда. Было бы время приглядеться. Вот такое мое соображение.

— Соображение резонное, но неверное по характеру,— возразил старший Никашин.— Наша армия — не войско батьки Махно: как хочу — так ворочу. Красная Армия и стоит на строгой и сознательной дисциплине, в ней и сила ее.

— Приказы должны быть разумными,— пытался держаться за свое Юрий.

Денис Павлович возвращался от сына с чувством неудовлетворенности и тревоги. Он заставил сына подчиниться приказу, но не убедил его в необходимости перемещения его парторга накануне наступления.

Спустя три дня началось наступление. Под ураганным огнем противника 27-я гвардейская дивизия начала переправу через Северный Донец. На участке, где пехоту поддерживала батарея Юрия Никашина, вышла заминка. Боевые порядки наступающих на берегу расстроились. Видя замешательство, Юрий схватил телефонный аппарат с проводом, сдернул с плеч гимнастерку и, оставив ее вместе с планшеткой ординарцу, с криком «Пехота, за мной!» бросился в реку.

Где и как погиб он — в реке ли, сраженный шальной пулей, от прямого ли попадания бомбы,— этого отец узнать так и не смог.

...В музее боевой славы 29-й московской средней школы, которая до войны была специальной артиллерийской школой, и в ней учился Юрий Никашин, ему посвящен стенд. Герой Одессы, Севастополя, Сталинграда, безусый комбат, он, чуть приметно улыбаясь, смотрит со стены на своих сверстников.

КЛЯТВА ТАНКИСТА

Мария Севостьяновна распечатала конверт и извлекла лист, с обеих сторон покрытый аккуратными строчками:

«Уважаемая Мария Севостьяновна!

Обращается к вам группа «Поиск» Новочеркасского инженерно-мелиоративного института.

Во время подготовки к 30-летию Победы над фашистской Германией и поиска погибших студентов и сотрудников института было установлено, что Герой Советского Союза Клименко Иван Иванович учился в нашем институте в 1934—1939 годах.

В 1976 году наши студенты побывали на Мамаевом кургане в Волгограде и возложили цветы на мемориальную плиту Клименко И. И. В музее института хранится копия наградного листа, где описывается его подвиг.

Убедительно просим вас: напишите нам о своем муже. Нас интересует его биография, каким он был, чем увлекался, как учился в школе и институте... Напишите о себе, как вы живете? Будем очень признательны вам, если передадите в музей института фотографии, документы, личные вещи Ивана Ивановича...

Группа «Поиск».

Мария Севостьяновна сложила письмо, поднялась из-за стола и вышла на балкон.

Стоял солнечный майский день. Величественно вскинув белокипенные свечи, цвели каштаны. На дворе звенели ребячьи голоса. И далеко к гори-

зонту, к темнеющему лесу простирались новостройки старого левобережного пригорода Киева — Дарницы, ныне одного из красивейших районов украинской столицы. Мария Севостьяновна залюбовалась картиной мирной жизни, наполненной радостями и счастьем, и мысли ее опять унеслись к далеким дням живо воскресшей юности, к трудным годам войны. В памяти оживали образы и видения, которые, собственно, и не покидали ее, лишь тускнели на время, чтобы при первом же напоминании о прошлом снова вспыхнуть ярко и остро отозваться в сердце непреходящей болью.

Со статным и сдержанным студентом Новочеркасского института Иваном Клименко она познакомилась осенью 1937-го, когда училась в строительном техникуме. Перед защитой диплома он сделал ей предложение.

— Тебе нужна вдохновительница? — лукаво спросила она.

— Подруга нужна, хозяйка в доме. Начать хочу трудовую и семейную жизнь одним разом,— ответил он.

Его направили в Красный Лиман, на северный Донбасс. Назначили инженером по водоснабжению, а она стала работать в бухгалтерии железнодорожной станции. И побежали дни, до краев наполненные счастьем и радостными заботами. Они обставляли квартиру, приобретали модные обновки, читали, спорили, обсуждали гастрольные спектакли, принимали гостей, мечтали и шептались перед сном: ждали ребенка.

И вот — война!

Она проводила своего Ваню в Ленинград, в танковое училище. Провожала с тяжелым сердцем, но не убивалась, надеялась, что он вернется скоро. Тогда многие думали: война не долго протянется. Живые примеры тому были: на Халхин-Голе воевали несколько недель, с финнами — три месяца.

В начале июля немцы приблизились к Ленинграду, и танковое училище, в котором проходил

ускоренный курс Иван Клименко, перевели в Магнитогорск. Он написал жене с Урала, звал к себе, повидаться; особенно соскучился по сыну Толику, которому шел уже третий год. Марию не отпускали со службы, она тужила и не знала, что и ей скоро выпадет дорога на Урал, но только не жданной гостьей, а беженкой-горемыкой.

К концу сентября угроза фашистской оккупации нависла и над Донбассом. Тысячи людей, наслышанных о злодеяниях гитлеровцев, устремились на восток, в глубь страны. Покинула дом, связав в узел лишь необходимое, и Мария Клименко.

Железнодорожные станции захлестнули волны неуправляемого человеческого водоворота. В тыл от надвигающегося, как грозная туча, фронта ползли эшелоны с мирным населением. Медленно тянувшиеся и хорошо видимые, они представлялись гитлеровским летчикам хорошими развлекательными мишенями. И воздушные пираты метали на беззащитные поезда бомбы, прошивали их шквалом пулеметного огня. На станции Лихой, где скопилось несколько эшелонов с беженцами, гитлеровские летчики учинили страшное злодеяние. Делая один заход за другим, они низвергали на растерянных, обезумевших и не знавших, где искать спасения, женщин и детей тонны смертоносного металла, лихо виражируя над головами, расстреливали в упор.

Мария, выскочив из горящего вагона, бросилась с сыном на руках куда-то в сторону, ища укрытия в каменных развалинах, и не успела увернуться от тугой пулеметной очереди. Пуля ударила мальчика в голову, и она почувствовала этот удар, словно он пришелся ей по самому сердцу. Мария упала, но удержала сына и накрыла его собой...

Она похоронила сына вместе с другими безвинно погибшими жертвами зверского налета и, убитая горем, поехала дальше. И не могла потом припомнить, сколько времени продолжался ее путь и как она доехала до Магнитогорска...

...В Магнитогорске Мария пробыла недолго. В конце марта состоялся выпуск из училища. С торжественного построения в тот день Иван вернулся к ней с непривычными глазу лейтенантскими «кубиками» на петлицах. Отметили это событие маленькой пирушкой. А через два дня лейтенант Иван Клименко получил направление на Ленинградский фронт. Он успел выправить Марии билет до Ашхабада, где жила ее сестра, учительница.

Дорога в Среднюю Азию была не менее трудной, чем с Донбасса до Урала. Только не налетали вражеские самолеты. А так всякого лиха выпало в достатке. В пути Мария заразилась тифом, и в Ашхабаде ее вынесли из вагона замертво.

В больнице она и получила первое письмо от Ивана с фронта.

12.5.42 г.

...В бою пока не был, но в разведке был. Сегодня иду в первый бой.

Буду громить варваров от всего сердца, умело и страстно. Сегодня я проверю, как буду чувствовать себя. Главное — выполнить боевую задачу и сохранить материальную часть и экипаж...

Убедился сам, что гитлеровская армия неминуемо потерпит поражение, причем более позорное, чем наполеоновская. Люди наши сражаются храбро (по разговорам с ранеными). Несколько дней немецкая авиация совершает интенсивные налеты, но результата не добивается.

И. Клименко.

Свой первый бой Иван Клименко принял под Ленинградом. Воевал он храбро, умеючи, как поклялся в первом своем письме. Вскоре он сообщил о своей фронтовой радости: «Позавчера мне вручили медаль «За отвагу». Получив эту награду, я сказал, что буду беспощадно громить фашистов».

Его назначили командиром танковой роты. О всех событиях в своей фронтовой жизни Иван регулярно, хотя и немногословно, сообщал же-

не. Она часто получала то треугольники, то открытки.

20.8.42 г.

...Живу хорошо. Сейчас опять отправляюсь «туда». У нас настоящее лето, тепло, а до этого было дождливо и прохладно.

Скучаю по тебе. Вот рядом играет гармошка, и мне немного грустно. Вчера смотрел кинокартину и концерт.

И. Клименко.

Вскоре его командировали с фронта в Челябинск за танками. А оттуда, получив новую боевую технику, он отправился на защиту Сталинграда. Следующее письмо от него пришло с берегов Волги.

27.10.42 г.

...Я нахожусь в районе, где идут самые крупные бои, о которых вы читаете в газетах. Скоро и мы будем драться. Будущее покажет, чем это кончится.

Вчера в лесу нам показывали две картины, «Маскарад» и «Пархоменко», очень хорошие картины, с большим удовольствием смотрел...

Марусечка! Как я соскучился по тебе. Вышли свою фотокарточку. Как живешь? Все пиши. Напиши, как отдыхаешь, нет ли у вас там романов. Не теряй головы.

Привет вашим всем.

Иван.

Это письмо было написано перед боем.

Она энергично принялась собирать посылку мужу на фронт. Ей помогала сестра Анна, у которой Мария нашла приют в Ашхабаде. Купили две пары носков из верблюжьей шерсти, белые шерстяные перчатки. Изготовили полдюжины подворотничков и столько же носовых платков. В посылку вложили и килограмма два свиного сала. С посылкой же отправила и письмо в ответ на его намек насчет «романов». Если бы Иван знал, как тяжко было Марии! Работала в госпитале бухгалтером продовольственной части. Госпиталь был большой — в трех пищеблоках кормили почти три тысячи раненых. Работы у нее было столько, что часто оставалась в бухгалтерии и на ночь: писала аттестаты, накладные, отчеты, делала бесконечные разноски. Спала урыв-

ками тут же, на столах. Но Мария не писала на фронт о своих тяготах.

Посылка дошла быстро. Иван порадовался подаркам и ответил короткой сердечной благодарностью. На обстоятельное письмо, видно, времени у него не достало. Молчание Ивана затянулось. Она встревожилась. Текли недели. Тревога росла. Минул месяц, другой. Никаких вестей с фронта не было. И все же Мария надеялась, что пощадит ее в этот раз жестокая война, уже отнявшая у нее сына. Нет, не обошла ее лихая вестница — легла на стол похоронка. А потом, уже в конце марта 1943 года, пришло скупое письмо от Ивановых однополчан:

Дорогая Мария Севостьяновна!

Ваш муж, а наш боевой товарищ по оружию погиб смертью храбрых в борьбе с немецкими захватчиками под Сталинградом. Ему присвоено звание Героя Советского Союза, и поэтому часть, в которой он служил, просит вас выслать его фотокарточку, так как карточка его в личном деле не сохранилась. Карточка необходима для истории нашей части в Отечественной войне.

Она переписывалась с однополчанами Ивана всю войну и еще много лет потом. Ей хотелось знать все о последних днях жизни Ивана: как он жил на фронте и какие у него были товарищи, как и где сражался и погиб. Война рассеяла его друзей, она искала их и радовалась каждому новому сообщению. Наконец она собрала сведений достаточно, чтобы представить себе во всех подробностях, что произошло в те ноябрьские дни 1942-го на берегах Дона, по которым, как броневой смерч, пронеслись танки роты лейтенанта Ивана Клименко. Мария Севостьяновна мысленно не раз проделывала вместе с ним этот короткий и славный рейд по донской излучине.

Ранним утром памятного 19 ноября на вражеские позиции под Сталинградом обрушился мощный, как взмах карающего меча, удар всей нашей артиллерии и знаменитых «катюш». Мария

Севостьяновна не раз видела этот грозный и волнующий момент в кино и по телевидению. И всякий раз порывалась привстать с радостным возгласом, когда на экране вслед за раскатами залпов «катюш» лихо вырывались вперед наши танки. Она была твердо убеждена, что в головной машине — ее Ваня.

Ведь так и было на самом деле. В то утро где-то под станицей Клетской, после того как отгрохотали залпы пушек и «катюш», на прорыв вражеской обороны первыми ринулись танкисты 69-й танковой бригады, в которой Иван Клименко командовал ротой средних танков. Его рота шла в авангарде, и ей пришлось, словно ледоколу в матерых торосах, прорубать путь остальным. Головной танк бросался на самые опасные и крепкие оборонительные точки врага и первым принимал на себя их огонь.

Неприятель не продержался под ударом артиллерии и натиском танков и нескольких часов. Много лет спустя Марии Севостьяновне показали выписку из наградного листа Ивана Клименко, и она прочла описание его подвига, заслужившего самую высокую в стране награду — звание Героя. «Во главе своей роты тов. Клименко стремительно и бесстрашно ворвался в оборону противника, умело руководил боем и, разгромив оборону врага, нанес ему большой урон».

Пять дней пробивалась бригада, впереди которой шли танки Ивана Клименко, на юго-восток, на соединение с нашими войсками, наступавшими от Волги. Не раз противник пытался остановить, задержать яростное и сокрушительное движение танкового авангарда. Но танкисты Клименко сбили с пути все заслоны и прорвались на левый берег Дона. Они не считали своих побед и трофеев — некогда было. Это потом подсчитали в штабе бригады и изумились. Рота Клименко, пройдя немногим более ста километров, сожгла и захватила двадцать два вражеских танка — почти по четыре на один наш! В степи, где прошла рота, осталось двенадцать разбитых

вражеских пушек, пять пулеметов и почти триста автомашин. Танкисты раздавили более трехсот повозок с разными грузами и разгромили два склада с продовольствием и боеприпасами. Под их пушками и пулеметами полегло около восьмисот — чуть ли не полк — вражеских солдат и офицеров.

Ранним морозным утром 23 ноября Клименко с двумя танками ворвался в хутор Платонов и вышиб засевших в нем гитлеровцев. Преследуя удиравший вражеский танк, Иван Иванович неосторожно подставил бок своей машины замаскированному неподалеку орудию. Удар в гусеницу остановил бег нашего танка. Водитель тщетно пытался вывести его из-под губительного обстрела. Машина потеряла ход, и вражеские артиллеристы принялись в упор расстреливать застывшую на снегу машину. Один снаряд прошиб броню и разорвался внутри. Экипаж погиб. Клименко был тяжело ранен. Фашисты бросились к поврежденному танку, намереваясь захватить в плен живых членов экипажа. Иван, напрягая последние силы, отстреливался из пистолета. Последний патрон он оставил для себя.

...Пахнул пряный аромат луговых трав, прилетевший издалека. Мария Севостьяновна очнулась от своих видений. Вернулась в комнату.

Она всю жизнь так и работала бухгалтером. Никогда не использовала для себя его заслуг и высокого звания. Но всегда выполняла просьбы, подобно той, которая ожидала на столе, в письме из Новочеркасска.

Значительную часть писем, документов, фотографий и грамоту Героя Советского Союза Мария Севостьяновна передала Волгоградскому музею обороны. Волгоградцы чтут память танкиста Ивана Клименко. В Тракторозаводском районе его именем названа улица.

СТРОКИ ДЛЯ ДВОИХ

I

Великая Отечественная война каждый день рождала героев. В одной из январских передач 1943 года диктор сообщил о подвиге коломенского летчика Николая Заикина, совершенном в воздушной схватке над Сталинградом.

Спустя двадцать лет в праздничном 11-м номере, посвященном 46-летию Октября, журнал «Крылья Родины» перепечатал взятый из старой фронтовой газеты рассказ отважного летчика о том памятном воздушном бое. Вот как это было:

«Я — в дежурном звене. Не вылезая из кабины, наблюдаю за воздухом. Вдруг вижу, что к аэродрому приближается фашистский бомбардировщик Ю-88. Быстро взлетаю, набираю высоту и устремляюсь за противником. Приближаюсь к вражескому самолету, атакую. «Юнкерс» задымился и упал на землю. У меня кончились боеприпасы. Я отвалил и пошел на свой аэродром.

При подходе к аэродрому замечаю «юнкерс». Патроны израсходованы, но я преследую врага. Думаю, задержу его, подойдут наши и собьют. В наушниках раздается знакомый голос командира: «Если нет боеприпасов, разрешаю идти на таран». Выбираю удобную позицию и снизу и сзади подхожу к хвосту фашистского самолета. Удар рассчитываю точно, чтобы не повредить свою машину. Лопастями винта рублю левую сторону хвоста вражеского самолета. Ощущаю незначительный толчок, так как подошел к нему

на малой скорости. От «юнкерса» летят щепки, и он спирально падает к земле. После тарана я отвалил вниз, выключил мотор и сел на своем аэродроме. Истребитель не поврежден, только погнулись лопасти винта».

В годы войны советские летчики совершили в воздухе 327 таранных ударов по вражеским самолетам. Израсходовав в воздушной схватке боеприпасы, они, не задумываясь, превращали в оружие собственный, иногда уже израненный, гибнущий «ястребок» и шли на таран. Немецкие асы пуще всего боялись таранного удара — он не оставлял надежды на спасение.

Народ восхищался героизмом советских соколов. Им не занимать было отваги и дерзости. Однако не каждый был способен на крайний шаг в бою — на таран. Командовавший в годы войны Военно-Воздушными Силами страны дважды Герой Советского Союза Главный маршал авиации А. А. Новиков говорил:« Воздушный таран — это не только молниеносный расчет, исключительная храбрость и самообладание... Это одна из наивысших форм проявления того самого морального фактора, присущего советскому человеку, которого не учел, да и не мог учесть враг, так как он имел о нашем народе, о нашем строе весьма смутное представление»*.

29 октября 1974 года «Правда» рассказала в статье «Иду на таран» о наиболее выдающихся героях-летчиках, отличившихся в военные годы дерзкими таранными ударами. Среди других газета назвала и старшего сержанта Н. М. Заикина, летчика-истребителя с Донского фронта.

Кто же он такой, этот парень из старинного русского города Коломны? Каким был его духовный мир, позвавший к подвигу?

Школьные годы Николая Заикина совпали с бурным расцветом советской авиации, с порой ее первых неслыханных достижений и беспримерных подвигов ее зачинателей. Челюскинская

---

* «Правда», 1974, 29 октября.

эпопея, перелеты через Северный полюс будоражили ребячье воображение. Мальчишки играли в Чкалова, как лишь вчера — в Чапаева. Романтика покорителей таинственного и безбрежного «пятого океана» неудержимо манила и братьев Заикиных — Виктора и Николая.

Они были из рабочей семьи. Николай выделялся среди сверстников сдержанностью и кремневой твердостью. Словом своим дорожил.

Владела им одна страсть, редкая для мальчишек,— он любил откровенные беседы с самим собой и вел дневник. Из года в год исписывал одну тетрадь за другой. Об этом он никогда не говорил и своих записей никому не показывал.

Не расставался он с дневником и в военное лихолетье. Но сохранилась лишь одна его дневниковая тетрадь и несколько писем самого трудного, 1942 года. Записи в последних тетрадях Николай Заикин делал для двоих — для себя и любимой девушки. Он регулярно посылал ей письма с фронта, из-под Сталинграда, обстоятельные и доверительные, и очень хотел, чтобы она когда-нибудь прочла и его дневник.

Их взаимное чувство было, словно лесной родник, глубоким и чистым, они оберегали его.

Потрепанная общая тетрадь в серой бумажной обложке, которую удалось найти, была тридцать первой по счету. Тридцать предыдущих безвозвратно пропали. В сохранившейся тетради на сорока шести страницах он сделал всего лишь двенадцать записей. Первая появилась 3 марта 1942 года. Оборвался дневник записью от 19 апреля.

2

3 марта 1942 г. Самое главное, что произошло за эти пять дней,— мой разговор с генерал-лейтенантом Денисовым о жизни и работе пилота-инструктора, сержанта. Нам оставлена одна надежда. И мы все тут живем только этой верой. Генерал сказал, что нашим вопросом сейчас занимается сам т. Сталин.

Ждем!..

Что имел в виду Заикин? Чем был так обеспокоен он и его товарищи?

В ту весну Николай Заикин заканчивал ускоренный курс Качинской военной авиационной школы.

Твердо решив стать летчиком, они с Виктором, еще не окончив десятилетки, поступили в аэроклуб. После школьных уроков бегали «на теорию», а летом с замирающим сердцем настойчиво осваивали технику пилотирования.

Николай попал в группу Сергея Черникова. Безгранично и страстно влюбленный в авиацию, он передал своим питомцам не только секреты летного мастерства, но и черты своего характера — отвагу и дерзость.

Вместе с аттестатом зрелости Николай Заикин получил удостоверение летчика. Его направили в Херсонскую авиашколу инструкторов. В марте 40-го он вернулся в Коломну в новенькой пилотской форме, подтянутый и возмужавший. К степенности обязывало положение — он стал инструктором аэроклуба.

Наставником он оказался строгим и вдумчивым. Своего времени не расточал, выработал твердую внутреннюю дисциплину. Терпеливо и щедро занимался с курсантами, много читал. Редкие свободные вечера проводил в шумной компании сверстников или с первой своей девушкой Леной Туровой, простой и общительной.

Выросла Лена в детдоме и училась в ФЗУ, потом стала токарем на паровозостроительном заводе. Серьезного чувства между ними не было. Лена нравилась Николаю открытым и веселым нравом, и он относился к ней дружелюбно и покровительственно.

И вот в его группе появилась Лидия Римлина. Они давно знали друг друга: учились в одной школе, только она — классом ниже, поскольку была годом моложе. Выполняли одни общественные поручения.

Высокая, изящная, строгих правил, Римлина казалась ему гордой и недоступной. И вместе с

тем она нравилась Николаю живостью ума, широким кругом интересов, начитанностью и романтичностью. Лидия тоже грезила подвигами. Николай увлек ее своей влюбленностью в авиацию, и она даже сделала прическу, как у Валентины Гризодубовой.

После возвращения Николая в Коломну летчиком-инструктором в их отношениях произошли изменения: он возмужал, она повзрослела. Внешне старались по-прежнему сохранить отношения школьных друзей, но чувствовали, что их влечет друг к другу иное, неведомое чувство.

Лидия недолго была в его группе, звенья переформировали, и она попала к другому инструктору. А встречаться они продолжали. Случалось, ходили вместе в кино, но так и не осмелились сделать ни одного шага к сближению. Расстались друзьями, не подозревали, что больше не встретятся и что разлука сблизит их настолько, что повлияет на выбор каждым из них житейских позиций.

Николай год работал инструктором аэроклуба. Многим своим сверстникам открыл дорогу в небо. Но и сам рвался в военное училище, хотел стать летчиком-истребителем. И наконец ему повезло: был объявлен дополнительный набор в прославленную Качинскую школу военных летчиков, и 10 декабря 1940 года он уехал в Крым, в «Качу», где уже учился его старший брат Виктор.

Полного курса, однако, пройти не довелось. Началась война. К Крымскому перешейку подошел враг, и Качинскую школу эвакуировали в Красный Кут, небольшой дотоле неизвестный железнодорожный поселок в степном саратовском Заволжье.

На долю качинцев полной мерой выпали тяготы войны. В Крыму школа располагалась в живописной, утопающей в садах, Мамашайской долине, на солнечном черноморском берегу, в 15 километрах от шумного и ослепительного Севастополя. Курсанты жили в удобных казармах, занимались в просторных классах, работали в обо-

рудованных мастерских. Аэродром с ангарами и ровными лентами взлетных полос был похож на парк. Питались по-санаторному, одевались с блеском.

Ничего этого в Красном Куте не было. Школа заняла в поселке несколько зданий, непригодных ни под казармы, ни под классы, ни под мастерские. Курсанты вырыли землянки, устроили склады и, ежась от пронизывающего до костей ледяного ветра, расчищали на выгоне постоянно задуваемый снегами аэродром.

Жили впроголодь, а для полетов часто не хватало бензина.

Но не роптали. Понимали — война. Летчиков ждал фронт, и они поэтому занимались и работали с утроенной энергией. Если бы не приказ, который повелевал отныне выпускать из школы, с сокращенного курса военного времени, летчиков-истребителей не в офицерском звании, а сержантами.

Приказ был краткий и суровый, как приговор, и не содержал объяснений. Но почему вдруг такая немилость к летчикам-качинцам? С этим-то вопросом и осмелился обратиться к начальнику школы генералу Денисову курсант Заикин. И воспроизвел его неутешительный ответ в своем дневнике.

Приказ казался несправедливым. Будущим летчикам вопрос о выпускном звании представлялся вопросом престижа. Он задевал самолюбие молодых и отважных парней, овеянных романтикой своей профессии. Сержант в глазах юных поклонниц не то что лейтенант. Хотя, в конечном счете, столь ли уж это важно? Такой вопрос Николай Заикин задал себе после разговора с генералом. И записал в своем дневнике:

14 марта. Все ширятся и растут рассуждения о «сержантах». Какое-то глухое недовольство, что, конечно, в Красной Армии недопустимо. Это прорвалось даже на партсобрании. В разговорах много правды, но все, что ни говорят, пока что не годится, ибо не время!

После партийного собрания «сержантский» вопрос был исчерпан, и к нему в школе больше никогда не возвращались.

Курсантские будни Николай отметил в дневнике скупо: «Рано встаем и сдаем зачеты...»

3

В начале марта 1942 года состоялся выпуск группы, в которой занимался Николай Заикин. Первая выпускная группа в Красном Куте считалась самой сильной, и почти весь ее состав оставили в школе инструкторами.

К своему новому назначению Николай отнесся философски: «раз надо — значит надо». И принялся за выполнение уже знакомых ему инструкторских обязанностей с присущим ему рвением. Его судьба определилась, и он мысленно часто обращался к тем, кого оставил в Коломне. Возвратимся к первой записи.

3 марта 1942 г. ...Получил письма от Лиды и Лены. Первая работает до полной усталости, закрывая глаза на будущее, и ожидает с нетерпением тепла. Вторая крепко целует и сильно благодарит за помощь. Но я не обещаю ей что-либо серьезное в будущем. Мы просто друзья — и только. Лида пишет про неудовлетворенность, ищет что-то «главное». Понятно, иногда и я это испытываю...

Ни Лиды, ни Лены в Коломне уже не было. Лена с паровозостроительным заводом эвакуировалась в Пермь и работала не токарем, а контролером. Жила в общежитии в большой нужде. Николай не мог представить себе когда-то веселую, беззаботную Лену грустной, потухшей. Помочь ей он мог только частью своего инструкторского жалованья. Он до последних своих дней поддерживал ее таким образом, и она осталась благодарной ему на всю жизнь.

А Лиду, только было ставшую студенткой Московского химико-технологического института

имени Менделеева, судьба забросила еще дальше — в Сибирь. Вынужденная оставить институт, она пошла работать на металлический завод в Коломне, с которым и уехала потом в Красноярск. Жили втроем — с матерью и младшей сестренкой. Занимали крохотную комнатку в заводском бараке. Отец Лидии и ее брат воевали.

14 марта. Познакомился со старшим лейтенантом Антоненко. Один из недюжинных людей, каких встречал. Написал письмо Черникову, должен прислать ответ, а тогда будем принимать меры. (Сергей Черников просил выяснить вопрос о его переводе в Качинскую школу. **В. Ю.**)

Между прочим, был в Саратове. (Летал.) Но сглупил: не взял адреса знакомых, пришлось спать в планерной школе. На следующий день прилетел в Красный Кут, ориентируясь по железной дороге.

Брата, кажется, тоже оставят инструктором — говорил с его комзвена. Вообще, пока что все идет по-прежнему...

Да, как, однако, изменчив и странен человек. Он может выступать на собрании чуть ли не с вопросами мирового масштаба и в то же время трястись за лишние 50 гр. хлеба в столовой. Правда, это не новость, но все же пример подлости. Такие люди заслуживают только одного — презрения!

21 марта. Наконец-то я встал с постели! Весна, но что-то не весенняя. Зима, как говорят ребята, «пошла на второй круг». Мороз сегодня —27° С. Довольно холодно. И я все эти дни лежал, вначале под влиянием физических сил, а затем — духовных. Дело в том, что 16 марта погиб мой брат Виктор!

Вот уже двух самых близких людей смерть вырвала у меня. Уже не соберемся мы теперь все вместе, не поговорим, не вспомним про былые дела! Ну, что ж, хоть и тяжело на душе, хныкать не буду. Наоборот, сжав губы, сконцентрировав всю волю, приложу максимум энергии в освоении летного дела, в обучении курсантов. Нос вешать нельзя.

А раньше Виктора погибла моя младшая сестра Надя. Прошлой осенью, где-то недалеко от Вязьмы, полк, в котором она служила санинструктором, попал в окружение. Когда выходили к своим, разорвавшийся поблизости снаряд оборвал ее жизнь.

Надя погибла 20 октября 1941 года. Товарищи, сняв пилотки, торопливо, кто чем: один лопаткой, третий штыком, вырыли тут же могилку, бережно опустили в нее Надежду, прикрыли лицо, забросали землей. И на выросший около окопа холмик положили ее пилотку...

Теперь у меня два места уже есть на географической карте, где стоят два «крестика», под которыми покоятся самые дорогие для меня существа: сестра и брат!

Жалко и страшно, а главное обидно, до боли обидно, что вот были люди, мечтал я опять увидеть их всех вместе. Но нет, не вышло! И больше угнетает нелепая смерть брата.

Сейчас война, и погибать нужно только на войне, возможно дороже отдавая свою жизнь. Ведь она — самое дорогое, самое ценное из всех сокровищ человека!..

Весть о гибели Нади Николай получил из дома, из Коломны. Матери об этом написал с фронта знакомый паренек, вышедший из окружения, который сам не видел, но слышал, что Надя Заикина погибла. Ни мать, ни Николай так и не узнали, что слух был недостоверным. «Очевидец» гибели Нади спутал ее с другой коломенской девушкой, которая тоже была санинструктором и погибла от вражеской мины. А Надя в том последнем бою, когда ее полк под Вязьмой пытался вырваться из окружения, стащила в блиндаж тяжелораненых и, занятая ими, не видела, как изменился ход боя,— да и не покинула бы она их ни при каких обстоятельствах,— вместе с ними была взята в плен. Так она оказалась в «пропавших без вести» и вернулась домой только в 46-м году, когда уже ни матери, ни Николая, давно оплакавших ее, самих не было в живых*.

Николай мужественно переживал свое горе.

23 марта. ...Эту страницу заполню так, разной всячиной. Тома Лучкина едет на фронт. Вера о смерти брата знает, сочувствует. Вчера послал деньги: матери (триста), отцу (двести).

Этой весной должен решиться исход войны: кто кого? Вернее, не так, а когда мы их?

Писем от Лиды и Лены что-то нет. Получил письмо от матери и отца. Сейчас думаю писать ответ. Настроение после гибели брата неважное. На полеты пока что не хожу. Завтра пойду.

Некоторых ребят, курсантов, выпустили. Глебова Бориса оставили инструктором.

---

* Надежде Михайловне выпала трудная судьба. Несчастный случай разом лишил ее мужа и сына. Но она мужественно перенесла свое горе. Она так и осталась верной своей профессии, избранной в начале войны, и до сих пор работает палатной сестрой в одной из сельских больниц Подмосковья.

Весна, по-видимому, будет поздняя, все еще держатся морозы. Сейчас все читаю «Успех» Фейхтвангера.

25 марта. Сообщения Информбюро спокойны: на фронте ничего существенного не произошло, сбито столько-то вражеских самолетов, наших столько-то, рассеяно и уничтожено авиацией за день столько-то батальонов пехоты, орудий, танков и т. д. Одна наша часть на таком-то фронте истребила энное количество противника, захвачены следующие трофеи... несколько населенных пунктов... Конечно, все это вовсе не значит, что на фронте царит такое относительное спокойствие. Вовсе нет! Сейчас как у противника, так и у нас идет деятельная подготовка к предстоящим большим весенним операциям, похожим по своим масштабам на осенние. С той лишь разницей, что инициатива теперь в наших руках. А в пользу Гитлеру может пойти лишь такой факт, как возможное выступление на востоке Японии. С интересом мы слушали поучительную речь т. Литвинова М. М.

Домой о гибели Виктора не писал. Написал лишь, что он поехал на фронт...

Да, жизнь, несмотря ни на что, идет своим чередом. Люди приходят и уходят, появляются и исчезают, очень часто совершенно не оставляя после себя никакого следа. А все вокруг живет и дышит по-прежнему независимо от того, существует «оный» человек или уже нет его на свете. И меня пугает не сама смерть, как физиологическое явление. Нет, меня пугает именно то, что мир ведь и после моей смерти будет жить и действовать по-прежнему, а меня в нем не будет. Вот это-то отсутствие, неучастие в жизни меня и страшит!

В общественные места по-прежнему не хожу, несмотря на неоднократные просьбы девушек. Вчера был у М. Л. Обыкновенная наша русская семья, каких миллионы в СССР. Она опять приглашала.

Весьма вероятно, что скоро мы уедем в лагерь, а они — в колхоз. Ведь посевная кампания сейчас — второй фронт! Это справедливо и верно...

Хочется, чтобы эти записи почитали потом жена в духе Римлиной и сын, если он будет.

План, а это более чем очевидно, на этот месяц мы не выполним. До конца месяца остались считанные дни, а сделать нужно еще очень много, тем более, что весна в разгаре. Сегодня уже значительно теплее, снег заметно подтаивает, видны по дорогам проталины и как следствие — нелетная погода. Ребята увлекаются боксом.

Я, Федоренко и Яша Чудновский переведены в первый отряд к Пасько. С одной стороны, хорошо, а с другой, плохо, т. к. каждая медаль имеет свою оборотную сторону.

Насчет возможной своей гибели я уже распорядился заранее. Это в отношении своих записей. Страшно не хочется, чтобы они попали к постороннему лицу.

30 марта. Только вчера беседовали мы — сержанты с капитаном (начальником разведки военно-воздушных сил армии), приехавшим с фронта. «Пока что ничего существенного на фронте не происходит»,— заявил он нам. На фронте, протяженностью от Новгорода до Курска, царит стабильность. Немцы укрепились по рекам, облив водой их берега, устроив своеобразные ледяные крепости и валы. Кое-где на фронте наши войска по-прежнему продвигаются вперед, с боем и кровью отвоевывая каждый метр, каждый дом, каждую деревню. Вообще происходит громадная перегруппировка сил. Многие фашистские части или окружены полностью или полуокружены. За последний период (примерно с 15 февраля) усилилась активность немецкой авиации...

Все еще читаю «Успех» Фейхтвангера. Начинает нравиться. Автор просто и ясно показывает зарождение фашизма в Германии и питающие его основные корни...

Да, между прочим, получил письмо от Лиды. Крайне удивлена моей откровенностью, хотя я ей особенно ничего не писал. Ну, а если, конечно, говорить на открытую, то нужно признаться, что мои письма к ней являются анализом своих поступков, а иногда и мнений. Подчас кажется, что я пишу не письма Лиде, а свой дневник. Она хочет тоже быть со мной откровенной. Не знаю, удастся ли ей это? Быть откровенным не так-то просто...

Получил письмо от Вали (жены Виктора). Вернее, письмо адресовано Виктору. Послал телеграмму, что он уехал на фронт, скоро придется сознаться. В Красноярск, Лидии, написал, что Виктор погиб...

В этот же день Николай написал о своем горе и в Пермь, Лене.

Здравствуй, Лена!

Что-то очень долго от тебя не было писем, и вот только сегодня я получил одно. Особенно благодарить меня, Лена, не за что: ведь будь ты на моем месте, ты сделала бы то же самое. И я прошу тебя, если будут нужны деньги, то пиши, не стесняйся.

Лена, у меня сейчас большое, тяжелое горе. Кроме того, что погибла сестра, погиб еще брат Виктор (он тоже был летчик). Вот уже двух самых дорогих для меня людей я потерял в этот период страшного времени, когда мы поставили на карту все, когда стоит вопрос: победить или умереть!

Я сейчас готовлю пополнение фронту, молодых летчиков-истребителей...

Живу я, как и ты, в общежитии, только с той разницей, что тебя окружают девушки, а меня ребята, да еще мне не приходится ни о чем заботиться.

С приветом твой друг Коля.

4

1 апреля. Речь Майского — замечательная, корректная. В основном все ясно: Германия уповает на 1942 год. Мы должны приложить все свои силы, чтобы весна и лето этого года были решительными, переломными в ходе войны. Нужно вообще отметить, что все речи наших руководителей партии и правительства — без единого иностранного слова, просты, ясны, понятны каждому, даже неграмотному, корректны и деловиты, не в пример выступлениям Рузвельта или Черчилля, полным различных намеков, туманных рассуждений, междометий, пустых слов вроде «если бы», «кажется», «вероятно», «возможно» и т. д. И начинает казаться, что они за окончательный разгром Гитлера только на словах, а не на деле. Ибо ни одного еще решительного шага с их стороны до сих пор предпринято не было...

Смотрел кино «Разгром немцев под Москвой». Читаю, читаю без конца. Пишу письма. Занимаюсь с группой. Готовлю доклад о значении займов в 1942 году.

4 апреля. Вчера были интересные мысли, а вот сегодня взял тетрадь и, оказывается, особенно не о чем писать.

Читал Шопенгауэра «Афоризмы и мысли». Во многом, конечно, не согласен, под нашу советскую мораль не подходят. Рассуждения, правда, довольно оригинальные... Читаю военную историю, Байрона и так кое-что еще... Поедем, вероятно, в Палласовку.

8 апреля. Особенного нигде ничего не произошло. Газеты за последнее время почти не читаю... Радио говорит очень плохо. Таким образом, я нахожусь вне курса событий, т. е. выбит из колеи...

Работать и жить нам, летать придется не здесь, а в Палласовке (станция Сталинградской области). Все ребята уповают на нее и питают весьма радужные надежды, думая, что там будет лучше. Я почему-то тоже думаю, что там будет лучше работать, да и жить.

Как всегда, жду с нетерпением письма от Лиды...

Весна бурная. Много снега уже потаяло. Остались одни сугробы, воды и грязи стало больше, и бедным сержантам, обутым в хромовые сапоги, приходится очень туго.

Часто хожу, несмотря на грязную погоду, к Вере. Сегодня думаю сходить к Маше, показать ей свои фото. Обе они простые, хорошие девушки. Жаль их! Вот так незаметно отцветает их молодость, и кто знает?.. Может быть, придется остаться девушками, если только какой-нибудь солдат мировой революции не найдет в них свой идеал...

Читаю Байрона: «Манфред: ...«Капи» и т. д. Но больше увлекаюсь историей военного искусства. С каждой страничкой падает пелена. Все становится ясно и понятно. А неразрешенных вопросов было много, теперь многое уже стало понятным.

Антоненко завтра уезжает на Карельский фронт. Хороший человек. Командование сейчас у нас такое, что лучше желать не стоит. Взять командира эскадрильи майора Мирошниченко или комиссара! Свои ребята.

Все в порядке.

14 апреля. Долго нет писем из дома... Уж не случилось ли там чего?

Два письма от Лиды. Она поддерживает меня, идет на компромисс. Ее письма, как и мои, дышат товарищеской откровенностью. Что будет у меня с нею в будущем? Сейчас она мне кажется лучше и цельнее, чем в 1940 году. Да Лида и сама пишет: «Вспоминаю о прошедших проделках вместе с Леной и невольно улыбаюсь». Возраст, время и жизнь, безусловно, очень повлияли на формирование ее характера, мировоззрения, изменили ее в лучшую сторону, уменьшив романтику. Зарабатывает, по ее словам, кучу денег и «складывает в чемодан». Хочу написать ей некоторые рассуждения о нашей будущей жизни. Например, о жизни рядового человека, летчика. Ведь если он женится, а это ему, как всякому человеку, необходимо, то его ожидает неважная перспектива. Предположим, что она у него будет почти с высшим образованием или с высшим. Затем перед ней встает вопрос: жить где-то вдали от мужа, за несколько тысяч километров, или с ним? Она, безусловно, выберет последнее, ибо тогда незачем делать этот шаг. Но в таком случае ей придется расстаться с городом, с работой и со всей своей личной жизнью и уехать в глушь, подобную, например, Красному Куту, где стать обыкновенной командирской женой, увязнуть в мирской суете, опуститься до уровня... женщины-домохозяйки.

И только некоторые могут выкарабкаться из этой затягивающей среды и найти для себя истинно полезную работу. Вот этого-то я и опасаюсь...

Было много мыслей, но сейчас они испарились. Сильно хочется кушать, а обед не готов. Живот приходится подтягивать туже...

Настроение часто бывает плохое... Хочется увидеться и поговорить со старыми друзьями.

19 апреля. Внутреннее положение населения у нас в стране далеко не блестящее... Цены на рынке растут изо дня в день. Пуд муки — 1500 рублей, носки простые—100 рублей, кальсоны — 450 рублей, хромовые сапоги — 4000 рублей. Все это понятно. Ведь промышленность настоящего времени занимается не выпуском ширпотреба и других предметов первой необходимости, а другой более важной продукцией...

Да, время тяжелое, но мы его переживем!

О личном писать почти нечего. Я все ищу: что, как, почему, отчего? Пока что читаю, читаю прямо запоем. Опять это фаустовское стремление — все знать, все испытать!

5

Николай тяжело переживал потерю сестры и брата. В нем кипел гнев: у него был теперь личный счет к фашистским захватчикам, и он не хотел больше ни одного дня оставаться в школе, вдали от фронта. Он рвался испытать себя в бою, показать в настоящем деле мастерство, которым владел достаточно. Но на первый же его рапорт начальник школы ответил отказом.

Заикин был человеком дисциплинированным и добросовестным, с большим чувством ответственности. Он ничего не делал наполовину или спустя рукава, для видимости. По-прежнему терпеливо, настойчиво и взыскательно он обучал курсантов, не жалея ни сил, ни времени. Искренне радовался успехам своих учеников, огорчался их неудачами. Однако во всем этом был лишь один его честный труд, но не было души. Душой он был на фронте, дрался с немцами, мстил за сестру и брата, за страдание близких, за израненную Родину.

Утраты требовали возмещения, и он чувствовал, как с каждым днем все дороже и ближе становится ему Лидия Римлина. Он часто писал ей, она живо и обстоятельно отвечала.

Лидия, самостоятельно продолжая институтский курс, достаточно хорошо освоила технологию литейного производства, и ее назначили цеховым инженером. Война сузила, словно обнесла стеной, круг ее забот и интересов, которые всегда были у нее широкими. Весь мир ее теперь составляли комнатка в общежитии, заводской цех и задушевная подруга Наташа, с которой и работали вместе, и делили все горести и радости. Горе и на долю Лидии выпало немалое: погибли на фронте ее отец и брат. Она не писала об этом Николаю, не хотела бередить его душевных ран. Он оставался для нее по-особому дорогим человеком, которым она жила, что давало ей силы и надежды.

Николай писал ей, что просится на фронт и

что непременно добьется своего, она внутренне холодела от мысли, что может потерять и его, но не отговаривала. Гордость за него, сильного и решительного, подавляла обывательскую, как ей думалось, боязнь остаться одной. Однако в своих письмах она ни разу и не поддержала, не одобрила горячий и естественный порыв его души — не поднялась рука.

В конце июля фронт приблизился к Волге. Для поддержки своих армий, наступавших на Сталинград, фашисты бросили 4-й воздушный флот Рихтгофена, тысячу самолетов, из них 400 истребителей — втрое больше того, чем в то время располагали наши измотанные войска. Вражеские самолеты беспрерывно налетали на волжские переправы от Камышина до Сарепты. Бомбили заволжскую железную дорогу на всем протяжении от Красного Кута до Астрахани, стремясь расстроить, приостановить движение советских войск, спешивших на помощь Сталинграду.

Качинская школа в Красном Куте превратилась в боевой лагерь. Командование получило приказ: не останавливая занятий, выделить несколько групп для прикрытия железнодорожной станции и переправы в Камышине и включить в них новейшие истребители Як-1 и МиГ-3 с наиболее опытными летчиками. Николай Заикин воспользовался случаем и опять подал рапорт. Его просьбу удовлетворили, и он попал в одну из таких групп.

Началась боевая жизнь. Николай привычно и уверенно чувствовал себя в кабине самолета, где все было знакомо до мельчайших винтиков, и машина послушно выполняла его любую волю. У него не было сомнений в том, что в нужную минуту, в момент схватки с врагом, он сумеет распорядиться летными возможностями и боевой мощью своего самолета. И он ждал первого воздушного боя, наполненный лихостью и отвагой. Действительность оказалась совсем иной, чем он ее представлял.

Был первый бой. Потом, когда Николай пришел в себя, он сел за письмо Лидии и писал его, переживая чувство жгучего стыда и издеваясь над собой.

Накал, беспощадность и беэвыборность молниеносной схватки в воздухе ошеломили его. Он был ведомым, и инициатива боя принадлежала не ему. Но в эти мгновения какое-то оцепенение охватило его. Мимо, рядом, пылая и разваливаясь, пронесся к земле сбитый товарищами вражеский самолет, и Николай успел разглядеть лицо немецкого летчика, искаженное ужасом и страхом смерти. И его мозг молнией обожгла мысль, порожденная инстинктом самосохранения: «Ведь и меня так же могут сбить, и я беспомощным факелом полечу на землю. Навстречу своей смерти!»

«Я ничего не видел,— признавался он в письме Лидии,— шарахался от зениток, с трудом отличая свои самолеты от немецких. И впервые в жизни не в кино, не на картине, а рядом увидел горящий самолет. И страх холодной змеей пополз в душу...»

Он благополучно вместе с другими вернулся после того боя на аэродром. Но оказался единственным, не израсходовавшим ни одного патрона из своего боезапаса, потому что в вихре схватки не успел выбрать цель, по которой нужно было стрелять. Он приготовился терпеливо снести укоры и насмешки товарищей, которые вполне заслужил. Но никто и слова не сказал ему, не намекнул даже на его растерянность в бою, будто ничего и не случилось. Товарищи щедро и искренне разделили с ним общую радость первой победы.

Отважный воин не всегда рождается храбрым. И к подвигу идут по-разному. У одних подвиг — отчаянный шаг, у других — осознанная необходимость, самопожертвование. Николая Заикина судьба подвела к подвигу — к его тарану — вторым путем.

Уже в следующей схватке он сражался не хуже

других. Не суетился, не шарахался, а дрался напористо и искусно, как до того сам учил курсантов.

В школу он не вернулся. Его зачислили в 236-й истребительный полк 2-го смешанного авиакорпуса, который охранял небо Сталинграда. Штаб полка располагался в поселке степного колхоза «Новый путь». Летчики жили на постое у колхозников, а техники и команда, обслуживавшая замаскированный в степи аэродром, размещались в землянках.

Наступила осень. Накал боев в Сталинграде достиг апогея. Помогая его защитникам, летчики почти не выходили из яростных схваток, возникающих то над грохочущим городом, то над пылающей Волгой, то над сухой степью. Весь день, с розового рассвета до густых сумерек, был наполнен напряженным трудом. Николай редко обращался к дневникам и все больше стал беспокоиться о судьбе своих записей. А дневников, писем, фотографий у него накопилось столько, что пришлось приобрести для них чемоданчик. Отослать чемоданчик с бумагами в Красноярск или в Коломну не было возможности — полевая почта не принимала подобного рода посылок с фронта. Да и риск был велик: бумаги могли потеряться в пути.

В ноябре прошел слух, что полк собираются перебросить в другое место. Судьбу чемоданчика с дневниками и письмами надо было решать. Но кому доверить его хранение, чтобы взять потом, после войны? Перебирая здешних знакомых, вспомнил о Маше Тарасовой. Она работала в колхозе счетоводом. Была вожаком сельских комсомольцев. Николай познакомился с ней в один из ненастных, нелетных вечеров в клубе. Энергичная, острая на язык, без предрассудков, она понравилась Николаю. Раза два-три он проводил ее из клуба домой. Ей он и решил оставить чемоданчик со своими бесценными бумагами.

Приказ о передислокации поступил неожидан-

но. Поднялись по тревоге ранним морозным утром. Николай отпросился у комэска на полчаса и влетел к Маше, заспанной и встревоженной. Неожиданная просьба ее удивила, но она приняла чемоданчик и поклялась сохранить в целости его содержимое до возвращения Николая, прибавив, что будет ждать его непременно.

8-я воздушная армия, в состав которой входил и 236-й истребительный полк, на исходе 1942 года была переброшена в район Котельниково с приказом поддержать советские войска, громившие немецкую группу «Гот». Несколько дней в воздухе и на земле шли ожесточенные бои. К новому, 1943 году упорство противника было сломлено, и фронт покатился на запад.

К этому времени на счету у Николая Заикина было уже семь сбитых вражеских самолетов. А 8 января он уничтожил два «юнкерса», заплатив за успех лишь погнутыми лопастями своего «ястребка». Командир корпуса лично прикрепил к его аккуратно выглаженной по этому случаю гимнастерке орден Отечественной войны I степени. Слава лейтенанта Николая Заикина загремела по всему фронту.

Произошли крутые перемены и у Лидии.

Еще осенью, в самый разгар боев под Сталинградом, у нее созрело решение идти на фронт, отомстить за отца и брата, помочь Родине в трудный час — ведь она же почти летчица. Она посоветовалась с Наташей, и та горячо поддержала:

— Правильно. Пойдем на летные курсы — я тоже, и вместе потом махнем на фронт. Женщин-летчиц вон сколько воюет.

Николай Лидиного намерения не одобрил: долю женщины-летчицы на фронте он считал самой тяжкой и опасной.

Все же Лидия с Наташей настояли на своем, и заводское начальство отпустило их в летное училище. На это сообщение Лидии Николай отозвался сердечным наставлением: «Если рубикон перейден и ты уже оказалась в авиации, будь та-

кой, какой я тебя знаю. Испытания будут нелегкими, но ты выдержишь их и останешься прежней...»

Так они опять оказались в одной стихии, которая была их судьбой.

6

22.1.43 г. **Лидии Римлиной, в Красноярск**

Я вот уже 5-й день в Куйбышеве. Понимаешь, в Куйбышеве! Я и еще два товарища — делегаты авиационного соединения, где командиром Герой Советского Союза генерал-майор Еременко.

Проводим на заводах массовые митинги. А по вечерам — оперы, оперетты, драмы, кино. Командир полка, посылая меня, сказал: «Заикин, поедешь, используй время, отдохни, как следует!»

Можно сказать с уверенностью, что нас знают в городе почти все — делегатов-летчиков Сталинградского фронта. Эта фраза оказывает магическое действие, перед нами сразу открываются широко и гостеприимно двери кино, театров и т. д. Скоро в обратный путь, на 26-е назначен отлет. Опять туда, в занесенные снегом Сальские степи, опять туда, где слышен гул канонады, где меня ждут боевые друзья.

Ты знаешь, Лидочка, я стал заправским оратором, без конспекта «дую» около часа!

Многое я, Лидочка, передумал за эти последние два месяца. Небольшой томик стихов К. Симонова всегда у меня в кармане. Вот, думаем, как нужно жить? В наше время живут по-разному.

Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали милой,
Другую, ту, что далеко,
Им торопливо заменила...
Я не сужу их, так и знай.
На час, позволенный войною,
Необходим нехитрый рай
Для тех, кто послабей душою.

Это, Лидочка, один путь... Тут говорится, что этот путь для тех, кто послабей душою. Но не нужно забывать, что:

А им, которым в бой пора
И до любви дожить едва ли...

Вот тут-то и вся загвоздка. От этой последней фразы у многих слабеет душа. Как быть? Есть другой путь. Вот он:

Как раз от горя, от того,
Что вряд ли вновь тебя увижу,
В разлуке сердца своего
Я слабодушьем не унижу.
Случайной лаской не согрет,

До смерти не простясь с тобою,
Я милых губ печальный след
Навек оставлю за собою.

Я уже заранее знаю, что тебе более приемлем вот этот, второй вариант. Ведь правда? И ты, Лидочка, веришь, что и я живу такими же принципами.

Да так оно и есть. Но знаешь, иной раз так обидно бывает... до слез. Вот, например, мне понравилась простая, хорошая девушка. Я за ней ухаживал. Но... от последнего шага оберегает дружба юности, я думаю о будущем этой девушки, мне жаль ее скомпрометировать в глазах общества. Потом я уеду, и вряд ли мне до любви дожить! А тут появится какой-нибудь фрукт. Какая-нибудь тыловая крыса, какой-нибудь подлец и... то, о чем я так много думал, произойдет очень быстро и легко!

Вот мне скоро опять на фронт, где и мысли не будет о девушке. Думаю, что ты, Лидочка, меня понимаешь.

Между прочим, я, как уже писал, очень увлекаюсь фронтовой лирикой. Ты, вероятно, знаешь эту замечательную вещь «Жди меня».

...Ожиданием своим ты спасла меня!

Лидочка, то, о чем я сейчас напишу, будет звучать, возможно, очень странно, но ты отнесись к этим фразам серьезно. Знаешь, если полюбишь когда-нибудь кого-нибудь, то, прошу тебя, пусть он будет смелый человек, который не прячется за спину товарищей во время опасности, а честно смотрит ей в глаза. Если же произойдет обратное, то мне будет очень больно и обидно. Одним словом, чтобы он был вполне достоин тебя.

Лидочка, в мою память врезались строки Симонова:

Мне хочется назвать тебя женой
За то, что бесконечны дни разлуки,
Что слишком многим, кто сейчас со мной,
Должны глаза закрыть чужие руки.
За то, что ты правдивою была,
Любить мне не давала обещанья.
И в первый раз, что любишь, — солгала
В последний час солдатского прощанья.
Кем стала ты? Моей или чужой?
Отсюда сердцем мне не дотянуться...
Прости, что я зову тебя женой
По праву тех, кто может не вернуться.

Я, Лидочка, имею это право, право не вернуться...

Лирическое письмо кончаю. Сейчас буду думать о том, как достать билет в оперу «Вильгельм Телль».

С приветом, дорогая. Твой Коля.

Николай вернулся в полк, к боевым и тревожным будням. Но мысленно он не расставался с Лидией, все чаще вглядывался в ее фотографию,

и сердце обволакивалось сладкой, щемящей болью. На него спокойно глядела ясноглазая девушка. В ней было все бесконечно дорого ему: темные, волнистые, собранные на затылке и падающие на плечи волосы, длинные и тонкие вразлет брови, прямой, будто выточенный, нос, сомкнутые и затаившие чуть приметную улыбку губы. В простеньком цветастом платье она сидела, чуть подавшись вперед, словно приготовилась подняться ему навстречу.

Долго и мучительно вызревавшее признание никак не могло освободиться от пут сомнений. Чего проще: предложить стать женой! Но ведь речь-то шла о союзе на всю жизнь! Они жаждали и искали такого слияния, чтобы потом никогда не разочароваться друг в друге...

10.2.43 г. **В Красноярск**

Знаешь что, Лидочка, давай кончим эти вечные поиски чего-то! Ты сама прекрасно знаешь! Все земное, все окружающее нас имеет свой конец, а вот у нас с тобой до конца так и не сказано. Почему? Всему виною то расстояние от Ростова до Красноярска — оно, и только оно, запрещает нам произнести последние решительные слова. Ты, как и я, боишься ошибиться, боишься, что я окажусь не тем, каким ты меня представляешь, а поэтому ты так часто уверяешь меня и себя в том, что знаешь меня достаточно хорошо и поэтому не можешь ошибиться!

Безусловно, ужасно и неприятно ошибиться в человеке, которого считаешь почти своим идеалом. Но будем надеяться, что ни ты, ни я не ошибемся. Мы, Лида, должны быть такими, какими представляемся друг другу. Бывает, я начинаю сомневаться: а подойдем ли мы? Не ошибаюсь ли я? Но вспомню прошлое, приплюсую настоящую трезвую действительность и думаю: если ты и изменилась, то только в положительную сторону. Я тебя вовсе не хотел бы видеть такой, какой видел одну девушку в Куйбышеве, а общие черты, по-моему, у нее и у Лиды 1940 года есть! Я когда смотрел на нее, то думал о тебе, говоря с нею, вспоминал тебя, твой разговор, образ мыслей и, понимаешь, было что-то единое, типичное, даже движения и мимика схожи! Но, повторяю, я не создавал из тебя идеала, я хочу только встретить в моей Лиде настоящего друга, женщину-товарища, в меру веселого, в меру (когда нужно) серьезного, способного разделить горе и радости нашей короткой, но бурной жизни! От тебя, Лидочка, потребуется многое для того, чтобы стать настоящим другом настоящего летчика-истребителя! Это не так просто, как ты думаешь. Очень хорошо об этом сказала жена Чкалова

одной девушке, собирающейся выйти замуж за летчика!..

Мы что-то за последнее время стали учить друг друга. Я на тебя, Лидочка, не обижаюсь. У тебя живой, быстро схватывающий ум, но... непостоянны иногда твои мысли, а поэтому и поступки!

Ты, конечно, права, поговорить нам нужно, и очень о многом! Ведь за два с лишним года у нас накопилось всего столько!

А жизнь так хороша, и так плохо приходится проживать ее. Но ничего, все впереди, все принадлежит будущему, и мы будем стараться, чтобы в этом будущем было и нам отведено определенное место. Мы уже завоевали его как защитники Сталинграда, завоюем в будущем как воины наступающей Красной Армии.

Лидочка, твоя песенка всем ребятам очень понравилась! Живем по-прежнему дружно. С каждым днем увеличиваем свой боевой и жизненный опыт. А поучиться на фронте есть чему. Здесь каждый день равен неделям, месяцам тыловой жизни.

С приветом, дорогая. Твой Коля.

7

Это было последнее письмо от Николая Заикина. Лидия тотчас ответила на него, пылко и серьезно: уверяла, что она будет верно и терпеливо ждать его с войны.

Она посылала ему письмо, как они условились, каждые десять дней. Но все ее письма вернулись непрочитанными, с пометкой «адресат выбыл». Лидия не верила, надеялась, что произошла какая-то путаница, и продолжала писать на фронт, но Николай не отозвался. На ее отчаянный запрос из полка ответили: «Не вернулся из боевого полета 19 февраля 1943 года».

Утрата человека самого дорогого и близкого, с которым были связаны надежды на будущее счастье, подкосила ее. Спасибо Наташе, верной и доброй подружке, которая не оставляла ее наедине с горем.

Но скоро и им пришлось расстаться. После окончания летных курсов подруг разлучили. На фронт их не послали: Наташу направили служить на Дальний Восток, а Лидию пока оставили в на старом месте. На вокзале Наташа утешала подругу:

— Уж ты не убивайся тут, Лидуська! Может, жив Коля, может, еще объявится. А нет — вот клянусь тебе, найду летчика, который с Николаем служил и знает, что с ним случилось. Не отступлюсь! И напишу тебе.

Приехав на место, Наташа энергично принялась за розыски. Искала она своеобразно и, как ей казалось, самым верным способом: каждого встречного летчика спрашивала: «С какого фронта?» Долгими часами после работы пропадала на станции — встречала поезда с ранеными. И если поезд прибывал из-под Сталинграда, обходила вагон за вагоном, искала летчиков, однополчан Николая Заикина. Со Сталинградского фронта попадались часто, находились и авиаторы, но никто Заикина не знал. Однако неудачи не останавливали Наташу, она не теряла надежды.

Она уже знала, когда приходят санитарные поезда. Однажды встретила такой, прибывший из-под Ростова. Пробежала по вагонам, но опять безрезультатно. Уже дали сигнал отправления. И вдруг она увидела, как в один из вагонов поднялся летчик с забинтованной головой. Наташа, ахнув, кинулась вслед за ним. Поезд тронулся, но она не обратила на это внимания. Отыскала летчика и подступила к нему с вопросами.

Летчику, видно, не здоровилось, и он хмуро ответил любопытной незнакомке, что знал Николая Заикина, служили вместе.

Наташу не удержали ноги, и она опустилась на чью-то постель, пахнущую йодом.

— А тебе-то зачем? Ты кто ему, Заикину? — спросил в свою очередь летчик.

После того, как Наташа, сбиваясь, сообщила, зачем она ищет Николая Заикина, лицо летчика подобрело, он понимающе закивал и сел рядом.

— Да, хороший был парень, — вздохнул он. — Дружили мы...

Поезд набирал скорость, а Наташа, забыв обо всем на свете, глотая слезы, слушала рассказ незнакомого летчика о своем бесстрашном друге.

В то морозное и светлое февральское утро Николай Заикин вылетел на патрулирование вдвоем с ведомым. Спустя некоторое время слева, со стороны ослепительно сияющего солнца, показались вражеские «мессершмитты». Девять — целая эскадрилья! Можно было отвернуть в сторону и вызвать подмогу. Другой и отвернул бы, не ринулся на верную погибель. Ведь и немцы умели лихо биться в небе, и нервы у них были не пеньковые, и дерзости хватало, особенно, когда видели свое превосходство. Но Заикин, не раздумывая, сделал боевой разворот. Он стремительно взмыл вверх и с высоты набросился на врага. Прошитый насквозь головной немецкий истребитель задымил и косо ввинтился в землю. Остальные, почуяв в Николае опасного противника, сначала рассыпались, а потом набросились на него со всех сторон. Он не успел вывести свой «ястребок» из-под яростного перекрестного обстрела. Его самолет загорелся. Но он продолжал драться и успел сбить еще одного «мессершмитта». И тут его охваченный пламенем самолет потерял управление и стал падать. Не долетев до земли, он взорвался и рассыпался...

Наташа очнулась, когда поезд простучал по последним пролетам моста через Зею.

Она заметалась, бросилась к выходу и успела соскочить на маленьком полустанке, а потом... всю жизнь жалела и корила себя, что впопыхах не успела спросить имени и адреса того раненого летчика...

8

Как же сложилась судьба записей Николая Заикина? Чемоданчик с бумагами летчика хранился в неприкосновенности немногим более года. Брошенный среди прочего домашнего хлама, он оказался доступным каждому любопытному. Вначале дневниками поинтересовался Машин брат, собиравшийся в армию. Потом их листали его друзья и Машины подружки, читали письма,

которые Заикин так берег от посторонних глаз, разглядывали фотографии. Чемоданчик понадобился, и извлеченные из него записи превратились в кипу никому не нужных бумаг.

Две или три дневниковых тетради, самые последние и самые интересные с точки зрения Машиных гостей, а также конверт с фотографиями, еще валялись где-то на этажерке. А остальные постепенно пошли на раскурку, на обертку, на растопку. Занятая своими заботами, Маша вовсе забыла о данном летчику обещании. А забот у нее было много. Она окончила педагогический техникум и вскоре после войны стала работать учительницей в сельской школе.

Короткое и давнее знакомство с Николаем Заикиным не оставило в ее душе никакого следа, и она совершенно искренне не считала себя чем-нибудь обязанной ему, в долгу перед ним.

И вдруг, вскоре после войны, она получила письмо, напомнившее о Заикине. Писала из Тюмени Лидия Римлина. Она справлялась о судьбе оставленных ее другом Николаем Заикиным на хранение ей, Маше Тарасовой, дневников, писем и фотографий, сообщала, что их хозяин погиб на войне, и просила выслать ей, Лидии Римлиной, его бумаги. Так еще при жизни, писала она, распорядился сам Николай Заикин и поэтому сообщил ей адрес и имя девушки из заволжского села, у которой он оставил свои бумаги.

Письмо Лидии Римлиной повергло Машу в смятение и даже в негодование. Вот, оказывается, как! Нашлась наследница бумаг, которых уже давно нет. А где она была до сих пор? Да и кто она такая, кем приходилась тому летчику? Однако память напомнила Марии Максимовне имя Лидии Римлиной. Среди писем, которые бережно хранил Заикин, она встречала и письма от Римлиной.

Но так как писем давно уже не было и тетрадей оставалось две-три, искать другие Мария Максимовна не стала и ни на это, ни на другие письма не ответила.

Испытывала ли она угрызения совести в то время? Трудно сказать. Совесть заговорила в ней много лет спустя, когда она поняла, что мера ее нравственной вины выходит за рамки личных отношений двух человек, как ей это раньше представлялось. Бумаги Заикина были маленькой страничкой истории Отечественной войны...

Года через три после войны семья Тарасовых переехала в другой район, в противоположный конец области. В ворохе школьных книг Мария Максимовна перевезла на новое место и дневниковые тетради Николая Заикина. Теперь уже она и сама не знала, сколько их осталось: одна, две...

Мария Максимовна продолжала работать в школе, вышла замуж, родились дети. Один за другим отсчитывались годы: пять, десять, пятнадцать. Налаженно текла жизнь...

9

Лидия Римлина, став летчицей, на фронт, однако, не попала. Ее послали в пожарную авиацию. На маленьком и верном Ан-2 она патрулировала над бескрайней сибирской тайгой. А когда случались лесные пожары, неслась к месту бедствия, как на фронте, с десантом на борту. Работа была ответственной, по-своему интересной, наполненной и радостями и тревогами. В 1957 году Лидия успешно освоила вертолет Ми-1, появившийся в лесном хозяйстве.

Обзавелась семьей, и свободного времени оставалось так мало. Но она не забыла Николая Заикина. Ее не покидала мысль о его дневниках, письмах, фотографиях, оставленных им где-то, завещанных ей и так до сих пор не отысканных.

Поиски требовали и времени, и усилий, а она пока не могла выкроить для этого и дня. Так и жила в щемящем душевном беспокойстве до 1962 года, когда, распростившись, наконец, с летной службой, получила неплохую диспетчерскую должность на земле. Появилось время оглянуть-

ся на прошлое, и в ее памяти с новой силой ожил образ Николая Заикина. Подчиняясь долгу памяти, Лидия Ивановна села за стол, чтобы составить первый запрос. Но кому адресовать его? Эльтонского района в Волгоградской области уже не было — он стал частью Палласовского района. Маша Тарасова давно и неизвестно куда выбыла. И Лидия Ивановна решила послать свой запрос в Палласовский Дом пионеров.

«Дорогие ребята! — писала она.— Обращаюсь к вам и надеюсь, что вы мне поможете.

Необходимо наити записи, дневники и письма летчика-истребителя Заикина Николая Михайловича, которые были оставлены им в Эльтонском районе более 20 лет назад.

Это было в 1942 году осенью. Страшное было тогда время. Фашисты подходили к самой Волге. Наши доблестные воины храбро защищали свою Родину. Тогда и летчик Заикин Николай отправился на защиту Сталинграда. По дороге к фронту Николай оставил в Эльтонском районе у молодой тогда девушки Маши Тарасовой свои записи, дневники, письма — все, что было дорого ему.

Вот я и прошу вас, дорогие ребята, найти эту женщину. Ей, очевидно, теперь уже около 40 лет. Возможно, это одна из ваших мам. Кто знает, может быть, бывшая Маша оказалась добросовестной и верной памяти человека, шедшего на великое дело. Надо учесть, что, выйдя замуж, она могла изменить свою фамилию.

А летчик-истребитель Заикин Николай геройски воевал. Он совершил подвиг в воздушном бою. Когда у него кончились боеприпасы, он таранил фашистский самолет. Немало он сбил немецких самолетов. Дрался в воздухе он всегда умело и бесстрашно. О нем в то время писали в газетах и говорили по радио. Пройдя короткий, но славный путь от Сталинграда до Ростова, он погиб как герой в неравном воздушном бою в 1943 году.

Надо непременно найти записи в память о необыкновенном человеке и летчике Николае

Заикине, который отдал свою молодую жизнь за нас всех.

Желаю успеха. Бывшая летчик-наблюдатель 1-го класса

Римлина.»

Письмо в Палласовке получили. Его читали все члены кружка красных следопытов, которыми руководила молодая учительница Людмила Петровна Родионова. Судьба бумаг летчика-героя Николая Заикина взволновала пионеров, и они решили разыскать их во что бы то ни стало.

Письмо Л. И. Римлиной под заголовком «Нужно найти его записи» появилось 15 апреля 1964 года в районной газете «Рассвет». Вскоре со всех концов района, и даже из других мест, в Дом пионеров стали приходить отклики. Назывались имена, указывались адреса предполагаемой Маши Тарасовой. Неутомимые и энергичные искатели — пионерки Валя Неженцева, Люда Гончарова, Вера Гермаш писали и писали запросы, звонили по телефону, бегали по палласовским адресам, привлекли к розыскам следопытов других школ района. Неудачи не обескураживали, а наоборот, прибавляли упорства. Вот пришел адрес еще одной «Маши Тарасовой». Опять всем кружком сели писать письмо крупным, аккуратным ученическим почерком.

«Уважаемая Мария Максимовна!

Мы обращаемся к Вам с просьбой. К нам в Дом пионеров пришло письмо от бывшей летчицы Римлиной. Она просит нас помочь найти дневники, записи и письма летчика Николая Заикина. Если Вы являетесь той Машей, о которой говорится в письме Римлиной, и у Вас сохранились его дневники, записи и письма, очень просим Вас сообщить. Если же Вы не та Маша Тарасова, то, может быть, знаете или знали ее.

Наш адрес: Волгоградская область, ст. Палласовка, Дом пионеров.»

Написали и с нетерпением стали ждать ответа. И вдруг в конце апреля почтальон принесла в Дом пионеров небольшую бандероль. Ребята

бережно вскрыли ее и извлекли старую, потрепанную общую тетрадь, на обложке которой стоял номер 31-й, и с нею около десятка пожелтевших фотографий. Тетрадь оказалась дневником летчика Николая Заикина.

Бережно упаковав фотографии и дневник в новую бандероль, пионеры отослали ее Лидии Ивановне Римлиной. И конечно, приятно им было читать прилетевшее вскоре от нее письмо.

Событие это было настолько важным и интересным, что о нем сообщила областная газета «Волгоградская правда».

Но этим дело не кончилось. В Палласовский Дом пионеров пришла официальная бумага из Волгоградского государственного музея обороны:

«Уважаемый товарищ директор!

В газете «Волгоградская правда» от 10 мая 1964 года была напечатана корреспонденция В. Владимирова «Тетрадь в пожелтевшей обложке», в которой рассказывается о летчике-истребителе Николае Михайловиче Заикине. Просим сообщить, где сейчас находится тетрадь, о которой идет речь в корреспонденции, и не можете ли выслать нам фотографию Заикина и другие материалы о нем».

Из Палласовки ответили, что все выслали той, которая разыскивала бумаги Н. М. Заикина.

Заключает эту историю письмо из музея:

«Уважаемая Лидия Ивановна!

Ваше письмо и фотокарточку летчика Заикина Н. М. мы получили. Большое спасибо за внимание к музею и за сведения о Заикине.

Не откажите в любезности выслать дневник, письма и вырезки из газет музею в постоянное пользование...»

В феврале 1965 года хранительница фондов музея Раиса Евдокимовна Галькова приняла на вечное хранение дневник летчика Николая Заикина и его письмо к Лидии Римлиной, отправленное из Куйбышева. Строки, написанные когда-то для двоих, стали историческими документами.

6 Заказ № 206

ПРЕЗРЕВ СМЕРТЬ

Мать, Анна Васильевна Семенова, — о сыне Викторе Тууле

Виктор родился в Москве в 1924 году.

С восьми лет пошел в школу имени Дзержинского, в которой закончил 9-й класс, 10-й проходил в эвакуации, в г. Оренбурге.

Сын рос послушным, живым.

С четырех лет начал увлекаться лыжами и коньками, потом, в школе, был хоккеистом, футболистом, страстным рыболовом и охотником.

Плохих отметок не имел.

Среди сверстников пользовался авторитетом за справедливость и принципиальность. Его не раз избирали старостой класса.

Любимыми предметами сына были география и анатомия. Он страстно любил природу.

Не закончив 10-й класс, в марте 1942 года добился зачисления в Краснохолмское пехотное училище. После прохождения краткого курса получил направление в действующую армию, под Сталинград.

18.6.42 г. **Матери, в Москву**

Здравствуйте, дорогие мама и дядя Вася!

Вчера вечером, придя с занятий, неожиданно получил посылку с книгами. Набор книг удачный. Все они очень ценные и мне необходимые.

Хочу вам сообщить, что, вероятно, через месяц-полтора сдам государственные выпускные экзамены, и на этом мое обучение окончится. Стану средним командиром Красной Армии. После выпуска часть из нас будет направлена в тыловые войска для обучения бойцов, а часть поедет на фронт. Я горю желанием попасть во вторую группу, т. к. ненависти к фашистским извергам накопилось много.

До свидания. **Витя.**

Из армейской газеты «Патриот Родины»

Лейтенант Тууль

Посвящается
отважному герою

Шли бои.
В это утро
Стремительной, смелой
атакой
Полк отбросил врага
С занимаемых им рубежей.
Потерпевший урон,
Бесновался противник,
однако
И на наши окопы
Обрушил огонь батарей.
Полк ответил огнем.
В несмолкаемом реве и гуле
Мины вздыбили степь.
Горизонт заволакивал дым.
На участке траншей
Пулеметного взвода Тууля
Три немецких снаряда
Взорвались один за другим.
Пораженный осколком,
Склонился наводчик
Сулимов.
И схватился за сердце
Ефрейтор Джузбеков
Давлет,
Прошептав, умирая,
Чтоб письма невесты
любимой
Отослали обратно,
Как теплый прощальный
привет.
Замолчал пулемет,
В небо порванный кожух
уставя.
Из окопа звучал
Пулеметчика Лесика стон.
И нигде не прочтешь,
Ни в каком не узнаешь
уставе,
Как тут быть командиру
И как отплатить за урон.
На лице лейтенанта
Легла непреклонность
солдата,
Молодые глаза
Вдохновенным сверкали
огнем.
У погибших бойцов
Отцепил он ручные гранаты,
Переполз через бруствер
И в дымке исчез за бугром.
Неприятельский дзот
На откосе виднелся
за логом.
Из бойницы свирепо
Рычал на восток пулемет.
По оврагу Тууль
Подобрался к звериной
берлоге
И, охваченный яростью,
Бросил гранату в пролет.
В черных клубах взметнуло
Над грунтом обломки
и клочья.
Из зловонных отдушин
Пронзительный вырвался
вой.
А герой лейтенант
Полз на новые логова
волчьи
И кидал в амбразуры
Гранаты одну за другой.
В исступлении злобном
Обрушился враг на героя,
Все неистовей в воздухе
Визг неприятельских пуль.
Обожгло у виска.
Не взмахнешь перебитой
рукою,
И, роняя гранату,
Упал, обессилев, Тууль.
И враги по ложбине,
По стылой траве, по бурьяну
Подползли к лейтенанту
Из дзотов, из щелей и ям.
И напали, рыча.
И терзали открытые раны.
Рвали волосы, били,

Стараясь попасть по глазам.
В небе шел самолет.
Нарастала вдали канонада.
Доносился с востока
Большого сражения гул.
Наш советский боец
По галдящему скопищу
гадов
С недалеких высот
Пулеметной струей
полоснул.
Бросив жертву свою,
Заметались фашисты
по скату,
Разбежались по норам,
Попрятались вниз,
под откос.
Лейтенант шевельнулся,
Нащупал в бурьяне гранату,
Кинул в сторону немцев
И к нашим траншеям
пополз.
В нависавшем тумане
Холодные дали тонули,
Опушенные инеем,
Стыли в степи ковыли.

У окопов в ложбине
Бойцы подобрали Тууля
И заботливо, бережно
В теплый блиндаж
принесли.
И стояли вокруг,
Возмущеньем и горем
объяты.
По щекам у комроты
Большая катилась слеза.
— Отомстите за Родину...
Бейтесь достойно, ребята,—
Прошептал лейтенант
И затих, закрывая глаза...
Полк сегодня не спал,
К наступленью ночному
готовясь.
Для смертельного боя
Бойцы примыкали штыки.
О бесстрашном Тууле
Шептали прекрасную
повесть
У высокого берега
Волны великой реки.

Майор **А. Валежнин**

Из наградного листа

Лейтенант Тууль Виктор Александрович в ночь на 27 октября 1942 года со своим пулеметным взводом поддерживал огнем продвижение третьей стрелковой роты. Когда огнем вражеских минометов были выведены из строя пулеметы и расчеты, Тууль, собрав двадцать гранат, подполз к фашистским блиндажам, связками гранат забросал пять блиндажей и истребил тридцать пять гитлеровцев. Был ранен сам в руку и голову.

Истекая кровью, Тууль продолжал уничтожать врага и, когда выбился из сил, был схвачен фашистами и подвергнут издевательствам: они вырывали волосы, прыгали ему на грудь и живот, били ногами.

Неожиданно для фашистов один взвод

третьей стрелковой роты открыл по ним огонь, и немцы разбежались. Раненный и истерзанный фашистами Тууль подобрал лежавшую вблизи гранату, бросил ее в блиндаж, и еще четыре фашистских бандита были уничтожены.

Тов. Тууль собрал последние силы и отполз от фашистских блиндажей к нашим подразделениям, где был подобран и направлен в медсанбат.

Достоин награждения орденом Ленина.

Командующий 66-й армией
генерал-майор А. Жадов.
Член Военного совета
полковой комиссар А. Кривулин.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР в сорок третьем году лейтенант Тууль Виктор Александрович посмертно награжден орденом Ленина.

24.1.43 г. **Семеновой А. В.**

27 октября скончался ваш сын. Я присутствовала при его смерти и могу описать последние минуты жизни вашего Вити.

Поступил он к нам вечером 27 октября без сознания, очень бледный. Раненых было немного, и мы с сестрой Наташей Павленко просидели около Вити целую ночь, приводя его в чувство. При этом присутствовал хирург Поплавский Казимир Казимирович...

Мы с Наташей одели его двумя одеялами, обложили грелками, приготовили ему сладкий горячий чай, и я все время ложечкой поила его чаем. Часа через полтора Витя открыл глаза. Сказал нам, как его зовут, что он из Москвы.

Он говорил очень тихо, медленно. Рассказал, что у него было какое-то особое задание, и он с товарищами пробрался к немцам. Все, что надо, он сделал, и они собрались идти обратно. В эту минуту все и случилось. Что именно, он не сказал, а закрыл глаза и тяжело-тяжело вздохнул.

К ночи ему стало хуже, а под утро он скончался.

Метрах в 150 от нашего медпункта мы его похоронили.

Врач Лидия Ивановна Комарова.

Наш медпункт находился в глубоком овраге, а похоронили мы его на скате.

СЕМЬЯ МИТЯЕВЫХ

I

Первым из Митяевых на фронт ушел средний брат Алексей — вернее, не на фронт, а на учебные сборы — еще в мае 1941-го. Работал он в то время прорабом на строительстве элеватора. Ушел весело и беспечно, как в отпуск.

Война застала Алексея в Белоруссии. Там он и погиб перед новым, 1942 годом. Но об этом узнали уже после войны.

На второй день войны повестки принесли старшему брату Михаилу Сергеевичу и Любови Сергеевне, младшей из двух сестер Митяевых. Но им на фронте повоевать не довелось.

Михаил, в юности случайно повредивший глаз, не годился к строевой службе и прежде в армии не служил. После средней школы он окончил в Московском институте физкультуры Высшую школу тренеров по легкой атлетике и много лет перед войной заведовал учебно-спортивным делом в обществе «Локомотив». Его направили в один из сталинградских госпиталей инструктором по лечебной физкультуре. Спустя три месяца Михаила Сергеевича перевели в Казань, в запасную стрелковую бригаду, где обучали лыжников-десантников. Тоже на инструкторскую должность. Лыжников готовили круглый год: зимой солдаты учились бегать на лыжах по заснеженным окрестностям города, а летом — на лыжедроме, по хвойному настилу. В 1942 году бригаду расформировали, а инструкторов распределили по военным училищам преподавателями

физической подготовки. Михаил Сергеевич попал в Ленинградское военно-инженерное училище, которое временно находилось в Костроме. Потом училище вернулось в Ленинград. Там и встретил Михаил Сергеевич день Победы.

Любовь Сергеевна, врач по образованию, возглавляла в канун войны женско-детскую консультацию в поселке завода «Баррикады». У нее было двое малышей, и ее тоже оставили в Сталинграде, врачом-ординатором в госпитале. Спустя три месяца призвали ее мужа Ивана Акимовича Хахалина, работника облоно. Его назначили военкомом в саперный батальон. С ним он и уехал на фронт.

И хотя Любовь Сергеевна сама носила капитанские «шпалы» в петлицах, не миновала ее доля солдатки. И как другие, она с нетерпением и затаенной тревогой ждала письма от мужа с фронта.

2

16.3.42 г. **Любови Сергеевне Митяевой, в Сталинград**

Здравствуйте, мои родные!

Письмо это пишу из села Дедовка Воронежской области, в 15 километрах от станицы Казанской, что на Дону. До Казанской добрались благополучно, чувствую себя хорошо. На днях выезжаем дальше на запад, к Харькову. Этому мы рады, потому что движемся вперед.

Сильно беспокоюсь о вас, как вы там живете?

Дочурка Ниночка, ты не обижай маму, люби Колю, своего младшего братика. Он у тебя один, вырастет большой, будет за тебя заступаться и в обиду не даст.

А тебя, Люба, прошу: уделяй побольше времени детям, будь с ними поласковее. На мою же долю выпала почетная миссия защищать Родину, свою семью, всех советских людей. За это ничего не жаль, даже своей жизни. Так мы думаем все.

Привет от меня нашим близким, матери, Боре, Феде. Адреса у меня пока нет, как узнаю — сообщу.

Ваш Иван Хахалин.

23.4.42 г.

Я жив и здоров. Нахожусь в действующей армии. Попрежнему выполняем боевую задачу.

Живем мы хорошо. Здесь, на Украине, нас принимают как своих близких и родных.

Поздравляю вас с весной, с праздником 1 Мая.

Теперь у меня появился адрес: 1955-я полевая почта, 1519-й батальон, штаб — мне.

8.5.42 г.

Получил письмо, которое ты, Любаша, писала мне в госпитале, во время дежурства. Бранишь ты меня напрасно: я часто пишу вам, хотя времени у меня свободного мало. Нахожусь я все время в одной части. Воюем.

Привет родным и друзьям.

...Жила Любовь Сергеевна на Баррикадах, занимала комнатку в женской консультации. Переехали они с мужем в Сталинград за год до войны и доброй квартиры получить не успели. А до того вели полукочевую жизнь: муж, старый партиец, работал в политотделах МТС, заместителем директора по политчасти, а она заведовала сельским врачебным участком то в одном районе, то в другом, следуя за мужем. Затем Ивана Акимовича вызвали в областной центр на работу в облоно. Так они оказались в Сталинграде, где жила вся семья Митяевых.

Работа в госпитале требовала немалого напряжения, и к вечеру Любовь Сергеевна буквально валилась с ног. Правда, помещался госпиталь неподалеку, в 31-й школе, на углу Арбатской и проспекта Стахановцев. Выматывали и ежедневные поездки в центр города. Некуда было пристроить малышей, и Любовь Сергеевна по утрам отвозила их к матери на Гоголевскую, а вечером привозила домой. Прижимая к груди годовалого Коленьку и держа за руку шестилетнюю Ниночку, с трудом втискивалась в переполненный трамвай.

В госпитале Любовь Сергеевна вела две палаты, более тридцати человек. Утро начиналось обходом. Потом занималась перевязками, процедурами, описанием ран и назначений. Часто приходилось все бросать и принимать новых раненых, поступивших из сортировочного госпиталя. Раз в неделю доставались круглосуточные дежурства.

И все же в этой, казалось бы беспросветной кутерьме забот и хлопот, нередко выпадал светлый и радостный час. Приходило письмо от мужа — радость. Удавалось вырвать у смерти жизнь солдата — вдвойне. И отрадно было слышать скупые и сердечные слова признательности. Однажды, в июне 1942-го, такая благодарность пришла из Грузии.

Добрый день, дорогая Любовь Сергеевна! Большое спасибо вам, что приняли меня, как в родном доме. Помните, как я лечился у вас и был переводчиком?

Выехал я из Сталинграда 18 апреля с. г. и попал в госпиталь в Армении. Тут была комиссия, и меня по ранению отпустили домой на полгода. Сейчас я дома, живу хорошо. Часто вспоминаю всех вас. Передайте от меня привет хирургу Ксении Павловне. И политруку, который заметил меня и обеспечивал для бесед с земляками политическими материалами.

Илья Самсония.

Прочитав это письмо, Любовь Сергеевна живо припомнила автора, подвижного и чудаковатого молодого грузина, ее активного добровольного помощника. Он прибыл с группой солдат-грузин, раненных в боях под Керчью. Его сородичи плохо изъяснялись по-русски, и Илья взял на себя роль переводчика. Он был общительным и любознательным. Политрук госпиталя Исаев обратил на него внимание и поручил проводить политинформации среди земляков. Все поручения Илья выполнял охотно и добросовестно, хотя получалось у него не всегда складно. И его неудачи были предметом дружеских шуток палатных остряков. Но Илья никогда ни на кого не обижался и часто сам посмеивался над собой.

Так один за другим бежали месяцы. Любовь Сергеевна постепенно втянулась в суматошную госпитальную работу. Определился известный порядок и ритм, и она обрела душевное равновесие. И вдруг обрушился неожиданный удар. Нелепый несчастный случай оборвал жизнь шес-

тилетней дочурки. Несколько дней Любовь Сергеевна была не в себе. Сослуживцы поддержали, разделили ее горе, в письмах, как мог, утешал муж. Не успела она пережить свою потерю, как война подкатилась к окраинам Сталинграда. Горе вошло почти в каждый дом сталинградцев. И словно бы притупилось, отодвинулось ее собственное.

3

В первую очередь из Сталинграда были эвакуированы больницы и госпитали. Госпиталь № 4422, в котором, став заправским хирургом, служила Любовь Сергеевна, временно перевели в большое заволжское село Харабали, близ Астрахани. Любовь Сергеевна звала с собою и мать: легче было бы с ней, домовничала бы, присматривала за мальчиком. Но Феодора Поликарповна решительно отказалась:

— Не поеду в скитания на старости лет. Все говорят, что Сталинград немцам не отдадут. Не пустят злодеев в город. И нечего нам, старикам, от своих очагов бежать. Да и сыновья, Сергей с Борисом, рядом воюют. Федор иногда забегает. Бог даст, переживу лихолетье дома. А твое дело — служба. Нынче — тут, завтра — там. Поезжай одна.

Плыли до Харабалей несколько суток, укрываясь днем под высокими берегами или в густо заросших ахтубинских протоках от постоянно шнырявших в небе немецких самолетов. В те дни они свирепо расстреливали и бомбили все, что двигалось по Волге. Добрались благополучно, но имущество госпиталя распаковывать не стали до особого распоряжения. Сталинградских врачей и сестер пока распределили по отделениям местного госпиталя. Любовь Сергеевна поселилась в большом доме председателя рыболовецкой артели. Хозяева приняли радушно. Приютили и Любовь Сергеевну с малышом, и еще две семьи из Сталинграда; и маленький

Коленька сразу оказался в ласковом и заботливом окружении. Любовь Сергеевна с головой погрузилась в госпитальные заботы.

В начале сентября неожиданно заявился к ней... Сергей. Похудевший, смертельно усталый. Коротко рассказал, что часть, в которой он воевал под Сталинградом, разбили и теперь она спешно формируется заново. Она обрадовалась нечаянной встрече: не видались почти весь военный год.

Сергей до войны работал геодезистом в тресте «Водстрой» и жил отдельно с женой Валентиной и двумя крохотными дочками. Его призвали тоже в самом начале войны и послали, как хорошего слесаря, на завод медицинского оборудования, где теперь делали минометы и боеприпасы к ним. Жил он на казарменном положении. Даже дома бывал урывками. А когда бои завязались на подступах к Сталинграду, Сергей получил оружие, сержантские треугольники в петлицы и был назначен наблюдателем на командный пункт. Наспех распрощался с женой и дочурками, забежал к матери. Так Сергею, как и самому младшему, Борису, а вскоре и Федору, выпала доля защищать город, где все они возмужали, встали на ноги.

Шли тяжелые бои за город. Армии, прикрывавшие собою Сталинград, дрались за каждую балку, за каждый курган на его подступах. Но враг отчаянно рвался к Волге. Сталинградские рабочие оставляли станки, вливались в регулярные части и учились военному делу прямо в жарких схватках. Переживали горечь поражений. Верили, что настанет час перелома.

Любовь Сергеевна расспрашивала Сергея о матери и братьях. Но он сам ничего не знал о них. Слыхал, что в Сталинграде их уже не было. Потерял Сергей и свою семью.

Сестра и брат еще раза два повидались мельком и расстались. Сергей отправился снова в сражавшийся Сталинград. Вскоре от него пришло первое письмо.

28.9.42 г. **Сестре Любови Сергеевне Митяевой**

Здравствуй, Люба!

Жизнь моя, как всякого воина на фронте, проходит в горячей работе с раннего утра и до поздней ночи. В настоящее время я работаю в штабе 62-й армии, работа родственная моей специальности, и я стараюсь и работаю очень усердно.

На Сталинград насмотрелся, и если бы ты знала, как больно наблюдать, когда враг методически уничтожает все то, что мы строили в течение двадцати пяти лет. Город разрушен полностью, и если что еще случайно уцелело, уничтожается последними злобными судорогами врага.

Ежедневно идут ожесточенные бои на улицах города. Бои сопровождаются бомбежкой, от которой сильно страдает частично оставшееся в городе население.

Где находится в настоящее время моя семья, я так и не знаю, и поэтому прошу тебя, если прослышишь о ней что-либо, сообщи мне немедленно. Напиши, как ты живешь и работаешь. Мой адрес: ППС № 2024, п/я 10, литер «Л», Митяеву С. С.

Твой брат Сергей.

Любовь Сергеевна тотчас ответила. Но она ничего не могла сообщить брату о судьбе его жены Валентины, оставшейся с малышами в Сталинграде. А с ними случилось ужасное.

В тот день, 23 августа, навсегда запомнившийся сталинградцам, гитлеровцы бросили на город целую армаду стервятников, и они три дня с утра до вечера злодейски бомбили и поливали смертоносным свинцом мирные кварталы и превратили Сталинград в море огня и груду развалин. Бросали бомбы и стреляли по живым целям и не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. В огне и взрывах кипела Волга. Рвались бомбы на левом берегу, в Красной Слободе, куда, спасаясь из огненного ада, устремилось население горящего города. Все пароходы, катера, лодки были заняты переправой людей на левую сторону реки. Отец Валентины, старый бакенщик, без устали махая веслами, лавируя между вспарывающими Волгу взрывами, тоже перевозил горожан. И успел перевезти дочь с детьми. Это был его последний рейс. Осколок

близко разорвавшейся бомбы сразил его у лодки.

Валентина, прижав к груди плачущих девочек, вбежала в какой-то стоящий неподалеку от берега домик, уже занятый женщинами и детьми. И в это время опять взревели над головой фашистские самолеты и завыли бомбы. Одна из них угодила в тот домик...

Лишь после войны, вернувшись в Сталинград, уцелевшие Митяевы узнали о страшной гибели семьи Сергея.

А он, не ведая, что уже нет в живых ни жены, ни дочерей, все писал сестре тревожные письма, волновался и беспокоился, даже готов был упрекнуть сестру в намеренном молчании и старался разыскать семью, надеясь, что она выбралась из горящего Сталинграда. И верил в скорую встречу. В конце ноября он писал в Харабали:

Я жив и здоров. Получил от тебя два письма, которым был безгранично рад. Ведь я имею четырех братьев, двух сестер, жену, детей, мать, и изо всех близких моему сердцу я знаю только твой адрес, получаю только от тебя письма, а о существовании остальных мне ничего неизвестно. Теперь, Люба, ты можешь представить себе, как я радуюсь твоим письмам.

В последнем письме ты писала, что видела Федю, который выехал из Сталинграда 28 августа. В это время мама находилась в Сталинграде и была жива и здорова, но почему ты ни слова не упомянула о моей семье, а ведь мама должна знать, выехала она или нет.

Я узнал, что дом, где находилась моя квартира, немцы разбомбили в первые дни событий 23—24—25 августа. Значит, маме известно о моей семье. А ты в своем письме не обмолвилась ни словом, как будто с целью скрываешь от меня какую-то тайну. Люба, не бойся, если ты знаешь что-либо о моей семье, пусть это хоть и печальное, все равно напиши.

Я сейчас нахожусь в окрестностях своего родного города. Бываю и в самом городе, но на том месте, где стоял мой дом, я еще не был. В следующую поездку в город обязательно посмотрю, что гитлеровские звери сделали с моим домом. Фашистские скоты в человеческой шкуре натворили немало бед, а теперь пришел час расплаты. Вот некоторые данные последних событий. Немецкие войска, находящиеся в Сталинграде, окружены. В наших руках Садовая, Карповка, Кривая Музга, Калач, Трехостровская,

заняты станция и село Абганерово, Аксай и другие. С 20 по 24 ноября взято в плен 36 тысяч немцев, убито 51 тысяча. Захвачены следующие трофеи: орудий 1164, танков 431, самолетов 88, автомашин 3940, пулеметов 2625, ж.-д. вагонов 1200, снарядов 3 миллиона, много складов с боеприпасами, вооружением и продовольствием. Это не полные данные, а наступление продолжается. Вот как непрошеным гостям приходится расплачиваться за свои злодеяния. Недалек тот час, когда наш любимый город будет полностью очищен от фашистской нечисти, и вы все снова вернетесь в него.

Я живу хорошо, питание хорошее, обут и одет тепло и очень благодарен нашей стране, нашему народу за горячую заботу о нас. А мы совершим свое великое дело, которое поручено нам — освободим мир от гитлеровской чумы.

До свидания. Ответ пиши по адресу ППС 2024, воинская часть 47, Митяеву С. С.

Это было последнее письмо от Сергея. Переписка с ним внезапно оборвалась. Любовь Сергеевна тревожилась, терялась в догадках. Она посылала запросы, но и на них не было ответа. Не хотелось верить, что Сергей погиб.

Она спрашивала в письмах Федора: не знает ли он что о судьбе Сергея? Но и Федор не получал никаких вестей.

С Федором она тоже встретилась случайно тут же, в Харабалях.

Весь первый год войны Федор работал на стройке. Когда же бои загремели на сталинградских улицах, он с потоком оставивших город жителей оказался в Заволжье. На следующий день явился в Ленинский райвоенкомат и тотчас был включен в команду, направляющуюся в Астрахань за назначением в часть. Путь лежал через Харабали. Федор знал, что в Харабалях находилась Люба и разыскал ее в госпитале. Времени для разговора не было. Он успел лишь взять у нее адрес Сергея. Однако на первое же его письмо Сергей не ответил: его уже не было в живых. Федор же продолжал писать брату. И лишь спустя полгода он, уже будучи на фронте, получил ответ.

Уважаемый тов. Митяев!

Только сегодня мне пришлось отправить обратно письмо, адресованное Митяеву Сергею Сергеевичу. Дело в том, что вашего брата больше нет среди нас, он погиб смертью храбрых в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, защищая Родину и родной Сталинград. Это случилось 8 декабря 1942 года на наблюдательном пункте, где Сергей Сергеевич находился. В Сталинграде он и похоронен.

Простите, что своим письмом принес вам печальную весть, но долг товарища, фронтовика вынуждает меня это сделать. Одновременно с этим высылаю вам три письма, полученные ранее на имя Митяева С. С. С приветом к вам, товарищ по борьбе Гребеник М. С.

«Похоронку», официальное извещение о гибели Сергея Митяева, получили лишь много лет спустя после войны. Поэтому и не попало его имя на символические памятные знамена, которые высечены в Зале Воинской славы на Мамаевом кургане. Там, где сержант Сергей Митяев принял свой последний бой.

...Вскоре после встречи с Федором Любовь Сергеевну обступили новые заботы, и она отложила розыски Сергея. Прервалась связь с оставшейся в Сталинграде матерью. Тщетно ждала она писем с фронта от младшего брата Бориса. Замолчал и он.

Окружение группировки немецких войск под Сталинградом и изменение хода событий повлекли перемену и в судьбах сотрудников сталинградского госпиталя в Харабалях. Пришел приказ, предписывающий госпиталю № 4422 с имуществом отбыть на фронт. Вместе со всеми засобиралась и Любовь Сергеевна. Но ее пригласили в канцелярию, и начальник госпиталя с сожалением объявил, что она, как мать малолетнего ребенка, на фронт взята быть не может и поэтому увольняется в запас.

Вначале она подумала вернуться в Сталинград. Бои там закончились, остатки окруженной немецкой армии взяты в плен, фронт отодвинулся далеко на запад. Стало быть, налаживает-

ся там мирная жизнь. Но люди, побывавшие в Сталинграде, отсоветовали. Истерзанный и разоренный город еще лежал в дымящихся руинах. Любовь Сергеевна выправила билет в Уфу, где жил деверь, брат мужа. У него можно было временно приютиться с маленьким ребенком до выяснения обстановки в Сталинграде.

4

В середине сентября 1942 года немцы захватили Дар-гору. Застроенная аккуратными деревянными улицами, утопавшая в зелени садов, она превратилась в пепелище. Немногие жители, не успевшие уйти из этого района города, спасались от вражеских бомб и буйства огненных смерчей в погребах и щелях, вырытых в садах и на склонах оврагов. А когда бои передвинулись ближе к Волге, к элеватору, они самоотверженно принялись тушить пожары, чтобы спасти от истребления хотя бы некоторые жилища: ведь наступала зима, и люди думали, как пережить ее. В числе чудом уцелевших строений оказался еще прошлой осенью оставленный хозяевами небольшой домик Михаила Сергеевича Митяева. Он стоял чуть поодаль от тесной улицы, и огонь обошел его. В домике старшего сына и нашла себе прибежище Феодора Поликарповна.

Она пришла на Дар-гору вечером 24 августа, когда внезапно прервался неистовый смертоносный разгул фашистской авиации над беззащитным городом. У старой женщины подламывались ноги от горя и страданий. Вражеские самолеты беспрерывно налетали на город. Они заходили крутыми петлями и крушили и жгли под собою все без разбору. В грохоте взрывов девушки из отрядов ПВО старались вывести из обрушивающихся зданий женщин с детьми и стариков, чтобы укрыть их в бомбоубежищах. Надежный подвал был и неподалеку от квартиры Митяевых. Туда и кинулась Феодора Поли-

карповна, когда стены содрогнулись от бомбовых взрывов.

Много лет прожила Феодора Поликарповна в тихом дворе на улице Гоголя, 7. Поселились тут большой семьей, еще когда был жив муж, Сергей Федорович, на втором этаже в двухкомнатной квартире. Одна комната была большая, как гараж, а другая скорее была чуланом, чем комнатой, потому что не имела окон. Отапливалась квартира голландкой, пищу готовили на плите, воду брали из колонки во дворе. Словом, никаких коммунальных удобств не было. Но Феодора Поликарповна сумела сделать квартиру уютной, и дети, повзрослев и поженившись, еще долго оставались под родительской крышей. Сюда же возвращались и после странствий в других краях, и всем тут находилось место, было хорошо и удобно. И когда умер отец в 1937 году, с матерью жили, пока не обзавелись своими углами и Михаил с семьей, и Сергей. Жила перед войной у матери и Любина семья. Когда у Федора умерла жена, он с дочкой тоже переселился к матери. Очень по душе был для Феодоры Поликарповны этот домик на Гоголевской. Он одним из первых рухнул под взрывами фашистских бомб почти на ее глазах. Так она осталась лишь с узелком провизии, что успела прихватить, заспешив в бомбоубежище. Переночевала на берегу Царицы, а утром опять ноги принесли ее к дорогому сердцу месту, она словно не верила случившемуся и ждала какого-то чуда. Печальная стояла перед бесформенными грудами кирпичей, источавшими резкий и непривычный запах гари и тлена, и очнулась, лишь заслышав тревожный вой сирен и зловещий гул в небе. Целый день опять просидела вместе с другими в бомбоубежище, а вечером в сумерках направилась на Дар-гору, надеясь найти целым опустевший домик Михаила. Отыскала в известном ей месте ключ и вошла в темный дом. И осталась в нем, сама не зная, на сколько и зачем.

Словно предчувствуя, что прибежище ее вре-

менное, она не открывала ставней. К ней присоединились еще две пожилые, такие же, как она, осиротевшие женщины. Общее горе и тяготы сблизили их, и они зажили в ожидании добрых перемен дружно и ладно, питаясь тем, что находили на оставленных хозяевами огородах. Но скоро начались бои на Дар-горе, и они несколько дней прятались в погребе. Когда стихло, вылезли и увидели немцев в ядовито-зеленых мундирах, наглых и недобрых. Женщины затаились и просидели, не выходя, в своем домике почти неделю.

Утром 23 сентября женщин разбудил грохот прикладов в дверь.

— Матка! Гее хинаус! Шнель! Выходи! Быстро!— грубо заорали снаружи.

Женщины выбежали полуодетые. Возле дома суетились немцы, а поодаль стоял танк. Отогнав женщин в сторону, немцы, гогоча, опоясали дом тросом, один конец зацепили за танк. Взревел мотор, трос натянулся, домик дрогнул и вдруг рухнул, как подрезанный, и рассыпался, окутанный пылью. Когда пыль осела, немцы деловито принялись разбирать доски и бревна и укладывать их в штабели.

Они ломали все уцелевшие на Дар-горе жилища и строили блиндажи и дзоты, а жителей прогоняли прочь, чтобы не мешали и не попадались под руку.

Так Феодора Поликарповна лишилась на шестьдесят шестом году жизни и семьи, и крова.

В Сталинграде оставаться было уже опасно. И Феодора Поликарповна, мысленно попрощавшись с городом, со всем, что было ей дорого тут, медленно побрела по истерзанным улицам, спустилась к полотну железной дороги и пошла по обочине вдоль линии на запад, к Дону. Ничего больше не оставалось ей, как поискать какого-нибудь приюта, подальше от этого горящего и грохочущего ада, на родине, в неблизкой станице Нижне-Чирской.

5

До Нижне-Чирской Феодора Поликарповна добиралась почти неделю. Где шла пешком, а часть пути проехала в компании с какой-то молодухой на товарном поезде, пристроившись на тормозной площадке. В разоренных хуторах и поселках находила приют и пропитание: беженцев из Сталинграда привечали везде радушно и участливо.

В Нижне-Чирской, однако, Феодора Поликарповна из родных нашла одну только многодетную племянницу, которая жила в большой нужде, и старая женщина не захотела быть у нее обузой. Сутки погостила в Чиру, у давней приятельницы. Не могла пройти мимо этой степной железнодорожной станции. Тут прожили они с Сергеем Федоровичем первые годы супружества и тут пережили первый крутой поворот судьбы.

На станции Чир Сергей Федорович служил ремонтным слесарем, слыл искусным мастером своего дела, был уважаемым человеком в поселке. Наверное, поэтому и избрали его в стачечный комитет в бурные дни 1905 года. Он развозил по всему околотку и по окрестным хуторам прокламации. И когда царские власти подавили волнения на Дону, в числе зачинщиков, схваченных жандармами, оказался и Сергей Федорович Митяев. Предстал он вместе со всеми перед судом, но из-за недостатка улик его не упекли на каторгу или в ссылку, а лишь постановили изгнать «навсегда» из железнодорожного ведомства. Переехали они тогда в Нижне-Чирскую, и стал Сергей Федорович слесарить на дому: чинил замки, мастерил металлическую утварь, присматривал за станичным водопроводом. А в начале тридцатых годов перебрались они в Сталинград.

Из Чира Феодора Поликарповна направилась в Ляпичев, опять переплыв в рыбацкой лодке через Дон. В Ляпичеве и приютилась у дальних

родственников. С молодости была она мастерицей-рукодельницей: и вязала, и вышивала. Не желая быть нахлебницей, она нашла себе в Ляпичеве заказчиков и трудилась не покладая рук. Тут и дождалась она вести о разгроме немецко-фашистской армии в Сталинграде. А весной 43-го, как только установились дороги, с первым же попутным обозом вернулась в Сталинград с надеждой отыскать хоть след кого-нибудь из детей. Как она обрадовалась, когда на почте ей подали два письма от Федора, с фронта.

Федор еще в сентябре 1942 года был определен рядовым в 1100-ю отдельную кабельно-шестовую роту. Назначение роты состояло в том, чтобы обеспечивать бесперебойную связь командного пункта армии со штабами дивизий. Связисты роты непосредственного участия в боях не принимали, но нередко им приходилось действовать под огнем противника. В наступлении они вслед за атакующими тащили кабель через реки и болота, то прокладывали его под водой, то развешивали на шестах. И когда случался порыв, под артналетом или пулеметным ливнем связисты обязаны были любой ценой устранить повреждение, ибо от их сноровки и отваги зависел успех боевой операции. Федору Митяеву не занимать было смекалки и храбрости. Скоро его произвели в сержанты и назначили командиром отделения. Воевал он уже под Ростовом, когда нашло его первое письмо от матери. К этому времени у него наладилась переписка и с Любой, которая жила в Уфе, и с Михаилом, служившим в Костроме. С Любой жила и старшая сестра Стефания, муж которой, офицер, воевал где-то на Северном Кавказе.

Письмо от матери из Сталинграда показалось Федору вестью с того света. И он тотчас решил переслать его сестрам вместе со своим письмом как свидетельство того, что мать нашлась, что она жива и здорова и находится в безопасности и под присмотром у добрых, очень отзывчивых людей.

15.6.43 г. **В Уфу**

Люба, сегодня у меня радость: от мамы получил письмо. Она жива — это уже замечательно, дальше о ней писать не буду, а перепишу дословно ее письмо. Оно писано мне, но все равно, что тебе.

«Здравствуй, дорогой сынок Федя! Давно я ничего не знаю о всех вас, и вы не знаете обо мне. И спешу сообщить, что 23 сентября 1942 года я, потеряв связь со всеми вами, выехала в хутор Ляпичев и сейчас живу там. Живу очень плохо: еды нет, денег тоже, вещи и дом, в котором мы жили, сгорели. Сейчас пишу тебе из Сталинграда, куда приехала, чтобы разузнать что-либо о вас и спросить на почте, нет ли мне писем. К моей радости, получила от тебя, Федюша, два письма. Вот уж как рада, что хоть от одного сыночка весточка. Как тяжело, милый сынок, иметь семерых детей и к старости остаться одной, без крова и близких, дорогих детей. Но буду надеяться, что мы все встретимся и заживем по-старому.

Боря был взят немцами в плен — свихнул ногу и уйти не смог. Месяц жил у меня в Ляпичеве, а потом, когда наши пришли, его вызвали в военкомат. И теперь я не знаю, где он служит.

Жить думаю пока в Ляпичеве. Сообщаю тебе, Федя, что Люба эвакуировалась с госпиталем в Харабали прошлым летом, и где сейчас она — я не знаю. Пропиши мне ее адрес, и, если ей можно, пусть приедет за мной.

Дорогой Федюша, жду от тебя весточки с нетерпеньем. Пиши мне по адресу: Сталинградская область, Калачевский район, хутор Ляпичев.

До свидания, дорогой сыночек, желаю тебе успехов в твоих боевых делах. Крепко целую тебя, твоя мама Митяева Ф. П.»

Вот, Любаша, что пишет наша мать о постигшей ее судьбе. Прошу тебя, подумай и, хоть в неважных ты условиях, возьми к себе нашу мать, и ждите нас. Я сам сейчас помочь матери не могу, потому что наше дело, пятерых ее сынов, дело воинов Красной Армии — уничтожать фашистских извергов и поработителей, отплачивать за разорение наших мирных очагов, в которых мы росли и жили. Мать желает мне успехов в боевых делах, а мои боевые дела — беспощадная месть врагу за все причиненные нашему народу, матери моей страдания.

С этим остаюсь твой брат Федор.

6

По-разному складывались военные судьбы братьев и сестер Митяевых. Но самой драматичной и превратной оказалась судьба Бориса.

Восемнадцатилетним, в самый канун войны, он окончил лесотехнологический техникум в Сталинграде и стал специалистом по разделке древесины, но поработать по профессии не пришлось. В связи с военной надобностью его послали на тракторный завод, который перестраивался на производство танков.

В июле 1942 года, когда угроза нависла и над Сталинградом, Борис стал солдатом. Он прошел короткий курс башенного стрелка и в одном из новеньких танков, только что сошедших с заводского конвейера, принял боевое крещение. В августовских боях с вражескими танками, прорвавшимися к Волге, машину Бориса Митяева подбили и подожгли. Он успел выброситься из башни. Неловко падая на землю, ударился о гусеницу и вывихнул ногу. Тут набежали немцы, и Бориса, окровавленного и хромого, сволокли в лагерь для военнопленных в Отраде.

С первой же минуты, как только Борис опомнился и огляделся, он решил бежать. И стал искать способ, как выбраться из-за колючей проволоки. Одной стороной лагерь спускался в овраг, на дне его был колодец, из которого узники под присмотром охранников брали воду. Неподалеку от колодца начинались кусты, они скрывали часть колючей ограды. Возле источника постоянно царил галдеж. Охранники бранью и прикладами «регулировали» очередь пленных, изнывающих от жажды. Борис несколько часов крутился у колодца, терпеливо сносил тумаки, пока не высмотрел место за кустами, где в сумерках можно было пролезть под проволокой. Третий вечер выдался пасмурный. Борис потоптался с котелком у колодца, потом, улучив момент, незаметно шмыгнул за кусты, охранники не видели его. Он подполз к проволоке, поднял ее и выбрался на свободу.

Он знал, что матери уже не было в Сталинграде и решил, что она перебралась в Нижне-Чирскую. Его путь до Нижне-Чирской по территории, захваченной врагом, был долгим, опас-

ным и мучительным. Борис сильно хромал, нестерпимо болела нога, расшибленное место воспалилось и вздулось. Шел по ночам. Силы поддерживала клокотавшая в груди ненависть к чужеземным завоевателям и жгучая жажда мести.

В Нижне-Чирской ему сказали, что мать ушла в Ляпичев. Ляпичева Борис достиг, уже теряя последние силы.

Больше месяца мать выхаживала сына, скрывая его от посторонних глаз. 22 ноября, наконец, пришли свои. Нога поджила, и Борис явился в Калачевский райвоенкомат. Во второй раз мать проводила его на войну.

Война так разметала семью Митяевых, что они долго не могли отыскать друг друга. Расставшись с матерью, Борис вскоре потерял с нею связь. Она вернулась из Ляпичева в Сталинград, не зная, где воюют ее сыновья. С трудом, через близких друзей и случайных знакомых, разузнала она адрес Федора, а он сообщил ей о Любе. Мать настойчиво продолжала свои розыски. Лишь к весне отыскала Бориса и тотчас написала ему о Федоре и о Любе. Потом ее нашел Михаил. Узнав о бедственном положении матери, он вырвался на несколько дней в Сталинград и перевез мать в Уфу. Туда теперь и шли письма с фронта.

13.6.43 г. **Федору Сергеевичу Митяеву, на фронт**

Здравствуй, брат Федя! Сообщаю тебе, что я жив и здоров, живу хорошо. Вчера получил письмо от мамы, узнал твой адрес. А от других нет никаких известий.

На нашем фронте все спокойно. Только иногда покой нарушается гулом немецких самолетов, летящих бомбить Курск. А назад возвращаются их остатки, удирающие от наших истребителей. Любо глядеть!

Хотел бы знать, где и как воюешь ты. Быстрее отвечай.

Твой брат Борис.

Младшему Митяеву довелось участвовать в танковом сражении на Курской дуге. И тут выпали ему тяжкие испытания. Немцы отрезали его горящий танк. Он опять попал в плен. И опять бежал, немало помытарствовал, пока добрался до линии фронта и вышел к своим. Подлечив-

шись в госпитале, был определен в минометную роту наводчиком.

30.5.44 г. **Любови Сергеевне Митяевой, в Уфу**

Начинается снова моя переписка с вами. А почему перерыв был, объясню в другом письме. Важно, что остался жив и опять воюю.

Жаль, что погиб Сережа. Может, и мне выпадет такая же участь. Но пока живы, будем бить врага.

Твой брат Борис.

16.6.44 г.

Здравствуй, Люба! За время, пока не имел переписки с вами, мне пришлось побывать в плену, перенести очень много всякого. Сам себе не верю, что вышел оттуда цел. Если придется нам повидаться, расскажу о жути той жизни.

Сейчас я недалеко от Прута, где начинались первые бои с немецко-фашистскими захватчиками. На днях я опять иду в бой. Может быть, скоро увидимся, война, должно быть, близится к концу.

Борис.

18.8.44 г. **В Уфу**

Здравствуйте, мама, Люба, Стася*. Наконец-то я получил по новому адресу от вас сразу три письма.

А у нас начались большие события, читайте про них в газетах. Пишу это письмо в окопе. По нас бьют из пушек, и кругом рвутся снаряды. Мы, конечно, отвечаем. Писать некогда.

Ваш сын и брат Борис.

12.10.44 г.

Теперь мы воюем на вражеской земле, движемся по Трансильванским Альпам, не помногу, но каждый день и уверенно. В моей солдатской жизни нового ничего нет. Я жив, обо мне не беспокойся — это главное.

До скорого свидания. Борис.

26.10.44 г.

Сообщаю вам, мама, Люба и Стася, что я жив и здоров и моя жизнь проходит по-солдатски хорошо. Служу минометчиком. Наступление наше идет успешно, каждый день продвигаемся вперед. Воюем уже в Венгрии.

Изредка получаю письма от Феди и Миши. Жаль, что потерял связь со сталинградскими друзьями и знакомыми. Сообщи мне, Стася, нет ли у тебя переписки с Лидой Цвирко. Почему-то она мне вспомнилась.

Борис.

22.11.44 г. **Михаилу Сергеевичу Митяеву, в Ленинград**

Здравствуйте, Миша, Нюся и ваша дочка Люция!

Живу по-старому хорошо и весело. Пока отдыхаем от трудов праведных. Побывал в городе Сегед. Вот и все новости.

---

* Так Митяевы называли старшую сестру Стефанию.

Желаю вам всего доброго: Мише — в службе, Нюсе — в здоровье, Люции — в учебе.

Ваш Борис.

30.11.44 г. **В Уфу**

Отвечаю сразу на 4 полученных от вас письма. Ты упрекаешь меня, Люба, что редко пишу. Некогда было, находился в боях. Сейчас опять отдыхаем. Только что проводил товарищей. Были у меня в гостях. Попели, вспомнили Родину, потосковали. А завтра — опять бой. Война еще продолжается.

Борис.

Это письмо Борис Митяев прислал матери и сестрам не обычным солдатским треугольником, а в конверте. Оно было последним.

7

Первым из Митяевых, в сентябре 1945 года, в Сталинград вернулся Федор Сергеевич. Отвоевался он благополучно и славно. Командуя отделением связистов, отличался в жарких сражениях смекалкой и храбростью. В боях под Ростовом летом 1943 года заслужил свой первый орден Красной Звезды. На Сандомирском плацдарме он уже был помощником командира взвода. Не раз под ураганным огнем восстанавливал связь через реку Сан. И был удостоен второго ордена Красной Звезды. В сражении за Берлин его расторопность и отвагу отметили орденом Отечественной войны II степени. Потом он участвовал в освобождении Праги. Там и закончил войну.

Вернулся в разрушенный Сталинград. Печально бродил по развалинам. Разыскал дочь, которая жила с бабушкой в землянке на «Красном Октябре». На другой день пошел на работу, возглавил проектно-сметное бюро.

Город освобождался от руин, поднимал первые этажи возрождаемых улиц. Федор Сергеевич переехал с семьей в комнатку, которую получил в общежитии строителей. В мае 1946 года

к нему приехала Любовь Сергеевна с семьей. Ее назначили заместителем главного врача больницы имени Ильича, приняла она в свое ведение детские учреждения района. А ее мужа Ивана Акимовича направили на профсоюзную работу. Вскоре вернулся Михаил Сергеевич. Они оба с женой стали работать в только что открывшихся школах: он вел уроки физкультуры и труда, Анна Алексеевна преподавала русский язык и литературу. Вернулась из Уфы Феодора Поликарповна и поселилась, как и до войны, с Федором.

Все Митяевы, пока не вышли один за другим на пенсию, трудились самоотверженно и честно, вкладывая в любимое дело все свои силы, знания и опыт, и каждый из них оставил добрый след на земле.

В последние годы Феодора Поликарповна часто бывала у Любы. Проезжала мимо Мамаева кургана, на котором на ее глазах вставал величественный памятник защитникам Сталинграда, и слезы застилали ее глаза. Однажды она услышала, что у подножия знаменитого кургана намечено устроить парк. И загорелась мыслью посадить в этом парке свое деревцо в память о погибших на войне сыновьях.

Дети и внуки поддержали мысль Феодоры Поликарповны, и накануне Дня Победы, в 1962 году, Митяевы посадили на склоне Мамаева кургана, слева от главной лестницы, памятный каштан.

До самой своей кончины приезжала Феодора Поликарповна на Мамаев курган к своему дереву, с любовью холила его, как, бывало, каждого из трех сыновей. И погибшие сыновья будто оживали каждой весной в буйном цветении дерева, выхоженного руками матери.

ПУШКА ТОВАРОВСКОГО

В одном из залов Волгоградского музея обороны стоит поцарапанная, повидавшая виды пушка. На прикрепленной табличке — ее послужной список. В годы Отечественной войны командовал расчетом этой пушки Герой Советского Союза гвардии сержант Петр Ильич Товаровский.

О нем мало известно. Остались лишь скупые воспоминания однополчан и два письма: одно из Сталинграда, другое — из Саратова, которые Петр Товаровский писал матери в Семипалатинск, где она, проводив на войну мужа и старшего сына и оставив в Киеве родной кров, с меньшим сыном Димой нашла приют и работу в Доме ребенка.

3.9.42 г. **Матери, в Семипалатинск**

Дорогая мать, долго разыскивал тебя и Диму... Находясь в командировке, я узнал, что тебе сообщили мой адрес. Это меня очень обрадовало. Шутка ли сказать, столько времени не иметь связи!

Мать, тебя, наверное, интересует, как я жил в это время, находясь в Красной Армии. С первых дней войны я попал в училище курсантом, где нас всех зачислили в орудийный расчет и отправили на оборону Киева, против прорвавшихся танков противника, после чего нас эвакуировали в г. Красноярск для учения. В Красноярске я занимался 4 месяца, еще оставалось время до выпуска, но пришел приказ о расформировании училища. Всех курсантов послали рядовыми бойцами на формирование особых бригад, дивизий. Меня направили затем на Северо-Западный фронт, где я пробыл 9 месяцев. Теперь нас перебросили с Северо-Западного на Южный фронт, под город Сталин-

град. Где дальше будем — не знаю... Я пока работаю наводчиком в особой истребительной противотанковой батарее. На этом все о себе.

Мать, напиши, как вы живете, как Дима, где находится отец? Пиши обо всем...

Ваш сын Петр.

2.10.42 г.

Здравствуйте, горячо любимая мать и дорогой брат Димочка!

Я сейчас нахожусь в Саратове, в госпитале. После того, как мы переехали с Северо-Западного (Ленинградского) фронта, я узнал ваш адрес и написал письмо, не знаю, дошло оно или нет.

В августе мы уже стояли под Сталинградом, а затем нам пришлось принимать участие в уличных боях в Сталинграде. Первое время я был наводчиком, а потом, когда вышел из строя командир орудия, я стал за него. Впоследствии остался в живых только я один. Затем мне дали отнести в штаб донесение, и у самого берега группа немецких автоматчиков прорвалась и забросала меня гранатами. Я был ранен в левую ногу множеством мелких осколков.

Скоро выздоровлю, может быть, через дней 10—15, а затем опять в часть. Я тебе не мог писать это время потому, что нас, раненых, перебрасывали с одного места на другое.

Мама, как твое здоровье? Как Димочка? Где отец? В армии или где? Как вы живете?

Петр.

В боях за Днепр сержант Петр Товаровский погиб. Мать долго ничего не знала о его последнем подвиге.

* * *

Из воспоминаний гвардии полковника запаса Виктора Макарьевича Жагалы, бывшего командира 3-й гвардейской легкой артиллерийской бригады

В первых числах октября 1943 года в наших войсках на Днепровском плацдарме, в 25—30 километрах севернее Киева, создалась серьезная угроза неприятельского прорыва. 3-я артбригада только что переправилась через Днепр. И командование решило для прикрытия продолжавшейся переправы наших войск выдвинуть на-

встречу предполагаемому удару врага в боевые порядки пехоты два полка артбригады.

3 октября немцы при поддержке 50 танков и авиации перешли в наступление на левом фланге плацдарма. Наша пехота отошла и заняла оборону позади боевых порядков 206-го артполка, в котором служил сержант Петр Товаровский. На плечах отходящей пехоты противник намеревался прорваться к переправе. Существованию плацдарма угрожала опасность.

Гвардейцы 206-го полка, поддерживаемые огнем остальных полков бригады с правого фланга и артиллерии с левого берега Днепра, стойко удерживали свои позиции и не пустили врага к переправе.

В ночь с 6 на 7 октября наши части на плацдарме перегруппировались. На помощь 206-му артполку был переброшен другой полк бригады, чтобы помочь огнем воинам 3-й воздушно-десантной дивизии, захватившим плацдарм.

После жестокого боя я осматривал позиции артиллеристов.

Немецкие танки произвели серьезные разрушения на позициях 206-го артполка. У орудия Товаровского было разбито колесо и раздавлен лафет. Тут же в различных позах лежал почти весь расчет орудия и его командир. В 50 метрах пылал последний подбитый артиллеристами Товаровского немецкий танк.

В этот день, 6 октября, расчет Товаровского уничтожил 3 танка, один из них «тигр», 8 автомашин с пехотой противника и более батальона пехоты. За этот бой Петру Ильичу Товаровскому и наводчику Николаю Тимофеевичу Пономареву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

От Петра не было писем. Встревоженная мать посылала запросы на фронт, в Москву... После долгих месяцев мучительного ожидания она, наконец, получила последнюю весть о старшем

сыне. Отозвался комсорг 206-го гвардейского артиллерийского полка лейтенант А. П. Горбатов.

Уважаемые родители Героя Советского Союза Товаровского Петра Ильича. На ваше письмо, посланное на имя командира части, даю ответ.

Ваш сын Петр Ильич Товаровский находился в нашей части на должности командира орудия. Комсомолец тов. Товаровский был нашим лучшим другом. Он был предан своей Родине.

Спасибо вам, дорогая мамаша, что вы воспитали преданного Родине сына.

За героизм, проявленный при форсировании Днепра, вашему сыну было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Враг прервал жизнь героя... Но ваш сын живет в наших сердцах, и его имя войдет в историю нашей страны... Мы, гвардейцы, за кровь вашего сына Петра отомстим немецким варварам...

Ваш сын похоронен в Киевской области, на правом берегу седого Днепра.

* * *

Пушка Петра Товаровского, восстановленная искусными руками фронтовых мастеров, продолжала громить немецко-фашистских захватчиков. Ею командовал достойный преемник Товаровского сержант Седельников. Расчет вместе с прославленной пушкой закончил войну в столице Чехословакии Праге. На счету грозного орудия было 11 уничтоженных вражеских танков, 15 огневых точек, много другой боевой техники и живой силы противника.

А 3 апреля 1957 года пушка Товаровского стала экспонатом музея обороны в Волгограде, в городе, от стен которого она начала свой славный боевой путь.

ЛИЛИЯ НА БОРТУ

I

Пленного ввели к командиру полка. Подполковник Баранов с любопытством оглядел немецкого летчика. Сухощавый, светловолосый, он держался невозмутимо, его бесцветные глаза смотрели холодно и прямо, с нескрываемой надменностью. На шее болтался рыцарский крест. Видно было, что перед Барановым стоял гитлеровский ас, ловкий, опытный, самоуверенный, прошедший огонь и воду, избалованный победами в воздушных схватках, не знавший себе равных.

— Спроси: кто он? Имя, звание, должность, из какой части,— сухо сказал переводчику Баранов.

Пленный презрительно скривил губы.

— Я не буду отвечать, пока вы не покажете летчика, который сбил меня,— заявил он капризно.— Хочу взглянуть на этого отчаянного парня.

Баранов поднял брови и коротко бросил штабному офицеру:

— Позовите!

Через пять минут порог переступила хрупкая девушка в форме военного летчика. Тряхнула выбившейся из-под пилотки волнистой челкой и звонко произнесла:

— Гвардии младший лейтенант Литвяк по вашему...

Баранов знаком прервал ее и, усмехнувшись, сказал пленному немцу, показав глазами на девушку:

— Вот, тот самый «парень», который оборвал твою пиратскую карьеру.

Пленный покосился на вошедшую и буркнул:

— Я не желаю шутить.

— Не верит,— улыбнулся командир полка.— Ну-ка, напомни ему, Лиля, как ты его срезала.

Литвяк вспыхнула, резко обернулась к немцу. В коротких словах она воспроизвела картину их поединка. Теперь пленный смотрел на нее с замешательством и изумлением.

— Невероятно! — горько воскликнул он.— Эта фройлен — рыцарь неба! Она сбила меня, капитана, известного летчика люфтваффе! О, какой кошмарный сон!..

— Ну, что там, у комполка? Зачем вызывали? — обступили летчики Лилию Литвяк, когда она, сияющая, вернулась в казарму.

— Да так, ходила к пленному фашисту на смотрины,— небрежно проиронизировала она. А у самой душа пела и ликовала! С каким матерым пиратом расправилась! Ах, мама! Если бы ты посмотрела сейчас на свою робкую и застенчивую дочь, которая боялась мышей и темноты, слыла неженкой и сладкоежкой.

И в самом деле было она такой — всего полтора года назад. Не поэтому ли так долго ее не пускали даже к дверям аэроклуба. Но Лилия возмечтала стать летчицей, когда впервые увидела самолет. Кажется, еще в первом классе. Словно сама судьба уготовила ей летную профессию. Она и родилась 18 августа, и в этот день у нее всегда был двойной праздник: именины и День Воздушного Флота. Но когда она пришла записываться в аэроклуб, сторож прогнал ее, а мальчишки высмеяли. Тогда, оставив попытки записаться официально, она однажды вечером вошла с группой курсантов в аэроклубовский класс и невозмутимо села слушать лекцию. Преподаватели не обращали на нее внимания, считая, что любопытная девчонка приходит с кем-то из старших.

Но как-то раз у одного из курсантов вышла

заминка с ответом на трудный вопрос. Лилия отважилась:

— Разрешите, я отвечу.

И ответила, звонко, четко, уверенно.

Однако в группу курсантов ее все-таки не зачислили. Но она настойчиво добивалась своего и, когда закончились лекции, вместе со всеми поехала на аэродром: учиться летать. Инструкторы не желали ее замечать. И хотя было до слез обидно, Лилия не отступилась. Дотошно изучала самолет, двигатель, наблюдала, как летают другие. Инструктор Ульянов сжалился над ней и спросил:

— Хочешь летать? Очень? Ну, садись, прокачу пассажиром.

Она живо устроилась позади пилота. В воздухе невозмутимо огляделась, словно всегда летала, и потребовала познакомить ее с приборами и хитростями управления.

— Настырная ты девка! — одобрительно заметил Ульянов после первого полета.

Вскоре он опять взял ее с собою в полет и в воздухе несколько раз передавал ей управление. Когда сели, инструктор вылез, а ей сказал: «Лети!» Она, было, растерялась, но тут же спохватилась, испугалась, что он заметит ее смущение...

Потом окончила Херсонскую авиационную школу и вернулась домой, в Москву, первоклассной летчицей-инструктором. Перед войной сама успела научить летать сорок пять курсантов в том же аэроклубе, в котором ее так обидно долго не подпускали к самолету.

2

Спустя три месяца после начала войны аэроклуб из Москвы решили эвакуировать в Уфу. В список эвакуируемых инструкторов попала и Лилия Литвяк. Но это совсем не входило в ее планы. Она собиралась на фронт. А кто-то по-

7 Заказ № 206

своему распорядился ее судьбой. Возмущенная, она прибежала в военкомат и потребовала направить ее в действующую армию, в боевую летную часть. Офицер военкомата рассудительно сказал:

— Все рвутся на фронт. А там убивают. И кто-то должен готовить пополнение в тылу. Фронт постоянно нуждается в свежих силах, умеющих воевать. Вы — хороший инструктор летного дела. Поезжайте на Урал и учите молодых летчиков для фронта.

Лилия все же продолжала настойчиво хлопотать о направлении в любой авиаполк. Случайно она узнала, что в городке на Волге формируется боевая женская авиагруппа. В конце концов ей удалось выпросить направление в Энгельс. Так она попала в истребительный авиационный женский полк.

Тесной цепочкой побежали дни учения военному искусству. Лилия готовилась к будущим воздушным схваткам с врагом так же старательно и дотошно, как когда-то в аэроклубе. Отодвинулись в прошлое танцы и веселые «девичники». Свободного времени едва хватало, чтобы послать весточку в Москву, матери и младшему брату.

Дорогие мамочка и Юрочка! Шлю вам свой пламенный привет. Чувствую себя хорошо. Летаю и тренируюсь на своем милом «ястребке». Шлю вам свою фотокарточку в шлемофоне. Как раз шла с полетов и сфотографировалась...

Она чувствовала себя мужественным солдатом, испытывала свою волю и выдержку в самых трудных полетах и сложных ситуациях, похожих на настоящий воздушный бой, ни на минуту не позволяла себе хотя бы мысленно отвлечься и расслабиться. А в душе оставалась прежней: сердечной, отзывчивой и легкоранимой.

Тайком от своих боевых подруг она поведала матери:

Мамуся, прошлый раз Юрка писал, что ты ему на день рождения напекла моих любимых оладушек и хрустиков. Ну, больше так просто не пишите, я так мечтаю об этих оладушках, что расстроилась. И мечтаю о том времени, когда ты меня приветливо встретишь с пончиками и горячим кофе. Теперь это моя мечта...

Сейчас продолжаю тренировки. Скоро, возможно, уедем, но не на фронт, на охрану какого-нибудь стратегического пункта, потренируемся, затем, очевидно, и на фронт...

Ваша Лиля.

Боевая служба Лилии Литвяк началась в октябре 1942 г. в 9-м гвардейском авиационном полку, куда она попала вместе с подругой Екатериной Будановой.

Окруженная армия Паулюса пыталась продержаться за счет снабжения по воздуху. Но к оборудованным для этого немецким аэродромам в Гумраке, Питомнике и Воропоново прорывались редкие самолеты врага. Летчики-гвардейцы из 9-го полка уничтожали вражеские транспорты и в воздухе, и на земле. В схватках с фашистскими конвойными истребителями, в налетах на вражеские аэродромы и получила боевое крещение Лилия Литвяк. Ее первыми боевыми наставниками были известные всему фронту летчики Евгений Дранищев, Амет-Хан Султан, Владимир Лавриненков. Она многому научилась у них. Девушки-летчицы не принимали никаких скидок и поблажек и протестовали, когда их пытались отстранить от явно опасных полетов.

Потом, спустя тридцать лет, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации В. Д. Лавриненков тепло упомянет в своей книге «Возвращение в небо» девушек-летчиц: «Летали Буданова и Литвяк отлично. В воздухе мы всегда рассчитывали на их своевременную поддержку и выручку».

3

Через некоторое время Лилию Литвяк перевели в полк, которым командовал Николай Иванович Баранов. Она мечтала о таком командире. Строгий, требовательный и внешне суровый, он по-отечески относился к своим подчиненным. Понимал и прощал неудачи, взыскивал за лихачество, поощрял отвагу, ценил инициативу. С ним можно было поговорить запросто о чем угодно.

Лилию он принял мягко, доброжелательно и в первый же боевой вылет взял с собой ведомой. Она часто летала в паре с командиром полка. А когда он оставался на земле, Лилию брал в пару комэск старший лейтенант Алексей Соломатин, у которого уже сверкала на груди Золотая Звезда Героя.

Лилия потянулась к этому уравновешенному парню, с которым ни в воздухе, ни на земле никогда не было скучно. С ним в паре в одной жаркой схватке она и открыла свой боевой счет. И как зарделась, когда на земле Алексей, окруженный поздравлявшими их однополчанами, вдруг крепко обнял ее и поцеловал, смущенно сказав, что это — за сбитый ею вражеский самолет, за выручку в трудный момент. То был единственный поцелуй, который видели товарищи. Они потом всячески скрывали свою любовь и договорились пожениться после войны.

Боевая, наполненная опасностями жизнь учила мудрости, открывала свой истинный смысл. Лилия писала матери:

«Я люблю жизнь, но не такой, какой живут мирные грешники. Я, конечно, за то, чтобы пожить получше, но и не так, как жили наши бабушки. Вот и Пугачев из «Капитанской дочки» рассуждал в сказке про орла и ворона...»

Лилия переводила матери свое жалование, но не хотела, чтобы, испытывая лишения, мать копила деньги к возвращению дочери с войны:

«Мамочка, деньги, пожалуйста, не копите, этим вы меня обижаете. Тратьте все. Сейчас по-

лучила какую-то разницу и никак не могу вырваться на почту, целый день на аэродроме».

В полку, как было принято повсюду, на фюзеляжах истребителей рисовали за каждый сбитый вражеский самолет красную звездочку. К концу сталинградского сражения на самолете Алексея Соломатина их было уже тринадцать. А на борту «ястребка» Лилии Литвяк, после того, как она сбила свой первый самолет, в шутку намалевали цветок — золотистую лилию. Потом пошли звездочки. Но лилия так и осталась. Она стала позывным летчицы Литвяк и ее личной эмблемой. Таким необычным образом она оказалась буквально на виду у всей 8-й воздушной армии. Это было высокой честью, и Лилия старалась не уронить ее. Ее боевой счет возрастал раз от разу. В конце февраля 1943 года армейская газета рассказала о подвигах Лилии Литвяк:

«Четверка «яков» шла боевым курсом, имея задание прикрывать с воздуха наши атакующие наземные войска. Идя уже над районом прикрытия, ведущий Баранов заметил 12 вражеских машин. Врагов было в три раза больше, Но никаких колебаний не было. В то же мгновение, когда Баранов заметил врага, он отдал ведомому приказ атаковать его... Испытанный в воздушных схватках, опытный командир Баранов и молодая светловолосая летчица Литвяк, и русский ас Соломатин — участник знаменитого прошлогоднего боя семи против двадцати пяти, и пилот Каминский — все они разные. Но сейчас все четверо нерасторжимо слились в грозном едином боевом порыве.

Их атаки были молниеносны и увенчались успехом. Два немецких самолета, подбитые огнем Баранова и Литвяк, врезались в землю. Немцы рассыпались.

Вскоре Баранов заметил еще 17 вражеских самолетов. Они несли бомбовый груз на наши боевые порядки. Ведущий отдал приказ к атаке. Русские летчики — мастера любой атаки. Соломатин и Каминский с первой же атаки сбивают один «юнкерс», в это время Баранов и Литвяк атаковали «фокке-вульф». Соломатин, разделавшись с «юнкерсом», поддержал их. Поврежденный немецкий самолет пошел на вынужденную посадку прямо в степи. Рассеяв строй бомбардировщиков, наши летчики заставили их сбросить бомбы в голой степи и бежать в беспорядке.

Бой окончен. Горючее на исходе. Баранов командует сбор и ведет четверку на аэродром...»

В день 8-го Марта газета поместила портрет Лилии Литвяк и поздравила ее стихотворением.

Дни пройдут. К труду
вернутся люди.
Встанет колос, расцветут
цветы,
И земля свободная забудет,
Что ее громили из орудий,
Что ее бомбили с высоты.
И тебя овеет мирный ветер
Радостью спокойного труда.
И как все стирается на
свете,
Так войны забудется страда.
Но однажды в тихий вечер
зимний,
Устремив на лампу ясный
взгляд,
Сын попросит: «Мама,
расскажи мне,
Как ты защищала
Сталинград?»
И тогда сквозь дымку
прожитого.
Пред тобой взовьются
«ястребки»,
И так ясно ты увидишь
снова
Над развалинами дым
багровый,
Пламя барж в извилинах
реки.

Нет, не даром яростно и
гневно
Настигала в небе ты врага,
Рисковала жизнью
ежедневно
В маленькой кабине
«ястребка».
Ты недаром шла дорогой
славы,
Защищая Родину свою.
Ты в боях завоевала право
На свободу, радость и
семью.
Нет, не надо забывать об
этом!
Пусть на память правнукам
поэты
В пламенных поэмах
воспоют
Подвиг твой, отвагою
согретый,
Твой суровый, твой
неженский труд.
Делай же, мой друг, свою
работу,
Охраняй родимые высоты,
И прими привет горячий
наш,
Девушка в кабине самолета,
Родины неустрашимый
страж!

4

23 марта 1943 года **Из армейской газеты**

ПОДВИГ ИСТРЕБИТЕЛЯ ЛИЛИ ЛИТВЯК

Во второй половине дня воздух разрезала сигнальная ракета. Взревели моторы «ястребков». Первой взмыла вверх гв. мл. лейтенант Лиля Литвяк. Пробив облачность, она увидела перед собой вражеский бомбардировщик. Их была большая группа. Лиля ринулась в бой, пренебрегая опасностью. Град пуль ударил по ее «ястребку». Резкая боль пронзила ногу. Но она успела поймать в прицел вражеский самолет и ударила по нему. «Юнкерс» задымил и, объятый пламенем, рухнул вниз. Раненая, она мастерски посадила самолет на свой аэродром. Это была ее пятая победа.

Лилия Литвяк надолго запомнила этот сбитый ею пятый вражеский самолет. Не сам бой, хотя он был очень трудным, потому что пришлось ей драться в одиночку и некому было ее прикрыть, поддержать, ободрить. Запомнились события, последовавшие за этим боем.

Ранение всеобщей любимицы встревожило в армии всех: и ее боевых друзей и незнакомых однополчан. Вечером 25 марта палатная сестра принесла Лилии свежий номер армейской газеты. На первой странице летчица увидела письмо, адресованное ей:

Дорогая Лиля! Мы читали в газете о Ваших подвигах. Мы восхищаемся Вами — мужественной русской девушкой. Мы гордимся Вами, хотим Вам подражать. Но мы, к сожалению, не летаем. Мы служим нашей родной Красной Армии на скромных маленьких участках. Муся Друзенко — буфетчица, Даша Темпер — кладовщица, Зоя Мирошникова — кассир, Рая Неподкосова заведует ларьком. Но каждая из нас вкладывает все силы и способности в общее дело освобождения Родины от ненавистных гитлеровцев.

Дорогая Лиля! Нас беспокоит состояние Вашего здоровья. От всего сердца желаем скорей поправиться, чтобы отомстить немцам за Вашу рану, за все их злодейства.

Мы уверены, что Вы скоро вновь вернетесь в боевой строй и на Вашем грозном истребителе собьете еще не одного фашистского гада.

Будьте здоровы, родная!

Муся Друзенко, Даша Темпер,
Зоя Мирошникова, Рая Неподкосова.

Лилия читала и перечитывала теплые, сердечные строки и не могла удержать слез. В полку, в дивизии у нее было немало добрых и искренних друзей. И она радовалась, что приобрела еще четверых подруг, о существовании которых до того, кажется, и не подозревала. Но так уж было на войне: за теми, кто дрался с врагом на поле боя, кто каждый день рисковал жизнью, кто так трудно добывал победу, следили тысячи глаз тех, кто помогал сражающемуся солдату своей малозаметной, но очень нужной фронту «подсобной» службой. Имена, а то и, по опубли-

кованным портретам, в лицо героев фронта знали все: армейские сапожники и повара, прачки и продавщицы из военторговских ларьков, банщики и ездовые трофейных команд, оружейные мастера и санитарки полевых госпиталей. И все радовались успехами прославленных героев, огорчались их неудачами, с болью, как свои собственные, переживали их раны. Велика была поддержка у солдата на войне — всего народа. Но велика у него была и ответственность,— не просто перед всей страной, а перед каждым, кто неброско, но всеми силами ковал победу.

На следующий день новые подруги пришли к Лилии Литвяк в гости. Принесли подарки от себя и от своих сослуживцев: шоколад, печенье, духи. На тумбочке все не поместилось...

Гостьи поделились армейскими новостями, попросили Лилю рассказать, как это она там одна с фашистскими стервятниками расправилась?..

— Ах, девочки,— Лилия пыталась уклониться от воспоминаний,— обыкновенно все.

Но тут к гостям присоединился корреспондент газеты, и пришлось рассказать, как она сбила пятый немецкий самолет и как подстрелили ее саму.

— Зазевалась я там. А в воздушной драке зоркой надо быть, а то нахлопают — и света не взвидишь. Так и получилось. Воспользовавшись тем, что мое внимание было приковано к вражескому бомбардировщику, ко мне подкрались два «мессершмитта» и, выбрав момент, полоснули в меня чуть ли не в упор. Осколками снарядов повредило управление, да и меня вот задело крепко. Но вгорячах-то я не почувствовала боли. Вижу только — руки плохо слушаются. Кое-как развернулась и потянула на свой аэродром. Мелькнула тревожная мысль: посажу ли самолет? Но зашла, как надо, на посадку, снизилась. И тут, в момент посадки, мотор отказал. Однако села. Огляделась. Козырек кабины — в дырах, и парашют пробит. Обрадовалась, что легко отделалась. Вот и все.

5

Сразу вернуться в строй, как хотелось, Лилии не удалось. Врачи выписали ее из госпиталя со строгим отлучением от полетов на полгода. Дали ей в полку «наземную» работу. Она не выдержала и месяца. Пришла вместе с Алексеем Соломатиным (в который раз!) к неумолимому Баранову с просьбой позволить летать. Вопреки положению Соломатин вызвался принять Литвяк под свое поручительство. Но командир полка опять отказал. И тут Лилия неожиданно разрыдалась, по-девичьи, взахлеб — так было ей обидно и горько. И Баранов не устоял и уступил.

Лилия потом и сама стыдилась своей минутной слабости, но что было делать — ведь она родилась женщиной.

А вскоре ее постигло горе. В бою, прямо у нее на глазах, погиб Алексей Соломатин, дорогой, близкий ей человек. Несколько дней она ходила сама не своя. Но не уронила ни слезинки, а сердце исходило безмерной болью. В душе поселилась неутолимая жажда мести. Летчики поражались ее отваге и дерзости. На ее погонах появились лейтенантские звездочки, а на гимнастерке в дополнение к гвардейскому значку и медали «За оборону Сталинграда» засверкали ордена Красного Знамени и Красной Звезды — наградами она чуть ли не сравнялась с Барановым. Ее боевой счет дошел до двенадцати.

— Фашистам место в аду. Вот я и пополнила сатанинское племя целой дюжиной,— зло шутила она.— До конца войны, удастся, спроважу туда еще одну дюжину.

1 августа 1943 года она приняла последний в своей жизни воздушный бой. В штабных документах в тот день отметили: «Лейтенант Лилия Литвяк не вернулась с боевого задания».

ПОЧТОВЫЕ ОТКРЫТКИ КОМБРИГА

Семья покойного маршала Советского Союза Ивана Игнатьевича Якубовского передала Волгоградскому музею обороны личные вещи маршала, которыми он пользовался в дни войны, а также некоторые документы и его фронтовые письма. Среди них две почтовые открытки, посланные Иваном Игнатьевичем из-под Сталинграда осенью 1942 года, когда он командовал танковой бригадой. Открытки адресованы жене Зинаиде Федоровне Котловской в Наманган.

Первая открытка помечена 26 октября. Она лаконична, как телеграмма.

Добрый день, родная Зиночка, Феликс, Неллочка и мама! Поздравляю вас с великим праздником — 25-й годовщиной Октябрьской революции и желаю самого наилучшего в жизни. Обо мне не беспокойся. Я чувствуют себя неплохо и немчуру бью неплохо. Не забывай, пиши обо всем.

Твой Ян.

Вторая открытка, посланная почти месяц спустя, тоже немногословна. В жарких боях было не до писем.

24.11.42 г. **В Наманган**

Добрый день, Зиночка!

В открытке напишу мало, сама знаешь, нет времени, особенно сейчас. Немца гоним, уничтожаем, долг перед Родиной выполняем с честью. Здоровье неплохое, чувствую себя хорошо.

Привет всем. Целую маму, детей.

Ян.

Что же происходило в те дни? Какие события скрывались за скупыми строками почтовых открыток? О них потом много лет спустя рассказал сам Иван Игнатьевич в письме боевому другу генералу армии Павлу Ивановичу Батову.

Десять последних дней сентября 1942 года 91-я танковая бригада вела ожесточенные бои в 20 километрах северо-западнее Сталинграда. Тут, под хуторами Грачи и Кузьмичи, вражеские танки прорвались к Волге. Смелыми и упорными, доходившими до самопожертвования, контратаками и таранными ударами танкисты подполковника Якубовского ликвидировали опасный прорыв. Лишь несколько подбитых вражеских машин вырвалось и уползло с поля боя.

Нелегко досталась победа. Измотанную многодневными боями бригаду вывели в резерв. Танкисты получили передышку. А комбрига обступили другие заботы: прибывало пополнение, поступала новая техника, развернулись походные мастерские, а по ночам в штабах изучался и обобщался опыт минувших боев, шла подготовка к новым схваткам с врагом. Чтобы сообщить близким о себе, времени оставалось лишь на короткую открытку.

19 ноября началось решительное наступление наших войск под Сталинградом. Вражеские армии, осадившие героический город, сами оказались в клещах, из которых уже невозможно было вырваться.

Отдохнув и получив пополнение, 91-я танковая бригада шла в авангарде 65-й армии. Словно стальной клин, прорубалась она сквозь многослойные оборонительные полосы противника, громя его мощные узлы сопротивления. Только в первый день наступления танкисты Якубовского разбили восемь противотанковых пушек, раздавили более тридцати укрепленных огневых точек и уничтожили почти батальон гитлеровцев.

Памятным был бой за хутор Орехов, который немцы превратили в опорный пункт. Пытаясь удержаться в хуторе, гитлеровцы бросили в

контратаку тридцать танков и самоходных орудий. Но врагу не удалось расстроить боевые порядки 91-й бригады. Отбив натиск вражеской стальной армады, танкисты Якубовского ворвались в хутор. Немцы потеряли в этом бою все танки и удирали кто как мог.

В хуторе Перекопском бригада Якубовского разгромила штаб немецкой пехотной дивизии. Ее остатки поспешно переправились на восточный берег Дона. Однако танкисты не дали врагу закрепиться на новом рубеже и без передышки гнали его дальше, на восток, к Волге, к его позорной погибели. Под Голубой у немцев были оборудованы полевые аэродромы. Наступление 91-й развивалось столь стремительно, что самолеты, стоявшие на взлетных дорожках, не успели подняться в воздух и танкисты захватили более сорока вражеских истребителей и бомбардировщиков.

Вечером 23 ноября, когда кольцо вокруг вражеской группировки войск под Сталинградом замкнулось, Иван Игнатьевич с удовлетворением подписал итоговое донесение о четырехдневных боях. Хорошо дралась бригада! За четыре дня танкисты уничтожили 35 вражеских танков, да 20 захватили. Разбили почти 70 полевых и противотанковых орудий, уничтожили 88 автомашин и полтораста повозок с военным имуществом, истребили 600 неприятельских солдат и офицеров. Но не в характере Ивана Игнатьевича было хвалиться своими победами над врагом. Он не посвящал в свои боевые дела даже близких, и в открытке, отправленной домой на следующий день, он сообщил об успехах бригады одной лаконичной фразой: «Немца гоним, уничтожаем, долг перед Родиной выполняем с честью».

Наступление продолжалось, 91-я бригада попрежнему двигалась в авангарде армии, события нанизывались одно на другое. Не в письмах с фронта, а много позже, в своих воспоминаниях, уже будучи маршалом, Иван Игнатьевич расскажет о наиболее значительных и памятных из них.

Вспомнит он в том письме Павлу Ивановичу Батову, которое теперь хранится в фондах Волгоградского музея обороны, и ночной рейд по донской излучине. Было это так.

Уже суровый и снежный декабрь перевалил на вторую половину. Танки вязли в сугробах, стыли на морозе. Но накал наступления наших войск не ослабевал. Бригада Якубовского получила приказ: овладеть хуторами Песковаткой и Вертячим, отбить у врага донские переправы и тем прочнее запереть кольцо окружения. Задача предстояла нелегкая. Немцы на этом участке возвели крепкую оборону. Без больших потерь одолеть ее было невозможно. Командование бригады решило совершить неожиданный для немцев обходной ночной рейд.

Впереди на многие километры простиралась заснеженная степь с крутыми балками и обрывистыми оврагами. Прикрытые белым и хрупким настом, они подстерегали танки, как ловушки. К тому же в ночь разыгралась буйная метель. Требовался надежный проводник из местных жителей. Где его взять? В ближайших хуторах почти не осталось жителей: одни, спасаясь от оккупантов, ушли на восток, других угнали фашисты в неволю. Нашли на отшибе жилую хатенку. В ней ютились старики с внучкой. Пригласили хозяина в штаб. Он назвался Иваном Васильевичем Ореховым. Спросили: может ли он ночью провести колонну танков, незаметно для немцев, до хутора Вертячего?

— Хвор я,— ответил старик,— и одет худо — немцы нас дочиста обобрали. Коль есть у вас чем подкрепиться-поправиться да плечи прикрыть, охотно проведу, куда надо, местность мне тут знакома и дороги все исхожены и изъезжены.

Выглядел он и впрямь убого: в ветхой телогрейке, на ногах опорки, подвязанные бечевкой.

Иван Игнатьевич велел накормить старого казака, угостить фронтовой чаркой, одеть и обуть, чтобы на броне ему ночью не зябко было. Оста-

вили запас продуктов старухе и внучке и, не мешкая, двинулись в непроглядную темь. Старик по ему одному видным приметам уверенно указывал путь. Танки под вой метели катили по балкам, по глухим дорогам, далеко в обход от вражеских застав. Рядом со стариком у башни на головном танке лежал и комбриг. На остановках они тихо переговаривались.

— Вот ты командир, а наверх вылез. Не боишься — убьют, обезглавят твое войско? — заметил проводник.

Иван Игнатьевич, улыбнувшись, ответил:

— Убьют — значит убьют. Война ведь.

— А дальше как? Кто заместо тебя встанет?— допытывался старик.

— Дальше бригаду поведет заместитель. А в случае чего и ему замена найдется.

Иван Игнатьевич тронул старого казака за плечо.

— Нам с тобой, отец, не о смерти надо думать, а как незаметно к Дону добраться, похитрее обмануть немцев да ударить так, чтобы они ног не унесли.

— Истинно,— согласился старик.— Будьте спокойны, проведу, немец ни ухом, ни духом не почует.

Дорогу он указывал спокойно, обстоятельно. Иногда слезал с танка и на несколько шагов уходил во тьму. За всю ночь не было ни одной заминки, ни разу не сбились с невидимой дороги.

К 5 часам утра бригада обошла стороной сильно укрепленный врагом хутор Родионов и вышла к Дону. С крутого обрыва проводник указал на противоположный берег:

— Там хутор Вертячий.

Иван Игнатьевич тепло распрощался со старым казаком. Подождали отставшую пехоту, с которой бригада должна была действовать вместе. Потом спокойно перебрались через заледенелый Дон. Затемно миновали с тылу Вертячий и ударили по немецким переправам. С хо-

ду захватили два почти исправных моста. Бой у мостов был глухим и коротким, но весть о нем тотчас долетела до немцев, засевших в Вертячем и Песковатке. Не зная, откуда, как и какие силы русских прорвались к Дону, гитлеровцы, отбиваясь беспорядочно и бесцельно, в панике оставили оба хутора, бросив почти всю свою боевую технику. В Вертячем, где стоял штаб вражеской дивизии, танкистам достался исправный узел связи с действующей радиостанцией. А в Песковатке, где в трехъярусном подземном бункере помещался командный пункт корпуса, брошенный своим генералом, осталось около семидесяти танков, готовых к бою.

С рассветом операция закончилась. День отдохнули — и снова в поход...

Бригада, упорно ломая отчаянное сопротивление обреченного врага, вместе с другими нашими войсками, двигалась на восток, к Волге. Перед Новым годом танкисты несколько дней, поддерживая пехоту 173-й стрелковой дивизии, штурмовали вставший на пути к Сталинграду и господствовавший над местностью сильно укрепленный немцами Казачий курган. Это был последний серьезный рубеж, приторомозивший победоносное движение 91-й бригады. 13 января танкисты выбили немцев из Питомника, уже под самым Сталинградом. Немцы здесь держали основной аэродром, через который снабжалась окруженная группировка. Танкисты блокировали все подходы к нему. «И установили на аэродроме свою власть,— с усмешкой писал Батову Иван Игнатьевич.— Пропускали на аэродром машины с ранеными, но в упор расстреливали вражеские танки и бронетранспортеры с пехотой, посланные на выручку гарнизону аэродрома. Самолеты, которые садились, мы не трогали, а взлетать не позволяли». Так всю ночь танкисты Якубовского «хозяйничали» на аэродроме, битком набитом растерявшимися немцами. А утром подошла наша пехота.

Последнее письмо из Сталинграда Иван Иг-

натьевич написал 5 февраля 1943 года. Выкроился свободный час. Комбриг вырвал из полевой книжки чистый лист, заточил карандаш. Но и в этот раз письмо получилось похожим на телеграмму. Иван Игнатьевич сдержанно лишь поделился с близкими общей солдатской радостью:

Здравствуй, родная Зиночка, Феликс, Неллочка, мама!

После Сталинградской эпопеи нахожусь в тылу. Немцев разгромили, а остатки взяли в плен.

Рад безгранично, что участвовал в этом сражении, первым прорвал оборону под Сталинградом.

Хозяйство мое замечательное, получило благодарность от тов. Батова и от тов. Рокоссовского.

Прости, что мало писал последнее время, сама знаешь, где был и что делал. Меня можно поздравить с новым званием. Работы много, но говорят, справляюсь неплохо.

Привет всем.

Ян.

А через несколько дней бригада полковника Ивана Игнатьевича Якубовского погрузилась в эшелоны и отправилась на запад, под Орел, где ожидались новые сражения.

ПОДВИГ ПОСЛЕ БОЯ

На исходе августа 1942 года 36-я гвардейская стрелковая дивизия отражала яростный натиск фашистов на южных подступах к Сталинграду. Дивизионная газета «Гвардеец» в коротких информациях с передовой сообщала о тяжелых боях, добрым словом поддерживала дух воинов. Нередко на вражескую атаку наши воины сами отвечали мощным ударом и возвращали утраченные накануне позиции. Один из солдатских корреспондентов «Гвардейца» рассказывал: «Мы шли в наступление. Подразделение должно было продвинуться вперед, закрепиться на новом рубеже, оказать огневую поддержку соседу.

Немцы начали обстреливать нас из минометов и автоматов, но это не остановило гвардейцев. Знали они, что каждый метр земли, отбитый у немцев,— это шаг к победе».

Неизвестно, о каком подразделении шла в газете речь. Может, о стрелковом взводе младшего лейтенанта Ивана Дробкова из 104-го гвардейского полка? Его солдаты воевали так же: на атаку отвечали атакой, закреплялись на отбитом рубеже, помогали огнем соседу. Дрались умело и отважно, следуя примеру своего взводного.

Двадцатипятилетний Иван Дробков был опытным офицером. Он воевал на Халхин-Голе и там, говорили, вступил в единоборство с японским танком. Правда, малость помяло ему гусеница-

ми ноги, но танк он все-таки сжег, метнув в мотор бутылку с горючей смесью. Сам Иван Павлович о себе не распространялся.

Был он сдержан в часы затишья и яростен в бою. В нем кипела неистребимая ненависть к фашистским захватчикам. Ведь враг подошел к порогу его дома, где он родился, выучился, возмужал. В селе Верхний Балыклей его мать, односельчане с тревогой вглядывались в зарево пожарищ над Сталинградом и надеялись, что Иван Дробков со своими солдатами не пустит гитлеровцев за Волгу.

Он ясно представлял себе притихшее в тревожном ожидании родное село, ставшее прифронтовым, как в далеком, 1919 году. Тогда его защищал от белогвардейцев вместе с односельчанами отец Дробкова — Павел Васильевич, первый председатель Верхне-Балыклейского совдепа. Белобандитам удалось схватить председателя и верных его сподвижников и расправиться с ними, но Советская власть в Верхнем Балыклее, как и по всей стране, устояла и утвердилась. Односельчане поставили на площади, над братской могилой, где похоронены Павел Васильевич Дробков и его товарищи, памятник. Колхозный счетовод, Иван Дробков, уходя на фронт, поклялся над могилой отца, что не посрамит его памяти и чести, не отдаст родную землю врагу на поругание.

— Мы все вместе и каждый из нас в отдельности в ответе за судьбу Родины,— говорил он солдатам.

Так он и воевал. С таким чувством в сердце он поднял свой гвардейский взвод в ночную атаку перед первой сентябрьской зарей, в последнем в его жизни бою.

Он бежал впереди взвода. Вот уж близка линия вражеской обороны. Еще несколько шагов... Но огненный всплеск под ногами опрокинул его на сухую, горячую землю.

Очнулся он в госпитале. И увидел над собою озабоченное девичье лицо.

Нельзя привыкнуть к ранам и страданиям солдат. Скольких эта юная сестричка из полевого госпиталя за день боя перевязала, обласкала, утешила, приготовила к операции или, наложив свежую повязку, отправила в палату. Из-за каждого переживала даже больше, чем он сам. Девичье сердце на войне не черствело и никогда не было глухим, оно до конца оставалось нежным и чувствительным к чужой боли.

Иван Дробков не замечал ее слез, но чувствовал, как тяжелые капли падают на его пылающий лоб, и они казались ему освежающими. Он ответил сестричке благодарным взглядом, но не мог произнести ни одного слова.

Потом над ним склонились хирурги. Их он уже не видел... Очнулся лишь в большой палате, в бывшем школьном классе, в котором вместо парт стояли скрипучие топчаны и койки и чернела на стене забытая классная доска.

Три дня он приходил в себя и упорно собирал покидавшие его силы. Нужно было двигать руками, пальцами, потому что он мог объясняться только знаками.

Сестра почти не отходила от его койки. Знаками он попросил у нее бумагу и карандаш. Она подала ему чью-то полевую книжку, открыв чистый лист. С ее помощью он, превозмогая боль, приподнялся. Она подсунула ему под спину подушку, и так, полусидя, он принялся за письмо.

Он писал медленно, обдумывая каждое слово. На бумагу одна за другой ложились строчки, четкие и стройные, словно писал он не письмо, а, как бывало колхозным счетоводом, отчеты, вызывая у председателя восторг необыкновенно красивым почерком.

3.9.42 г. **От вашего сына Дробкова И. П.**

Здравствуйте, мама!

В начале своего письма спешу вам сообщить, что я жив, но не здоров, т. е. нахожусь в госпитале, ранен.

Мама, в начале письма передаю вам свой командирский привет и желаю вам всего доброго в жизни. Еще мой привет и самые лучшие пожелания сестрице Марусе.

Мама! Мне как-то «везет» в боях, обязательно ранят,

гады. В 1939 году ранение у меня было легче, чем сейчас, сейчас, наверное, вы меня не угадали бы.

Ранен я 1 сентября 1942 г. ночью, когда пошли в атаку. Мина разорвалась возле меня в 3-х метрах. Воздухом меня подбросило, а потом я упал. Осколком мне перебило нижнюю челюсть пополам, выбило 4 зуба и ранило язык. В общем, лицо изуродовало. Я не рассчитывал, что останусь жив. Черт его знает! Мне просто «везет». Кроме этого, контузило. Не вертится моя голова ни в ту, ни в другую сторону. Вот уже трое суток я не могу ничего взять в рот, даже каплю воды не в состоянии проглотить. Это я вам описал все, чтобы вы не придумывали ничего лишнего.

Правда, хотя и тяжко мне, но врачи хорошие, вылечат...

Да, он твердо верил — вылечат. Потому что ему еще надо было вернуться на фронт, под Сталинград. Там было трудно в эти дни, и он нужен был в своем взводе.

Состояние его было тяжелым, но не безнадежным, как считал он сам. Тревожила только мысль: каким он останется, вылечившись:

Я боюсь, как бы я не остался немым. Но врач уверяет, что я буду говорить.

Сперва я был в Бекетовке, а сейчас напротив Сталинграда, в госпитале.

Он старался успокоить родителей:

Ничего, мама, не грустите. Фрицы крепко поплатятся за это. Я им тоже дал перцу из автомата, их прежде меня легли десятки...

Конечно, после серьезного ранения полагался бы отдых. Таких даже увольняли по чистой. Но Иван Дробков не думал покидать строй, он после госпиталя не собирался даже в краткосрочный отпуск: не такое было время. Сперва надо изгнать врага с родной земли.

Рука немела, кружилась голова. Он отдыхал и продолжал решительно и твердо:

Вылечусь, обратно поедем воевать до последнего. В отпуск теперь не придется лишь потому, что обстановка не терпит.

Все же не забывайте. Будете ждать — обязательно вернусь домой после войны.

На этом кончаю писать. Остаюсь верный ваш сын Дробков Иван Павлович.

Но не вернулся больше на фронт гвардии младший лейтенант Иван Дробков. Ни искусство врачей, принимавших все возможные меры, ни самоотверженность и сердечная забота палатной сестры не могли остановить неотвратимое наступление смерти. Он умер 9 сентября.

Его похоронили в братской могиле на городском кладбище в Ленинске, на берегу Ахтубы, которая, отделившись от Волги, начинала свой стремительный бег к морю как раз напротив сталинградских причалов, и ее светлые воды проносили мимо тихого степного городка грозный отблеск сражающегося Сталинграда. Остались после Ивана Дробкова память, несколько фотографий и письмо из госпиталя, наполненное неистребимой жизнью.

Так случилось, что и похоронка, извещая о смерти, утверждала жизнь. Госпитальный писарь за отсутствием бумаги выписал извещение о кончине Ивана Дробкова на обороте листа письменного экзамена по алгебре, аккуратно выполненного неизвестным выпускником местной семилетки. Учительница высоко оценила эту работу, поставив красными чернилами «отлично».

Так на одном листке из школьной тетради сошлись две судьбы — ученика из города Ленинска, перед которым открывалась широкая дорога в жизнь, и воина, до последнего вздоха защищавшего эту прекрасную жизнь.

ТАКОЕ ВРЕМЯ— ВОЙНА

Для сверстников он навечно остался Петей, Петяней. В армейских документах он числился Петром Петровичем Харченко, рядовым 112-го гвардейского стрелкового полка 39-й гвардейской стрелковой дивизии. Он оставил нам только написанную для военкомата автобиографию и солдатские треугольники о своих первых шагах в самостоятельной жизни на дорогах войны.

Автобиография

Мой отец родился в селе Харькивцы Полтавской губернии в бедной крестьянской семье. С 9 лет стал у попа пастухом, потом пас сельский табун. В 14 лет поступил к маляру-живописцу мальчиком и пробыл у него 3 года. Потом с 17 лет работал по наймам на Украине у разных подрядчиков.

В 1911 году приехал в город Троицк, тут также стал работать по найму маляром. В 1915 году был взят на германскую войну, служил рядовым солдатом до 1918 года. В годы гражданской войны ездил с продотрядом, который заготавливал по продразверстке хлеб. А с 1921 года начал работать в клубах и кинотеатрах живописцем.

Мать родилась тоже в бедной семье и с ранних лет до 1918 года была прислугой в богатых семьях. В 1918 году вышла замуж за моего отца и стала домохозяйкой, а затем работала в кинотеатре старшим контролером.

Я родился в 1924 году, 21 июня, в городе Троицке Челябинской области. С 8 лет пошел в школу. В 3 классе вступил в пионеры, до 7 класса был пионером, звеньевым. В 1939 году вступил в комсомол, был пионервожатым в 3 классе. В школе меня избирали в учком, редактором школьной газеты.

В дни Отечественной войны писал плакаты в госпитале, рисовал панно в Красном городке, за что получил письменную благодарность от комиссара.

Имею четыре оборонных значка: ПВХО, ГТО, ГСО, ВС.

Петр Харченко

9. 3. 42 г.

Отцу, в г. Троицк Челябинской области

Добрый день, папа и Володя. Я прибыл в Челябинск, и нас направили на сборный пункт. Здесь мы закусили, ну, и, кажется, должны ехать дальше, куда — неизвестно. Ходят слухи — в Саратов.

Сейчас пока все.

П. Харченко.

13. 3. 42 г.

Из Челябинска нас везут дальше, проехали Златоуст, приближаемся к Уфе. Едем в теплушках, народу много.

Учиться будем три месяца. А потом — воевать. Может быть, долго не буду писать.

Петр.

22. 3. 42 г.

Сегодня полмесяца, как я в дороге. Наш эшелон большой — с бронепоездом и зенитными пулеметами. Посмотрел по пути много всяких танков. Все станции большие посмотрел. Время как-то проходит быстро.

Петр.

7. 4. 42 г.

Я уже прибыл в часть и ношу военную форму. Одно плохо, что далеко от дома. Немного скучаю, особенно, папа, о тебе.

Нахожусь недалеко от Москвы. Живем в деревне. Попал к хорошей хозяйке, дала мне койку, подушку и одеяло.

Привыкаю к армейской жизни. Встаю в 6 часов. Весь день занимаемся. А в 11. 30 ложимся спать. Нас обмундировали, дали по две пары нижнего белья, гимнастерку, сапоги, ватные и летние брюки. Кормят нас ничего, правда, хлеба немного не хватает, но я уже привык.

Папа, пришли мне свою маленькую фотокарточку, а то я по тебе очень скучаю.

Володя, у меня к тебе просьба. Если Галя не уехала, то передай ей мой адрес. Скажи, что не знал я: уехала она или нет. Пускай напишет мне...

Петр.

12. 4. 42 г.

Так как сегодня выходной, то решил написать письмо, а в такие дни все время с утра до вечера занимаемся.

Первое время приходилось трудновато, в будущем, наверное, привыкну.

Нас всех, троицких ребят, распределили в разные части. Я попал с ребятами из других районов. От Москвы мы в 48 километрах.

Харченко.

15. 4. 42 г.

Матери, в с. Банновку Федоровского района Кустанайской области.

Мамочка, я уже теперь боец Красной Армии. И занимаюсь боевой и политической подготовкой, чтобы бить в будущем гитлеровских молодчиков. Конечно, первое время приходится трудно, так как с 6 часов утра и до 11 часов вечера на ногах. Но все эти трудности я преодолею. После войны, мамочка, опять мы увидимся. Скоро свернем Гитлеру голову.

Жаль, мама, что я тебя не видел, когда уходил в Красную Армию. Но ты не расстраивайся, скоро снова увидимся...

Попал я к хорошим людям.

Весна здесь какая-то поздняя. У нас уже, наверное, снегу нет, а здесь еще не весь растаял, хотя уже 14 апреля.

Петр.

19. 4. 42 г. **В Троицк**

Поздравляю с Первым маем и желаю его встретить хорошо.

У нас снег растаял, и на улице уже совсем весна. Теплые стали деньки, и Москва-река разлилась.

Сегодня весь день занимаемся строевой подготовкой. Готовимся к Первомайскому параду. Почти каждый день бывают походы, трудновато приходится.

Ты, папа, наверное, сейчас огородами занят. Да, сейчас надо овощей посадить.

Володя, напиши, как ты перешел в 6-й класс. Ты учись пока, это потом пригодится.

Немного здесь рисую. Да, папа, хорошо, когда имеешь хоть какую-нибудь специальность — всегда пригодится, где бы ты ни был. Плохо тому, кто ничего не умеет делать.

Петр.

28. 4. 42 г.

Я уже принял присягу, чтобы в дальнейшем, а это уже скоро, сражаться с гитлеровскими захватчиками и бить их за все злодеяния, которые они нам причинили.

Я посылаю фото, сделанное в первые дни службы. Жаль, фотограф плохо снял. Ну, ничего, можно посмотреть.

Петр.

17. 6. 42 г.

Живем в военных лагерях. Занимаемся крепко. Бывают ночные походы. Пройдем километров 35—40 — и ничего. Ко всему как-то привыкаешь, хотя и очень трудно приходится. А сегодня совершил то, о чем никогда не мечтал. Сделал прыжок с парашютом с высоты 600 метров. Моя очередь была второй, прыгнул, как в пропасть полетел. Секунда — и раскрылся парашют. Эх, как сразу стало весело, даже песню запел в воздухе. Скоро придет пора,

на голову Гитлера будем приземляться. И бить его, как самую последнюю сволочь...

Петр.

5. 7. 42 г.

Очень извиняюсь, что редко стал писать. Сейчас такое время — война. Надо учиться, времени мало, только на сон да на еду остается.

В скором времени, наверное, поедем на фронт.

Петр.

7. 8. 42 г.

Вчера нашей части присвоили звание гвардейской. Значит, теперь я — гвардеец. Привезли значки, которые прикрепляются на правую сторону гимнастерки, как ордена.

Сегодня собираемся. Уложили все вещи, получили патроны и должны через несколько часов отправиться на фронт.

Вот теперь мы, гвардейцы, дадим перцу Гитлеру.

Петр.

24. 8. 42 г.

Вот уже несколько дней я нахожусь на фронте. Бью немецких захватчиков в Донских степях. На южном фронте — Сталинградское направление. Одно здесь плохо, что на большом расстоянии деревни встречаются очень редко. Некоторые хутора походят на украинские, такие же, в садах.

Несколько раз ходили в бой. Одной ночью подбили штук десять автомобилей противника.

Теперь придется повоевать, а как разобьем фашистов и встретимся вновь, многое я расскажу вам. За свои юные годы придется много пережить и испытать, зато будет легко для жизни в будущем. Не будь войны, я, как и другие, пошел бы в кино или в сад, погулял бы, но время сейчас другое.

Ну, ладно, размечтался.

До свидания.

Петр.

28. 8. 42 г.

Сообщаю, что я нахожусь на Сталинградском фронте, где сейчас идут самые тяжелые бои. Я уже имел несколько схваток с врагом. Но еще много мне предстоит пережить впереди.

Петр.

Это было последнее письмо от Пети Харченко. Некоторое время спустя родители получили извещение из военкомата: 31 августа 1942 года солдат Петр Харченко погиб в бою.

112-й гвардейский стрелковый полк, в котором

воевал солдат Петр Харченко, входил в состав прославленной 39-й гвардейской дивизии. Ею командовал генерал-майор Степан Савельевич Гурьев.

Дивизия сформировалась в самом начале августа 1942 года. В нее влились и части 5-го воздушно-десантного корпуса, в котором Петя Харченко принял воинскую присягу.

* * *

Последние два письма он написал в дни тяжелых боев на ближних подступах к Сталинграду. 23 августа немцам удалось прорвать фронт советских войск на левом берегу Дона и переправиться через него у хутора Вертячий. Гвардейцы напрягали силы, чтобы сдержать натиск превосходящих сил врага. В этих боях, в беспрерывном движении массы войск, когда все путалось и мешалось, словно в водовороте, и сгинул солдат Петр Харченко.

Гвардейцы дрались, покуда были патроны и снаряды и руки могли держать оружие. Но редели батальоны, их остатки сводили в роты, во взводах оставалось по пять-шесть бойцов, и командовали ими сержанты, а то и рядовые бойцы.

Однако полевая почта действовала исправно: отправляла письма с фронта, доставляла ответные на огневые позиции и в блиндажи. Разносили аккуратные конвертики, хранившие запах домашнего тепла и уюта, и собирали пропахшие пороховой гарью треугольники солдаты-почтари, двигаясь то бегом, то ползком, то на попутной повозке или орудийном лафете. В такой же сумке выбирались из огненного ада, чтобы потом попасть в железнодорожный почтовый вагон, и письма генерала Гурьева. Он писал домой о том же, о чем и его солдат Петр Харченко: о тяжелых боях, о кипевшей в груди ненависти к

врагу и о твердой вере в нашу победу, которую добывал он, не щадя и своей собственной жизни.

6. 11. 42 г.

Здравствуйте, мои милые Мусенька, Кларочка, Иночка и Томик!

Ваш папа на улицах Сталинграда беспощадно уничтожает немецких захватчиков. Победа будет за нами. Октябрьский привет от всех и всем знакомым.

Гурьев.

На исходе сентября 39-ю дивизию, обескровленную и измотанную, вывели в резерв. Она пополнилась, отдохнула и в ночь на 1 октября вновь переправилась в сражающийся Сталинград. Гвардейцы заняли полуразрушенные корпуса металлургического завода «Красный Октябрь», превратили завод в неприступный бастион и стояли на своем рубеже до победного дня.

19. 12. 42 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Воюем и живем хорошо, здоровье оберегаем.

Людей растерял много. Но сейчас сколотил дружный коллектив снова. Немцы теперь стали другие, теперь научились бегать и сдаваться толпами в плен.

С. Гурьев.

22. 1. 43 г.

Здравствуйте, милые мои!

Уничтожение окруженной немецкой группировки идет успешно и должно скоро окончиться. Мы продолжаем уничтожать немцев в заводском районе. На днях сообщит радио о полном освобождении Сталинграда от немецких оккупантов. Очевидно, с окончанием операции в Сталинграде нас выведут из боя, но куда — потом сообщу.

Ваш Гурьев.

...Они были однополчанами, солдат Харченко и генерал Гурьев. И возможно, генерал Гурьев не знал лично рядового Петра Харченко, но солдат не раз видел своего комдива, много слышал о нем, опытном и требовательном наставнике, по-отечески заботливом и справедливом. Генерала Гурьева любили в дивизии, и ав-

торитет его был высок. Он сумел воспитать своих солдат стойкими и отважными, внушив им сознание священности долга перед Родиной в час нависшей над нею опасности. «39-я гвардейская стрелковая дивизия,— вспоминал впоследствии в книге «Начало пути» Маршал Советского Союза В. И. Чуйков,— много дней обороняла завод «Красный Октябрь», ее бойцы отступления не знали».

В Сталинграде и солдат и генерал дрались с врагом бок о бок, и передовой рубеж, который отстаивал с автоматом в руках Петр Харченко, пролегал перед порогом генеральского блиндажа. Битва в Сталинграде уравняла генерала и солдата перед лицом опасности, и тяготы и смертельный риск выпали им одной мерой.

В тех боях, как писал жене Степан Савельевич Гурьев, его дивизия понесла большой урон. Погиб и солдат Петр Харченко. А генерала смерть обошла, и он после разгрома врага в Сталинграде повел своих гвардейцев на запад, и в новых боях 39-я умножала свою гвардейскую славу. И донесла до самого Берлина свое боевое знамя, увенчанное четырьмя орденами, которых она удостоилась за отвагу, стойкость и воинское искусство. Но не дожил до дня Победы Степан Савельевич Гурьев.

В июне 1944 года его назначили командиром 16-го гвардейского стрелкового корпуса, который освобождал от немецко-фашистских оккупантов Белоруссию, затем участвовал во взятии Кенигсберга. За умелое командование и личную храбрость, проявленные при взятии Кенигсберга, Степан Савельевич Гурьев был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Погиб он 22 апреля 1945 года, командуя сражением за порт Пиллау, последний оплот гитлеровцев в Восточной Пруссии.

В память об отважном генерале в Калининградской области назван его именем город — Гурьевск. В Волгограде его имя носит одна из улиц в Советском районе.

«СТРЕМЛЮСЬ УЧАСТВОВАТЬ В БОЯХ»

Мать — о дочери

Люся родилась 23 февраля 1925 года и росла подвижной, всегда играла с мальчишками. Была настойчивой в достижении своих желаний. Когда началась война, она оставила школу и пошла на курсы медсестер. С гордостью подала мне справку о том, что «гр. Истоминой Людмиле Федоровне присваивается звание медицинской сестры с правом работы в гражданских и военных лечебных учреждениях».

После окончания курсов Людмила стала работать в местном, барнаульском, госпитале, но ей казалось, что тут она приносит мало пользы, и она стала проситься на фронт...

Начальнику 1 части горвоенкомата тов. Сахарову

Заявление

Прошу принять меня в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и зачислить в часть. Имею специальность медсестры. Я буду всеми силами помогать выздоровлению раненых бойцов и возвращению их на фронт с новыми силами для разгрома гитлеровской банды.

28 марта 1942 г. Барнаул.

Медсестра Истомина.

Мать — о дочери

...Людмиле трижды отказывали в военкомате. Но она не отступала от своего. Воспользовавшись однажды отлучкой военкома, подала заявление не знавшему ее офицеру, исправив в справке свой возраст и став «старше» на три года. Ее приняли.

Скрыв это от меня, уже 2 апреля 1942 года она уехала на фронт.

29. 4. 42 г. **Матери, в Барнаул**

Я чувствую, что идет час разлуки, но не знаю, на время или совсем придется нам расстаться с тобой. И нужно нам расстаться хорошими друзьями. Но если я даже погибну на поле боя, то знай, что я погибла за Родину. Ведь ты знаешь, что я пошла добровольно и что я готова драться до последней капли крови и положить свою голову за жизнь любого нашего солдата, если это потребуется. Жалеть меня не надо. Гордись, что твоя дочь пошла добровольно...

Целую крепко, твоя дочь Люся.

10. 6. 42 г.

Пишу с дороги. Ночью нас встретили немецкие бомбардировщики, но наши зенитки их отбили. Сегодня ночью сделаем остановку на пару дней для снаряжения. Нам дадут санитарные сумки и шаровары и поведут в баню, потом дадут отдохнуть и поедем дальше. Через четыре дня пойдем в бой. Дальнейшая моя судьба неизвестна. Буду жива или ранят, а может и убьют, я в бою не струшу, буду, как надо, оказывать помощь раненым бойцам и командирам и драться буду вместе со всеми до полной победы над коварным врагом, до полного разгрома фашизма.

Мамочка, я тебе даю слово, что буду геройски выполнять свое дело и вернусь с победой обязательно. Я только тебя прошу об одном: не плачь, не беспокойся обо мне...

Люся.

12. 6. 42 г.

Пока остановились в Сталинградской области, в селе Липовке, возле Камышина, и, наверное, нам придется задержаться здесь.

Ты напрасно переживаешь и плачешь, на фронт, по-видимому, мы попадем не скоро. Из нашего батальона 20 девушек посылают по госпиталям, и я попадаю в их число.

Люся.

23. 6. 42 г.

Спешу тебе сообщить о том, что я перехожу в санбат и адрес у меня будет другой, но еще не знаю, какой. Как только узнаю, сейчас же сообщу.

Сейчас идет дождь, и я пишу письмо и думаю, как ты там живешь. Завтра мы идем на Волгу. Волга река хорошая, красивая и очень широкая. Я впервые в жизни видела, как по Волге идут пассажирские пароходы.

Люда.

24. 6. 42 г.

Мамочка, сейчас пришла из похода и получила от Павлика письмо. Оказывается, он попал раньше меня на фронт, несмотря на то, что он после ранения.

Чувствую себя хорошо. Кормят нас достаточно, мне хватает, а если нет, то я покупаю, например, молоко, яйца — здесь это дешево.

Я очень довольна, что мне выпала такая честь — участвовать в Отечественной войне и иметь звание фронтовика.

Мамочка, даю тебе честное слово, что я вернусь с фронта обязательно с орденом или значком за отвагу...

Прошу тебя об одном: не плачь, не переживай. Я тебе сочувствую, как тебе тяжело остаться одной в чужом краю.

Ну, что же, переживем. Вот нашу Одессу освободят, я приеду за тобой, и мы поедем домой вместе.

Твоя дочь Люда.

17. 7. 42 г.

Здравствуй, дорогая мамуля!

Я живу очень хорошо, но в следующий раз напишу подробнее о моей жизни. Сейчас не имею времени, потому что получаем сумки санинструкторов, и я готовлюсь пройти комиссию. Работаю много, но спать ложусь вовремя и с работой справляюсь. Немного устаю, но наутро усталости не чувствую.

Твоя дочь Люда.

14. 7. 42 г.

Дорогая мамуля!

Меня перевели в транспортную роту. На самой передовой я находиться не буду, а за несколько километров. Конечно, это меня не очень радует. Ты сама знаешь, как я стремлюсь участвовать в боях, на передовой. Но думаю, успею и там побыть и вернусь домой с полной победой, жива и здорова.

Работа моя такая: утром в 5 часов должна составить сводку о санитарном состоянии. Слежу за чистотой на конном дворе и в палатках, где спят бойцы. Потом немного отдыхаю. После обеда проверяю на кухне, чистые ли котлы. После 18 часов веду прием больных. А после ужина — отбой, ложусь спать. А там начинается новый день. И все повторяется.

Вот только теперь я почувствовала, что моя учеба не пропадет даром, как она пригодилась!

Люда.

27. 7. 42 г.

Здравствуй, дорогая мамуся!

Я тебе не могу передать, как я была рада, получив от тебя письмо. Я как раз сидела и убирала у себя в аптечке и готовила растворы, и в это время Нюся Кораблева, с которой мы вместе занимались на курсах, принесла мне письмо. Поверишь, как у меня на душе сразу стало легко и весело и работа в руках загорелась...

Мы уже перешли на фронтовой образ жизни. Мне нравится красноармейская жизнь, и я скоро к ней привыкла...

Люда.

21. 8. 42 г.

Милая моя мамуся!

Я тебе не могу передать, как я вчера переживала, когда на нас налетели самолеты и немецкие летчики строчили из пулеметов на бреющем полете. Я лежала, и мое бедное сердечко забилось в пятки...

Теперь сообщу, что скоро пойдем в бой, писать нет времени.

Твоя дочь Люся.

Многоуважаемая гр. Истомина Н. А.

Сообщаю, что ваша дочь Истомина Людмила, 1922 года рождения, 3 сентября 1942 года поступила в госпиталь № 871 ввиду ранения пулей в правое бедро и живот. 3 сентября ей была произведена операция, и в тот же день вследствие шока и обширной травмы кишечника она умерла. Похоронена в совхозе «Питомник» Краснослободского района Сталинградской области на сельском кладбище.

Зав. делопроизводством ППГ 871
техник-интендант 2 ранга

(подпись)

Мать в 1949 году нашла могилу дочери. На ней воздвигнут памятник — девушка-воин с венком в руках. За могилой Людмилы Истоминой ухаживают ученики краснослободской средней школы № 4.

С БОЕВОГО ЗАДАНИЯ НЕ ВЕРНУЛСЯ

Начальнику горотдела
милиции г. Аккермана

Прошу срочно выдать пропуск жене военнослужащего 54-го авиационного отряда ПВО Андрющенко Матрене Тихоновне на право выезда из г. Аккермана в г. Херсон.

Адъютант 54 АО ПВО
ст. лейтенант Козаредов.

7 июня 1941 г.

25. 6. 41 г.

Жене, в Херсон

Может, ты мне писала в Аккерман, но я с 22-го числа в Аккермане не был, так что твое письмо не получил. Я все время без выезда нахожусь на аэродроме. Бомбить противника пока еще не летал, но летаю в тыл с разными донесениями. Эта работа, конечно, временная у меня. Ждем, что нас переведут в какую-нибудь большую часть, а там будем летать, бомбить. Самочувствие у меня хорошее, настроен по-боевому.

22-го нас дважды бомбили, но без результата... Вражеские самолеты летают и днем и ночью. Так что спим прямо в степи, около вырытых ям, где можно укрыться от самолетов противника...

Бои идут ожесточенные в 100 километрах от нас. Ты, наверное, по радио, из газет это знаешь.

Пиши мне пока в Аккерман «до востребования». Может, я туда как-нибудь попаду...

Беспокоиться обо мне нечего, потому что сейчас общая мобилизация и воевать надо. Так что скоро я буду летать на боевые задания.

Любящий тебя Василий.

18.10.41 г.

Жене, в Сталинград

Поздравляю тебя и сына, ведь 29-го Герке будет три года! Наверное, он большой вырос...

Мои дела идут хорошо. Это письмо я посылаю тебе со

станции, которая находится между Ростовом и Сталинградом. Обучаюсь тут работать ночью. Учеба продлится не меньше месяца, потом — на фронт.

Василий.

12.12.41 г.

Живу в Котельниково, уже работаю ночью, скоро, наверное, поедем на фронт: сдавать экзамен. Надеюсь, что еще уничтожу не одну сотню фашистов и, если придется, жизнь свою положу с гордостью и достоинством. Но постараюсь остаться невредимым и увидеть тебя с сыном.

Василий.

28.1.42 г.

Писал редко потому, что много работы. Я теперь помощник командира, работы прибавилось, и летать приходится много...

Пиши чаще. В Котельниково мы, наверно, еще долго будем.

Василий.

3.3.42 г.

Жене, в Среднюю Ахтубу, Сталинградской области

Меня не было долгое время в Котельниково, я был на фронте. А 28-го прилетел и уже никого здесь наших не застал — уехали в другое место. Мне тоже предстоит переезд, и буду проезжать через Сталинград. Так что ты возвращайся в Сталинград, к отцу, и там жди меня. Если поезд будет долго стоять, то забегу, и мы повидаемся...

В другом месте мы еще немного подучимся и дней через 15 совсем на фронт...

Василий.

16.3.42 г.

В Сталинград

Вот сегодня и я прибыл в назначенное место... Жаль, что первая наша встреча была так коротка... И больше того жаль — сына не повидал. Ты там расскажи ему, что меня видела, чтоб не забывал своего отца. Но разлука необходима. Ведь если мы не разобьем фрицев, то они истребят всех нас. А ты и сама сейчас знаешь из газет, что успехи на нашей стороне. Я тоже на днях понесу на своем скоростном самолете смертоносный металл на их голову. Мы — большевики, и мы победим.

Василий.

31.3.42 г.

Пишу тебе с того места, куда я улетал из Котельниково. А улетал я в 8-й гвардейский полк, в тот же, в котором был в начале войны. Итак, я теперь — гвардеец и фрицев буду бить по-гвардейски. Будь спокойна и не сомневайся во мне. И сыну скажи, что я — гвардеец, пусть и он будет таким, как я...

Усиленно учусь, буду действовать днем.

Василий.

8.4.42 г. **В Среднюю Ахтубу**

Как хочется посмотреть на сына. Он, наверное, уже большой, много балуется, наверно, будет такой, как отец. Так и не пришлось мне купить ему велосипед. Если сможешь, купи сама и скажи «от папы».

Сейчас я живу на полевом аэродроме. Устроен хорошо, в тепле, сыт. Со мной много наших: Патрин, Масляников. Патрин теперь трижды орденоносец и скоро будет Героем. Одним словом, ребята бомбят гитлеровцев крепко. И будем бить их еще злее, чтобы отомстить за все их злодейства.

Василий.

15.6.42 г. **В Сталинград**

На работу тебе надо бы устроиться. Все-таки в работе и время быстрей проходило бы, да и нам тем самым помогала бы скорее разгромить врага.

Я сегодня летал, бомбил немцев. Дела идут пока хорошо. Следи, скоро выпустят новую кинокартину под названием «День Отечественной войны». Когда будешь смотреть ее, увидишь меня. Это в том месте, где к севшему с раненым летчиком самолету бегут другие летчики, затем они переносят раненого товарища в санитарную машину. Потом, 13 числа, снимали вручение знамени нашему 8-му гвардейскому полку, а 15-го кинооператоры летали с нами на боевое задание и снимали нас в воздухе в момент, когда мы сбрасывали бомбы и когда возвращались в строю. Смотри и знай, что среди других — твой муженек: мой самолет двухмоторный, с двумя хвостами. Надеюсь, что и нам доведется посмотреть эту картину.

С тех пор, как я стал сам летать и бомбить, у меня настроение поднялось. Смотри за сынкой. Пусть он мне тоже напишет письмо, я почитаю.

Василий.

18.6.42 г. **В Среднюю Ахтубу**

...Рад, что я могу уничтожать фрицев своими бомбами. Я им, сволочам, отомщу за близких моих, за всех погибших товарищей.

Василий.

25.6.42 г.

Сегодня нелетная погода. Видишь, у меня под карандашом строчки расплываются: идет мелкий дождик, но мы сидим у самолетов. Ждем, когда улучшится погода, чтобы опять лететь на бомбежку. За эти дни я уже отвез фрицам тонн десять бомб. И удары будем усиливать с каждым днем. Работа у нас напряженная. С 4 часов утра до 9 вечера все возле самолетов. Спим мало, но усталости не чувствуем. Только растет ненависть к врагу...

Василий.

9.7.51 г. **Андрющенко Г., в Сталинград**

Дорогой Гера!

Ты хочешь узнать о месте гибели твоего папы. К сожалению, в настоящее время не могу тебе этого сообщить, т. к. нет его сослуживцев, и не удалось установить по документам.

Ясно одно, что твой папа погиб смертью храбрых, защищая нашу любимую Родину.

Будь достоин своего отца, учись хорошо, чтобы ты, Гера, мог с честью служить нашей прекрасной стране.

Заместитель командира по политической части
Харламов.

* * *

Гера, Герман Васильевич Андрющенко, о котором писал в своих письмах летчик, вырос, гордясь своим отцом, окончил институт и стал работать на небольшом авторемонтном заводе сменным механиком. Его трудолюбие и инициативу заметили, назначили начальником отдела. На заводе он стал коммунистом, и вскоре ему оказали высокое доверие — избрали секретарем заводского партийного бюро.

ШЕСТЬ ДОКУМЕНТОВ— И ВСЯ ЖИЗНЬ

Справка

Выдана тов. Мазалову Ивану Антоновичу в том, что он действительно работал с 24/XII—40 г. по 28/X—41 г. помощником маркшейдера при шахте № 72 треста «Товарковуголь», производя все виды маркшейдерских работ, что и удостоверяется.

Зав. шахтой

(подпись)

Справка

Призывник 1923 года рядового состава Мазалов Иван Антонович Товарковским райвоенкоматом призван и отправлен в Красную Армию по очередному призыву в марте 1942 года.

Военный комиссар
Товарковского района
Тульской области

(подпись)

18.9.42 г. **Матери, в Богородицк Тульской области**

Здравствуйте, мама, Петя, Ера, Нюра, бабушка, Таня, Нина! Письмо от вашего сына, внука и брата.

Мам! Это письмо я пишу, лежа в окопе, под звуки разрывающихся снарядов. Я пока жив, здоров и невредим. Нахожусь на защите нашего славного Сталинграда. Уж скоро два месяца, как я с оружием в руках защищаю свое Отечество.

Мам! Были в одном полку со мной Павел, который пропал без вести, и Филипп Гетманец... Защищать приходится каждую пядь земли. Уже два раза выходили из окружения. Условия первый месяц были плохие: кормили хорошо, но не было воды. Кругом степь и степь. Деревня от деревни стоит на 20—30 км, да и в них осталось по 10—30 домов.

Сейчас нахожусь около Волги. Эх, как хороша она, когда посмотришь с бугра! А особенно хороша при закате солнца: изумрудный блеск воды сливается с бархатной бахромой деревьев...

С фронтовой жизнью свыкся. Несмотря на разрывы снарядов, мин и бомб, все же о вас думка не выходит из головы. Только и посмотрю что на ваши фотокарточки, и больше ничего. Сердце замирает при мысли о вас.

Мам! Чаще пишите письма. Это облегчает мои трудности.

Извините, что не писал вам письма долго. Нет времени. Ну, ничего. Буду стараться сообщать почаще.

Пока до свидания. Ваш сын курсант Мазалов.

28.9.42 г. **Брату, в Богородицк**

Здравствуй, мой меньшой дорогой братишка Ерочка!

Шлю свой пламенный фронтовой привет и желаю самых наилучших успехов в твоей жизни и отличных успехов в учебе. А еще желаю самого крепкого здоровья.

Дорогой братишка Ерочка! Письмо я твое получил 26/IX—42 г., которому был до слез рад и за которое без границ благодарен... Сообщаю, что я пока жив и здоров и продолжаю бить черную фашистскую сволочь, напавшую вероломно на нашу миролюбивую Родину и нарушившую нашу счастливую мирную жизнь.

Дорогой Ерочка! Я сейчас нахожусь на защите нашего славного города Сталинграда и гордо бурлящей матушки-реки Волги.

Несколько советов тебе, Ерочка! 1. Учись только на хорошо и отлично. 2. Помогай матери, не давай ей делать лишнюю работу. 3. Будь послушен, не дожидайся, чтобы тебе говорили одно и то же несколько раз. 4. Будь дисциплинирован. 5. Береги одежу и обувь и тем самым облегчай заботы матери.

Несколько слов братишке Пете. Я обиделся на тебя, Петя. Даже чужие люди шлют мне письма, а ты, родной братишка, не смог написать мне несколько слов, что для меня теперь самое дорогое. Я думаю, ты исправишь свою ошибку и будешь мне писать регулярно, не дожидаясь ответа. Знай, что каждое мое слово написано в дыму рвущихся снарядов и мин и пахнет порохом. Ты, наверное, поймешь из этих слов, как я могу часто писать письма. Прочитайте это письмо с Ерочкой и подумайте. Те советы, которые я писал Ерочке, относятся и к тебе.

Писать кончаю, шлю свой пламенный фронтовой привет маме, бабушке, Нюре, Тане, Нине.

Пока до свидания. Остаюсь вашим верным братом.

Иван.

Полевая почта 1576, 1-й курсантский полк, взвод связи.

5.10.42 г. **Матери, в Богородицк**

Действующая армия.

Полевой госпиталь.

Здравствуйте, мама, Петя, Ерочка, бабушка, Нюра, Таня, Нина!

В первых строчках своего письма сообщаю, что пока жив, но злодейская пуля вывела из строя. Ранение легкое, в левую руку, сквозное, неопасное, кость не задета. Так что беспокоиться за меня нечего. Ранили в 4 часа вечера второго октября, когда мы шли в наступление. Враг в панике бежал. Оставил много трофеев, особенно барахла. Одеялами были заполнены все окопы. Так что мы одеялами огрузились. Конечно, мне не пришлось одеваться ими на фронте, а немножечко подальше от фронта. Кормят нас три раза в день. Пища хорошая. Хлеба дают 800 граммов. Живем в палатках.

Мама! Не знаю, дошли ли мои письма до вас, но я послал вам уже два письма и от вас получил и был рад без границ. А письмо от Ерочки довело меня даже до слез. От радости у меня слезы навернулись. Я ему в школу послал письмо. Получил также письмо от Тани. И от Маруси и Полины, которые меня ругают, что я мало пишу писем. Свою ошибку я исправил и пишу вам письма регулярно.

Пока до свидания. С приветом ваш сын Иван Мазалов.

6 февраля 1947 года

Извещение

Мазаловой Марии Павловне.

Ваш сын солдат Мазалов Иван Антонович в боях за социалистическую Родину, находясь на фронте, пал смертью храбрых в декабре 1942 года.

Богородицкий райвоенком.

* * *

Так и вошел в бессмертие Иван Мазалов скромным, рядовым героем Сталинграда. Никаких других документов о нем отыскать не удалось.

ПЕРЕД ПЛЕНЕНИЕМ ФЕЛЬДМАРШАЛА

1.2.43 г. **Брату, в Ленинград**

Вчера я принял участие в последнем акте Сталинградской эпопеи. Фельдмаршал германской армии Паулюс взят в плен. С ним 11 генералов и около 45 тысяч офицеров и солдат. Я имел удовольствие принять капитуляцию от командира 14-й танковой немецкой дивизии, которого я «окружил» и взял в плен. Это — шутка, а серьезно — это значит, что я ходил к нему в качестве парламентера. Сунул голову в львиную пасть, но, как видишь, голову не потерял и льва в полон взял. Через этого командира дивизии нам удалось установить связь с фельдмаршалом и вынудить его капитулировать.

Больше писать негде. (Письмо написано на одностороннем немецком почтовом бланке. **В. Ю.**) Подробности при встрече, надеюсь, скорой. Желаю тебе много солдатского счастья.

Владимир Кунин.

25.4.43 г. **Отцу, в Ленинград**

Получил от тебя книжечки стихов и письмо. Очень тебе благодарен за стихи...

Ты интересуешься, где я работаю и чем занимаюсь? На это трудно ответить. Работа моя связана со знанием немецкого языка (благодаря богатой практике я теперь говорю совершенно свободно). Само собой, это — «политработа», а что до места, то это довольно высокая инстанция. Звание же на фронте — величина переменная, результат подсчитаем после войны.

Тебя интересуют подробности событий под Сталинградом? Но ведь об этом было так много в печати и в кино. Что ж до моих личных впечатлений, то я, право, не знаю, о чем тебе писать. Их так много, что хватит исписать пару толстых тетрадей.

Попытаюсь рассказать тебе кратко о последней ночи перед капитуляцией южной группировки. Ты знаешь, что окруженная группа Паулюса была разрезана нами на две части — южную и северную. Паулюс находился в южной группе (здание универмага). Немцы были морально уже

совершенно подавлены и очищали под натиском наших частей улицу за улицей. На убийственный шквал огня артиллерии и «катюш» они могли отвечать только пулеметно-ружейным огнем, ибо потеряли почти всю артиллерию. Бои переместились в район, где находились немецкие госпитали. Подвалы всех оставляемых немцами домов были дополна набиты ранеными и обмороженными. Санперсонал оставался с больными, вывешивались плакаты на русском языке, вроде «Лацаретт. Ми не стреляим», и красные кресты. Нашим бойцам было приказано раненых не трогать.

28-го началась массовая сдача. Сдавались отдельные роты (в том числе армейская санрота с почтенными профессорами во главе), полки и остатки дивизии вместе с командным составом. Нам было приказано любыми средствами установить связь с немецкими высшими офицерами и принудить их к капитуляции. К вечеру 30 января наши части продвинулись почти до театральной площади (метров 700 от универмага). Десятки тысяч немецких солдат были стиснуты на 3—4 кв. км.

Части перемешались. Офицеры уже не могли поддерживать порядок в этом стаде обезумевших от страха и голода людей.

Вечером 30-го я находился в штабе Н-ской дивизии. В 20.00 из штаба учебного батальона, находившегося в районе театра, сообщили, что у них появился представитель командования 14-й танковой гренадерской дивизии: запрашивают условия капитуляции. Я вызвал представителя к радиотелефону и по-немецки сообщил ему условия. Переговоры с ним закончились около 22 часов. Ответ командования 14-й танковой дивизии должен был быть доставлен к 5.00. До 6.00 были прекращены военные действия на участке дивизии.

Сквозь ночь, пробираясь между громадами развалин, освещенных фантастическим светом ракет и частыми вспышками разрывов, держась протоптанных дорожек, чтобы не наскочить на мину, я быстро шел в учбат. Трещала пулеметная очередь, заставляя припадать к земле, пищали пули. Добрался до учбата. Тихо. Изредка заверещит шальная пуля, залетевшая откуда-нибудь с соседнего участка. В низком сводчатом подвале — командиры батальонов. С большим трудом убеждаю их в целесообразности перемирия. «Соседи продвигаются, — кипятится начштаба Михайлов, — попадем к шапочному разбору». Каждый из них мечтает о том, чтобы захватить живым или мертвым матерого волка — самого Паулюса. Он тоже сидит сейчас в подвале, всего в 800 метрах от нас. Между нами — 14-я танковая дивизия.

Медленно текут часы. Несмотря на то, что не спал несколько суток, не могу заснуть. Выхожу во двор. Морозно. Медленно же идет время! Наконец 5.00! Немцев нет. 5.20! С трудом удерживаю командиров. Рвутся вперед. 5.40!

Больше их не удержать. Неужели сорвется? Неужели немцы нас обманули, выгадывая часы отсрочки?

Выхожу один на площадь перед театром. В предрассветных сумерках зловеще чернеют пустые квадраты окон на другой, немецкой стороне. Черт! Как мишень в тире. По спине невольно пробегает холодок. Пройдя несколько шагов, останавливаюсь, меряю глазами расстояние до спасительных колонн театрального входа. Кричу во всю глотку. Требую выслать парламентера. Жду. Ответа нет. Оглядываюсь. Из-за колонн выглядывают наши командиры. Это подбадривало меня. Иду вперед, внимательно смотря под ноги, до середины площади. Опять нет ответа. В доме на правой стороне площади голоса. Фрицы! Иду к дому. У окон и дверей солдаты с винтовками. Требую старшего офицера. Подходит обер-лейтенант. Приказываю ему сложить оружие и выстроить своих людей в улице, у театра. Он подчиняется. Гремит сваливаемое в кучу оружие. Из всех углов огромного дома выползают жалкие фигуры и, волоча ноги, становятся в строй. С начштаба учебного батальона старшим лейтенантом Михайловым обходим квадрат домов между театральной площадью и площадью Павших борцов, что у универмага.

6.10. Более 3 тысяч солдат и офицеров выстроились у театра. Командир 14-й танковой дивизии полковник Людвиг сдает мне личное оружие и знамя. Он сообщает, что генерал-фельдмаршал Паулюс сложил с себя командование, передав его генерал-майору Роске. Роске просит не начинать военных действий до 10.00 и выслать представителей для переговоров о сдаче южной группы. Вместе с пленным полковником и его адъютантами спешу в штаб дивизии. Оттуда доношу по телефону начальнику штаба нашей 64-й армии.

Парламентеры высланы. Бой затих на всем участке армии. Через два дня капитулировала и северная группировка. От фронта нас отделяло 500 километров. Мы были в глубоком тылу.

Сталинградская эпопея завершилась.

Между прочим, ребята все же не выдержали и после моего ухода заняли наружные входы универмага, где находились Паулюс и Роске, или, как доложил комбат, «сменили немецкие посты». Под охраной наших постов и производились переговоры о капитуляции.

Несколько дней назад нам присвоили гвардейское звание. Мы уже и в новых боях показали себя достойными его, остановив контрнаступление немцев.

Думаю, отец, что и в это лето я буду в центре всех коллизий. Чувствую себя по-прежнему превосходно.

Забыл еще сообщить, что меня слегка поцарапало осколком под мышкой, справа. Ерунда, касательное, уже зажило.

Владимир.

Письма Владимира Самуиловича Кунина десять лет назад передала в Волгоградский музей обороны его жена. Никаких других сведений о нем разыскать не удалось. Известно лишь, что до войны В. С. Кунин, коммунист, инженер-кораблестроитель, жил в Ленинграде, работал на прославленном Балтийском заводе.

В Сталинграде он воевал в 64-й армии. Судя по штемпелю полевой почты 1576, проставленному на треугольниках его писем, он был сотрудником армейской газеты. Возможно, предположили в музее обороны, он ведал громкоговорящей радиоустановкой, с помощью которой велась политическая работа среди вражеских солдат и офицеров. Это была беспокойная и опасная фронтовая служба. Обычно с такой установкой, которая часто выдвигалась под огнем противника чуть ли не за передний край, работали отважные офицеры, безупречно владевшие немецким языком.

Из Сталинграда В. С. Кунин писал своим близким в осажденный Ленинград. Вернулся ли он с войны? Как сложилась его судьба? На мои запросы никто из Ленинграда не ответил.

РАСТЕТ НА КУРГАНЕ БЕРЕЗКА

I

...В день Победы, 9 мая 1977 года, поздно вечером на Мамаевом кургане задержались трое: Евгений Александрович, старший преподаватель института пищевой промышленности, столяр Юрий Александрович и их мать Антонида Леонидовна Акуловы. Они прилетели из Красноярска уже перед сумерками и сразу же поспешили на это священное место. Долго в скорбном молчании стояли братья, взяв под руки старую мать, в Зале Воинской славы. Тут, на символическом знамени № 13, в 23-й строке, во второй колонке навеки высечено в камне имя их отца, погибшего 15 октября 1942 года в жестоком бою в одном из цехов завода «Баррикады». Потом они спустились на указанную им площадку, и Юрий бережно извлек из чехла маленькую и нежную березку, выкопанную на берегу Енисея и с комочком сибирской земли на густых корнях доставленную сюда, на обожженный огнем Мамаев курган. По очереди работая лопатой, братья приготовили ямку и осторожно посадили деревце с набухшими, готовыми распуститься почками. Антонида Леонидовна обильно полила сибирскую красавицу животворной волжской водой. Так среди памятных зеленых насаждений, опоясавших Мамаев курган, появилось еще одно деревце — в память о бывшем директоре средней школы из сибирского села Салбы Александре Романовиче Акулове, радиосвязисте 1011-го артиллерийского полка.

На следующий день мать и сыновья посетили Волгоградский музей обороны, в благоговейном молчании прошли по его залам. Антонида Леонидовна оставила музею самое драгоценное, что она так долго и свято хранила — фронтовые письма Александра Романовича, те, которые он писал с дороги по пути в Сталинград и из сталинградских окопов в дни самых ожесточенных боев за город.

31.5.42 г. **Антониде Леонидовне Акуловой, в с. Салбу Краснотуранского района, Красноярского края**

Тоня!

Прохожу обучение, часто бываем в походах. Скоро отправимся бить гитлеровцев.

Ты спрашиваешь, когда кончим войну. Думаю, раньше следующей весны ждать нас домой не следует.

По поводу школьных событий, о которых ты пишешь, советую: не обращай внимания на разговоры обо мне. Все, что я делал — для блага школы. Того, кто этого не понимает или не хочет понять, я не стал бы переубеждать. Судить надо не по тому, кто что говорит, а кто что делает. Школа долго будет говорить о моей работе в ней, и люди будут помнить мою работу.

Молодец, Женя, сын, правильно спорит за папу. Папа за Родину будет воевать геройски, как подобает большевику, каким всегда себя считал по своему глубокому сознанию.

Привет всем учителям и всем, помнящим меня.

Твой Шурка.

Крестьянский сын Александр Акулов любил сельскую жизнь и сельский труд. Когда он окончил семилетку, перед ним не стоял вопрос: кем быть? Ближайшим сельскохозяйственным учебным заведением был доброй славы Минусинский агропедтехникум, который выпускал агрономов, зоотехников и педагогов для сельских школ. Александр стал его студентом.

Получив диплом, был назначен старшим зоотехником в совхоз. Не поглядели на молодость. Отметили его трезвый взгляд на жизнь, крепкую хозяйскую хватку, трудолюбие и инициативу. Женился он на сокурснице, учительнице. Зажили ладно, погруженные в свои дела, беспокойные и благодатные. Однако после четырех лет зоо-

технической работы Александр Романович решил, что по призванию он все-таки педагог, и перешел в школу. Стал преподавать химию и биологию и поступил на заочное отделение Красноярского педагогического института. Вскоре его поставили директором средней школы в с. Салбе Краснотуранского района. Он работал с увлечением. А начал с того, что отдал в школу собственную библиотеку, собранную немалым старанием. И салбинская школьная библиотека потом стала самой богатой во всей округе. Зажег немало своих питомцев любовью к педагогике. Из салбинской школы вышло больше всех в районе сельских учителей, преданных и своему делу, и благородному крестьянскому труду.

Весть о войне застала Александра Романовича в Красноярске, он сдавал экзамены в институте. Он немедленно вернулся в Салбу. Но от призыва его освободили по броне. Печально начался новый учебный год. Один за другим уходили на фронт салбинские мужики. Поредел учительский коллектив, добровольцами отправились воевать и некоторые старшеклассники. Александр Романович тяготился своей привилегией — чуть ли не единственным здоровым и сильным мужчиной оставался он в селе. И он стал настойчиво проситься на фронт. Спустя неделю после того, как появился на свет второй сын Юра, 12 марта 1942 года Александр Романович простился с семьей.

Его вызвали срочной повесткой, и пришлось наспех сдать школу преемнику. Новый директор оказался придирчивым и мелочным. После отъезда Александра Романовича он обнаружил какое-то несоответствие акта передачи дел с результатами недавней ревизии и, не разобравшись, бросил недобрую тень на своего предшественника. Бывшая школьным счетоводом учительница написала обо всем этом Александру Романовичу, который проходил первоначальное военное обучение в запасной части. Этому собы-

тию в школе и было посвящено его письмо, помеченное 31 мая 1942 года. В районо скоро во всем разобрались, и недоразумение разъяснилось. Антонида Леонидовна сообщила об этом мужу.

10.6.42 г. **Антониде Леонидовне Акуловой, в с. Салбу**

Тоня!

Временно нахожусь близ Саратова, у деревни, в лесу. Вчера был дождь, и мы изрядно промокли и продрогли в шалашах из дубовых ветвей. Дождь вынудил нас взяться за лопаты и вырыть в лесу землянку-нору, в ней мы и укрылись. Хоть мокрые, но мерзли меньше. К моему удивлению, здесь не теплее, чем у нас в это время, в Минусинском округе.

В ближайшее время, вероятно, встретимся с врагом и примем боевое крещение. Всем привет.

Шурка.

22.6.42 г.

Пишу как раз в годовщину войны. Тут по-прежнему стоит холодная погода, в шинелях зябнем. А вот тебе сведения для уроков географии. В здешних местах очень много ландышей. На полях растут те же сорняки, что и у нас: осот и бодяк. Для землянок мы рубили дубовый лес. Очень крепкий и тяжелый этот дуб. Как наши пацаны?

Шурка.

6.7.42 г.

Здесь все еще пасмурная, с дождями, погода.

Вчера я был рабочим на кухне и, как тут принято выражаться, «оттолкнулся», т. е. наелся до отвала. Но это бывает редко.

Вечером приезжали ставить кино. Хотя я полтора суток не спал, решил посмотреть фильм. Кино показывали на полянке в лесу. Там случайно встретил бывшего своего ученика Колупаева. Но, оказалось, привезенную картину я уже видел, и ушел спать.

Пиши подробнее обо всем. Чем занимаетесь? Как растут наши пацаны?

Шурка.

12.7.42 г.

Позавчера получил от тебя письмо, писанное еще в Омск. У нас прояснилась погода, наступили теплые дни. И хотя я подхватил насморк, все равно купаюсь в пруду.

10 июля у нас был праздник. После торжественной церемонии по одному случаю давали концерт художественной самодеятельности. Подготовили его, видно, на скорую руку, но солдатам понравился.

Пишу в землянке. Иногда слышу пение жаворонка. А соловьи уже давно петь перестали. Закончу письмо и примусь за выпуск «боевого листка».

6.8.42 г.

Вчера был крайне изумлен одним событием. В обед подошел к нашей радиостанции, радисты предложили мне послушать передачу из Москвы. Только я надел наушники, как слышу: «Лейтенанту Акулову Георгию Романовичу передает привет жена Мария из Хакассии». Это передавали письма на фронт. Сообщи об этом всем нашим родным. Спроси, получают ли вести от Георгия? Пришли мне его адрес.

Из письма Антониды Леонидовны автору

Акуловых было четыре брата. Трое старших находились на фронте, а младший служил летчиком на Дальнем Востоке.

На каком фронте был Георгий в 1942 году, я не знаю. Он тоже погиб.

12.9.42 г.

Тоня!

Вот уже трое суток я на передовой линии фронта. Авиабомбы, снаряды, мины, пули воют беспрестанно.

Сегодня ровно полгода со дня призыва в РККА. Бесчисленное множество новых наблюдений, мыслей, стремлений дали мне эти 6 месяцев суровых испытаний. Жажда жизни и борьбы усилилась.

Письма твои меня еще не догнали. Я писать могу только как исключение. Рою беспрестанно землю и живу в земле, как крот.

Крепко целую пацанов. Пиши родным. Не отчаивайся. Будем надеяться, что хоть какой-нибудь и когда-либо я возвращусь домой.

Пиши мне по адресу: ППС 1852, 1011-й арт. полк, управление 1-го дивизиона.

Шурка.

21.9.42 г.

Жив, воюю. Все время нахожусь на передовой. Ночами уже мерзнем — холодно. Случается, и мокнем в окопе под дождем. Но война — есть война...

23.9.42 г.

Еще жив. К окружающей меня обстановке уже привык. Разрывы авиабомб, снарядов, мин, свист пуль — непрекращающийся концерт войны, сеющий разрушение и смерть, стал обычной моей стихией. Сегодня ночью вышел с товарищами для ремонта радиостанции за 6 километров «в тыл» и ночевал с комфортом — в погребе на разбитом мягком диване. А сейчас согрели ведро воды и думаем помыться. Хотя стервятники кружат над головой и бросают бомбы.

Ночами мерзнем и мокнем в окопе. Но бьем немцев с еще большей яростью...

Шурка.

Боевых донесений из 1011-го артиллерийского полка отыскать не удалось. В Волгоградском музее обороны хранятся краткие воспоминания бывшего командира орудия из 9-й батареи старшего сержанта Сыромятникова. Он сообщает, что 1011-м полком, имевшим на вооружении 122-миллиметровые орудия и гаубицы, командовал в дни Сталинградского сражения майор Фугенфиров, а комиссаром был старший батальонный комиссар Степанов.

О 308-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Гуртьев, известно значительно больше. О том, как стойко и храбро сражались ее воины, защищая рабочий поселок и корпуса завода «Баррикады» осенью 1942 года, поведал в своих воспоминаниях бывший командир радиовзвода Иван Филиппович Хамицкий. Несколько страниц славному соединению уделил в книге «Сражение века» Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков.

308-я формировалась в Омске. Перед отправкой на фронт ее усилили 1011-м артиллерийским полком, в котором и начал службу Александр Романович Акулов. 3 сентября 1942 года полки дивизии выгрузились на ст. Кумылга и скорым пешим маршем, двигаясь по ночам, скрытно от противника, направились в район ст. Котлубань, где шло ожесточенное сражение. 8 сентября дивизия развернулась под Котлубанью и на следующий день приняла первый бой. А 12 сентября Александр Романович писал жене: «Вот уже трое суток я на передовой линии фронта...» 18 сентября 308-ю вывели в резерв — решено было перебросить ее в Сталинград. Через Дубовку дивизию переправили на левый берег Волги. Батареи артполка заняли боевые позиции у Красной Слободы и, укрывшись в густых перелесках поймы, нацелили стволы своих тяжелых пушек на вражеские скопления в Сталинграде. А стрелковые полки на баржах и лодках вновь переплыли через Волгу, высадились в районе завода «Красный Октябрь» и с ходу, едва под-

нявшись на волжский откос, ринулись в бой.

Вскоре наступили критические дни обороны Сталинграда. В книге В. И. Чуйкова сказано: «14 октября Гитлер отдал приказ своим войскам о переходе к обороне на всем советско-германском фронте, кроме Сталинградского направления. Здесь он сосредоточил все, что мог собрать.

Мы, многое уже пережившие, это наступление гитлеровцев запомнили на всю жизнь...»

«Под прикрытием ураганного огня три пехотные и две танковые дивизии на фронте около шести километров штурмовали наши боевые порядки. Главный удар наносился по 112-й, 95-й, 308-й стрелковым и 37-й гвардейской дивизиям... Из полков 308-й стрелковой дивизии Гуртьева доносят: «Позиции атакуют танки с севера, идет жестокий бой. Артиллеристы бьют прямой наводкой по танкам, несем потери, особенно от авиации, просим отогнать стервятников...»

«Части 95-й и 308-й дивизий Горишного и Гуртьева, опираясь на цеха завода «Баррикады», совместно с вооруженными рабочими, уничтожали противника на улицах, ведущих к заводу...»

«В оперативной сводке за 14 октября командующий 62-й армией отметил среди других соединений: «308-я стрелковая дивизия весь день вела огневой бой с противником, которому не удалось прорваться на этом участке фронта».

Ожесточенные схватки продолжались всю ночь, а с наступлением утра гитлеровцы усилили натиск. В следующей сводке командующий писал: «К исходу дня 15 октября противник овладел заводом СТЗ, разобщил фронт обороны между 37-й гвардейской и 95-й стрелковой дивизиями и передовыми частями выходит в тыл 308-й стрелковой дивизии и на командный пункт армии»*.

Это был последний бой младшего сержанта Александра Романовича Акулова, одного из тысяч неприметных героев великого сражения.

---

* В. И. Чуйков. Сражение века. М., «Советская Россия», 1975, с. 216, 219, 221, 223, 229, 231.

«БЛАГОДАРИМ ЗА ЗАБОТУ»

6.11.42 г. **В г. Чапаевск Куйбышевской области. 2-я районная детская библиотека, Даньшиной Панне Андреяновне**

Привет с фронта!

Здравствуйте, неизвестный друг и товарищ! Получив Ваш подарок в честь 25-й годовщины Октябрьской революции, благодарю Вас за большое внимание и заботу о Красной Армии.

Дорогой товарищ! Этот подарок подтверждает еще раз, что Красная Армия и тыл—единое целое, направленное к быстрейшему разгрому немецких фашистов, вторгшихся на нашу священную русскую землю.

Приняв Ваш подарок, я обязуюсь перед Вами и перед всем народом честно выполнять свой воинский долг и отстоять Родину от посягательства немецко-фашистских захватчиков. Надеюсь, что Вы так же, не покладая рук, будете работать на своем посту, обеспечивая фронт и тыл всем необходимым. Вас интересует: кто я? Я — командир-танкист.

С приветом Иван Федорович Олешко.

22.12.42 г. **Ей же**

Фронтовой привет тебе, дорогая патриотка Родины, Панночка! Большая тебе благодарность за теплые брюки, которые вы сшили и в качестве подарка на фронт прислали мне.

Привет также и от моих товарищей, получивших такие же подарки.

Панночка! Брюки мне понравились. Они сшиты по вкусу, и качество работы прекрасное. Видно, поработать вам пришлось над ними, как следует.

Приятно на душе и легко в бою, когда чувствуешь повседневную заботу наших патриоток. За Родину, за такой народ не жаль и 24-летней жизни. И мы яростно громим немцев под Сталинградом.

Поздравляю вас с наступающим Новым годом.

Крепко жму руку. Лейтенат Хромченко.

Нередко, бывало, мы отправляли такие письма с фронта — далеким незнакомкам, согревавшим нас в промороженных землянках и раскисших окопах теплом своих рук и сердец. Особенно много подарков и просто добрых писем шло со всех концов страны в огненный Сталинград. Каждое такое письмо и посылка были незабываемым светлым и радостным событием в безмерно тяжкой солдатской жизни на фронте. Письма «кому-нибудь, на позицию» зачитывались до дыр, и каждый принимал строчки «от неизвестной» словно адресованные ему лично. Их переписывали и передавали в другие подразделения, печатали во фронтовых газетах. И ни одно такое письмо не оставалось безответным: благодарные солдатские треугольники в свою очередь разлетались по всей стране.

Мало сохранилось тех писем. Не удалось выяснить, кто такие «командир-танкист Иван Федорович Олешко» и «лейтенант Хромченко». Неизвестно, где и как они воевали в Сталинграде и дожили ли до дня Победы. Может быть, найдутся их однополчане среди читателей? И отзовутся?..

ГЕРОИ БЕССМЕРТНЫ

О командире танка Иване Ульяновиче Бутырине не сохранилось сведений. Известно лишь, что он сражался в составе 121-й танковой бригады, которая в январе 1943 года вместе с другими советскими частями протаранила через Мамаев курган фашистскую группировку, стиснутую в Сталинграде, и рассекла ее надвое. В память об этом событии неподалеку от монумента Матери-Родины теперь стоит на постаменте боевая машина из 121-й бригады.

В боях за Сталинград экипаж танка, которым командовал гвардии младший лейтенант Бутырин, прославился стойкостью и отвагой и был отмечен высокими наградами. Грудь Ивана Ульяновича украсил орден Отечественной войны II степени, в дополнение к орденам Красного Знамени и Красной Звезды, которыми он был награжден ранее.

И еще сохранилось единственное письмо Ивана Бутырина, посланное в Пермь, родителям. Он отправил его с пути, когда славная 121-я танковая бригада, разгромив врага у стен Сталинграда, спешила на фронт, уже ушедший далеко на запад. Письмо короткое, но примечательное. Письмо о бессмертии героев.

3.3.43 г. **В Пермь**

Здравствуйте, дорогие папа, мама, сестра Маруся!

Шлю вам свой горячий привет и пишу немного о себе. Я жив, здоров. Посылаю вам свою Почетную грамоту, прошу хранить ее.

Если меня не будет, то поезжайте в Сталинград после войны. Там в музее увидите фото мое и моего экипажа, как отважных защитников Сталинграда.

Пока до свидания.

Ваш сын гв. мл. лейтенант Иван Бутырин.

В боях за Родину Иван Ульянович Бутырин погиб 5 июня 1943 года. Указом Президиума Верховного Совета СССР в октябре 1943 года ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В Волгоградском музее обороны хранится его удостоверение о награждении медалью «За оборону Сталинграда», пробитое осколком снаряда.

ЖИВЕМ В ОКОПАХ

19.10.42 г. **Жене, в Златоуст**

Вот уже 3 месяца я на фронте...

У нас настала холодная погода, я сильно простыл, подхватил кашель и насморк... а вообще чувствую себя превосходно...

Недавно в бою были ранены четыре моих боевых товарища, командиры взводов... Теперь в роте я остался один. Противник перед нами разный: итальянцы, румыны, венгры. Они страшные трусы, часто сдаются в плен группами, а в боях несут они большие потери. Я представляю себе, как они будут чувствовать себя с наступлением морозов в донской степи...

Сильно скучаю по семье. Но ничего, час разгрома немцев приближается, и, если останусь жив, мы снова будем вместе.

Ваня.

5.11.42 г.

...Всыпали мы германским извергам хорошего перца и продвинулись за Дон на 20 км. Взяли в плен 1500 итальянцев... Захватили склады с обмундированием, пулеметы, минометы, пушки. Во время переправы я своей минометной батареей уничтожил две вражеские пулеметные точки, которые мешали нашей переправе...

В боях 1 ноября противник перешел в контратаку и хотел нас окружить с трех сторон... Мы с батареей открыли ураганный огонь, выпустили 120 мин по противнику, в результате уничтожили ротную минометную батарею, два станковых и два ручных пулемета, да на поле боя осталось около 100 убитых и раненых итальянцев. Уцелевшие повернули обратно. Я взял снайперскую винтовку и расстрелял вдогонку еще 20 фашистов. Рад сообщить, что за все эти боевые действия я представлен командованием к награде орденом Красного Знамени, а партийное бюро батальона приняло меня в кандидаты ВКП(б). Характерно, что за все время боевых действий я не потерял в своей батарее ни одного красноармейца.

Письмам твоим бесконечно рад. В особенности рад сво-

ему наследнику Юрию. Рад, что у тебя благополучно обошлось с родами...

Живем в окопах, погода стоит днем очень теплая, только ночью холодно. Но я чувствую себя хорошо.

Твой верный муж Ваня.

Мой адрес: п/п 1455, 38-й красногвардейский полк, 1-й батальон, 2-я рота, гвардии лейтенанту минометного взвода, Арсеньеву Ивану Никитовичу.

10.4.43 г. **Арсеньевой Е. С., Челябинская обл., ст. Кропачево**

Уважаемая Екатерина Семеновна!

Очень жаль тех людей, которые жили счастливой семейной жизнью. И вдруг эта счастливая жизнь нарушена... Каждая мать, отец, жена и ребенок переживают большие страдания в ожидании своего сына, отца, мужа. Вы также ежедневно ожидали писем от мужа. Но увы... как видно, вы не дождетесь больше от него весточки. Он сражен вражеской пулей на поле брани, борясь с озверелым гадом за независимость нашего народа и счастье своей семьи.

В этой войне одинакова судьба каждого воина. Он стремится убить побольше фрицев, чтобы спасти свою жизнь и жизнь своего товарища, до тех пор, пока, не замечая опасности, погибает смертью храбрых сам.

Я человек для вас совершенно чужой, но решил написать Вам ответ на Ваше письмо, которое попало к нам в штаб.

Мне, как и Вашему мужу, приходится претерпевать много трудных моментов и в тихую минуту вспоминать прошлое из мирной жизни. И вот, прочитав Ваше письмо, я сравнил настоящее положение и прошлое. Вы потеряли своего мужа, а я, нужно считать, потерял свою семью, жену и дочку, которые уже больше года находятся в кровавых лапах врага... Вы меня извините, что я расписал так, но иначе не мог, потому что я воображал, как будто пишу своей семье.

С приветом И. Селин.

КТО ВЛАДЕЕТ ВЫСОТОЙ, ТОТ ПОБЕЖДАЕТ

16.2.43 г.

Матери

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо и так же, как ты, обижаюсь на долгое молчание. Я послал из Арзамаса еще два письма, ответа на них не получил. Возможно оттого, что я оттуда уехал и мой адрес изменился, но я просил ребят переслать мне их, если придут.

О своей жизни и работе могу написать много и ничего. Правда, я мог бы написать так же, как и ты мне пишешь: «Тебе не до этого, мой дорогой сыночек», но однако я так писать не буду, а опишу коротко мой жизненный путь, начиная от Арзамаса. А до Арзамаса писать не буду, там и вспоминать нечего, т. к. мой первый период войны был для меня неудачен. Я почти не воевал.

Из Арзамаса я попал на Сталинградский фронт и защищал Сталинград, и, как наверное читаешь в «Последних известиях», оборона Сталинграда окончилась крупным поражением немцев. Это все с начала до конца происходило у меня на глазах. Мои личные результаты боев за Сталинград такие: я сбил в воздушных боях 10 фрицевских самолетов, за что и был представлен к Герою Советского Союза и другим наградам. Уже получил орден Ленина, а в отношении остального пока неизвестно. Сейчас жив, здоров, летаю, дерусь вместе с моими боевыми товарищами.

Мама, помнишь Степу Подоляку? Его ранило... Боря Лаптев погиб. Вот и все новости...

Привет всем. Целую. Ваш сын Евгений.

Посылаю несколько вырезок из газет о моей работе.

2 декабря 1942 г.

Из армейской газеты «Сталинский воин».

В ОДНОМ БОЮ СБИЛ ДВУХ «ЮНКЕРСОВ»

На днях я получил задание — прикрывать город Сталинград от нападения с воздуха. В паре с сержантом Камсюком мы прижались к кромке облаков и пришли к заданной цели. К городу-герою приближалось

8 вражеских бомбардировщиков под прикрытием 4 истребителей... Подойдя на расстояние 100 метров, я первым атаковал «юнкерса». Несколько коротких очередей — и он загорелся, свалился на крыло и камнем полетел вниз.

Разделавшись с одним фашистским коршуном, я вышел из боя. Ко мне приблизился Камсюк. Он дал сигнал «все в порядке» и пошел в атаку на другого «юнкерса». Все это получилось так быстро, что через несколько секунд второй воздушный бандит, объятый пламенем, полетел к земле. Его сбил комсомолец Камсюк.

Я ринулся в атаку на следующего вражеского бомбардировщика, но попал под его огонь. Уклоняясь от вражеских очередей, подошел ближе. С 200 метров сам открыл прицельный огонь, и фашистский стрелок-радист замолчал. Затем задымил левый мотор «юнкерса». С левой спиралью он вошел в штопор и провалился вниз. Потеряв трех бомбардировщиков, остальные самолеты врага удрали.

Теперь на моем счету 5 сбитых под Сталинградом немецких самолетов.

Лейтенант **Е. Дранищев**

2 марта 1943 г. **Из газеты.**

4 ПРОТИВ 32

Вечером 27 февраля радио сообщило на командный пункт, что в районе Н. над боевыми порядками наших войск появились вражеские бомбардировщики. Мгновенно поднялись в воздух четыре истребителя. Ведущим шел опытный и отважный летчик гвардии старший лейтенант Дранищев.

В сумерках при подходе к цели ведущий обнаружил вначале три Хе-III, но вскоре вслед за ними показались еще фашистские бомбардировщики. В воздухе собралось 32 вражеских самолета. Но численное превосходство врага не смутило летчиков-гвардейцев.

Дранищев знает: кто владеет высотой, тот побеждает. Он мгновенно устремился вверх. За ним ринулись ведомые. Оказавшись выше самолетов противника, гвардейцы атаковали их сзади и сбоку. Младший лейтенант Борисов сбил один Хе-III, который, пылая, упал на землю. Гвардии младший лейтенант Сержантов тоже сбил один Ю-87. Рассеяв вражеские самолеты, отважные истребители без потерь вернулись на аэродром.

* * *

Газета 8-й воздушной армии в те дни часто сообщала о подвигах летчика Евгения Дранищева и его товарищей. Номер 20 марта 1943 г. вышел с большим портретом советского аса. Заметка под фотографией рассказывала: «Гвардии

старший лейтенант Е. Дранищев смело вступает в бой с противником и всегда добивается победы. Однажды в паре с ведомым Дранищев вступил в бой с 19 фашистскими истребителями, помешал им штурмовать наши войска и в неравном бою сбил «Мессершмитт-109». На боевом счету отважного летчика — 12 сбитых вражеских самолетов. Тов. Дранищев отмечен высшей правительственной наградой — орденом Ленина».

И сами летчики делились боевым опытом, рассказывали о взаимовыручке в воздушных схватках. Однажды самолет Евгения Дранищева получил повреждение в бою, и летчик пошел на вынужденную посадку. Два фашистских истребителя накинулись на подбитую машину. На выручку Дранищеву поспешил его товарищ Амет-Хан Султан, слава которого тоже гремела по всему фронту. Метким огнем он сбил одного стервятника, а другой бросился наутек. 26 марта газета поместила рассказ Амет-Хана об этом.

* * *

Из газеты. 15 августа 1943 г.

ДЕНЬ ИЗ БОЕВОЙ ЖИЗНИ

Вечером после боевого дня в полку должны были чествовать «двадцатников» — летчиков, сбивших лично по двадцать вражеских самолетов. Для них уже был заказан торт, и повар обещал сделать его бесподобным.

Виновниками этого необычного торжества были Евгений Дранищев, Александр Карасев и Алелюхин.

Блестящие ряды боевых орденов на новых мундирах. Вид у всех праздничный, торжественный.

Когда все расселись, командир (он же «Чайка-5») объявил тост за тройку «лучших бойцов, первых асов части, за «двадцатников» — Дранищева, Карасева, Алелюхина.

— За их здоровье, за новые удачи, за военное счастье наших боевых друзей! — закончил поздравление командир.

В этот вечер говорилось о многом. Вспомнили соколы о славном приморском городе, где родилась слава их полка, о первых героях, павших на поле битвы... Вспомнили о доме, о семьях, о радостной жизни, за которую идет бой. Вспомнили и поклялись: пока бьется сердце и в жилах течет кровь, каждый вздох — Родине, каждую каплю крови — Победе.

17.8.43 г. **Дранищеву П. Г.**

Уважаемый Петр Григорьевич!

Спешу порадовать Вас. Посылаю снимок наших героев из газеты. В их числе и Ваша гордость — сын Евгений, о котором Вы мне так много рассказывали, когда я была у Вас. Говорят, что он здесь же, где и я, что видели его в парикмахерской. Я же не встречаю, да если и встречу, то не узнаю. С получением моего письма прошу ответить: он или я ошиблась. Хочется, чтобы это был только он. Желаю Вам здоровья и успехов в работе.

С приветом В. Д. Шамарина.

* * *

25 августа 1943 г. газета «Красная Звезда» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении летчику-истребителю Дранищеву Евгению Петровичу звания Героя Советского Союза.

* * *

11.6.45 г. **Дранищеву П. Г.**

Уважаемый Петр Григорьевич!

Ваш сын Евгений был продолжительное время моим подчиненным. Со дня окончания летной школы был у меня в полку на Волховском фронте, дрался со мной вместе под Сталинградом, где я был ранен и убыл в госпиталь, а его перевели в 9-й гвардейский полк, и я с трудом установил с ним связь. Последнее письмо, которое я получил от него, было написано вскоре после присвоения ему звания Героя. О судьбе Евгения подробно ничего не знаю, хотя мне писал его ком. полка: «не вернулся с боевого задания». Спросить и видеть товарищей, с которыми он воевал, не удалось, поэтому подробности сообщить не могу. Глубоко переживаю утрату его, ибо в военное воспитание была вложена и моя доля. В самые тяжелые дни Сталинграда мы были с ним рядом.

Выражаю Вам глубокую признательность и сочувствие. Желаю бодрости.

Н. Шутов.

«Я УБИТ В СТАЛИНГРАДЕ»

Из дивизионной газеты «За победу»

В комсомольское бюро много поступает заявлений о приеме в комсомол. Идя в бой, лейтенант Горовенко заявил:

— Считайте комсомольцем. Бить фашистских гадов буду не щадя сил.

Свое слово Горовенко сдержал. С бойцами Степановым, Кольяновым, Дьяченко он в уличном бою бесстрашно выбивал немцев из домов, и из винтовки убил двух автоматчиков. Когда появились два вражеских танка, Горовенко вместе с бойцами противотанковыми гранатами подбили их.

После боя лейтенанта Горовенко приняли в комсомол.

Горовенко:

— Ночью 22 сентября наш 1045-й стрелковый полк переправился на баржах с левого берега в Сталинград.

Был получен боевой приказ: отогнать немцев от центральной пристани, не допустить их к Волге. Мы вчетвером: замкомроты Габуния, я и бойцы Минаев и Погорелов, где ползком, где перебежками пошли посмотреть позицию роты. Только выбрались из развалин, а навстречу два танка. Мы подпустили их и подорвали противотанковыми гранатами. В это время налетели вражеские самолеты и принялись бомбить район высадки дивизии. Наверно, полчаса крошили все вокруг. В какой-то траншее мы переждали бомбежку и двинулись дальше. И вдруг из-за домиков вывернулся еще один танк и на ходу, в упор

ударил в нас из пушки. Габуния погиб. Меня ранило. Но я еще вгорячах с гранатой в руке кинулся навстречу танку, да не успел увернуться и попал под гусеницу. В этот момент Погорелов швырнул гранату в открытый люк. Танк дернулся и сник, будто из него воздух выпустили. А что дальше было — не помню.

Очнулся в госпитале, в хуторе Бурацком, на левом берегу Волги. Выяснилось, что ранение у меня неопасное и танком помяло лишь малость. Через две недели встал я на ноги и запросился в свой полк.

Заявился в штаб. А там, увидев меня живого и к войне пригодного, удивились:

— Мы,— говорят,— послали рапорт, что ты убит.

— Ничего,— отвечаю,— я воскрес. Вернулся драться за Сталинград.

Отыскал свой взвод. Но повоевать мне за город-герой толком и не довелось. 8 октября утром вернулся из разведки и тут же попал под бомбежку. Одна бомба рядом рванула. Вот уж в этот раз я был убит по-настоящему. Измочалило правую руку, набило осколков в голову, шею, живот, ноги. Сволокли меня в медсанбат замертво. В память пришел только через трое суток, опять же в госпитале за Волгой. Тяжелый был. Раза два или три умирать принимался. Но врачи выходили. Провалялся девять месяцев и вышел инвалидом.

А в штабных рапортах и сводках меня снова посчитали убитым. Я не знал этого. Лишь спустя тридцать лет после войны один из нашего полка сообщил мне, что был в Волгограде, на Мамаевом кургане, и нашел там в Зале Воинской славы в списке погибших за Сталинград мою фамилию.

28.1.77 г.

Секретарю
Волгоградского горкома комсомола

Прошу вас дать указание следопытам одной из школ города Волгограда, чтобы посмотрели на мемориальных знаменах в Зале Воинской славы на Мамаевом кургане мою фамилию: есть я в списках убитых, или нет.

В 1942 году я служил в дивизии генерала Батюка (284-я

стрелковая дивизия), в 1045-м стрелковом полку, командиром стрелкового взвода.

Мл. лейтенант Горовенко Федор Лукич, рождения 1922 года.

3.3.77 г. **Председателю Волгоградского городского Совета депутатов трудящихся**

В 1942 году я воевал за Сталинград в составе дивизии генерала Батюка. 8 октября меня тяжело ранило, так, что медицина еле собрала меня за 9 месяцев лечения в госпитале, и я остался жив. А мать получила известие, что я убит. И моя фамилия занесена на знамя в Зале Воинской славы памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы.

Я не знаю, как в таких случаях поступают. Или вычеркнут мою фамилию со знамени? Я бы вас убедительно просил оставить мою фамилию на знамени № 31. Я считаю большой честью — быть защитником Сталинграда.

Горовенко Федор Лукич.

Горовенко:

— По тяжелому ранению меня решили уволить из армии, отпустить домой. А куда мне — домой? Моя Украина еще под немцем стонала, вызволения ждала. Там, неподалеку от Киева, в селе Биевцы, и дом мой был, наша мать жила-горевала. Ну, оставили меня служить нестроевым, назначили командовать взводом охраны склада боеприпасов в Донбассе.

Служил исправно, старался. И все время душа болела о матери Марфе Иосифовне — как она там. В сентябре 1943 года прогнали немцев из нашего района. Послал письмо матери. Но мое письмо, видно, не дошло. И на другое ответа не было. Стал я проситься у начальства на короткую побывку домой. В мае 1944 года получил отпуск на десять дней. Пришел в Биевцы в 3 часа ночи, 15 километров отшагал от станции. Постучал в окно. И вышел у нас такой разговор.

— Кто там? — отозвалась мать на мой стук.

— Я, мама!

— Кто ты? — не узнала мать.

—Да твой сын.

— Который сын? Ерофей?

Мать думала, Ерофей приехал, мой брат, который тоже был нестроевым и служил фельдшером под Москвой, в Люберцах.

— Нет, мама,— ответил я,— я Федор.

А мать все не верила.

— Как, Федор? — и голос у нее сорвался.— Федора убили.

— Да ты посвети, мама. Вот я это.

Тут она засуетилась, вздула огонек, разглядела меня, отодвинула засов, на грудь упала.

— Похоронка на тебя пришла, сынок,— проговорила она в слезах.— Смирилась уж, что не увижу тебя больше.

А утром все село сбежалось: Федор Горовенко воскрес...

После того служил я в армии еще почти двадцать лет. Командовал отдельной ротой, был комендантом аэродрома. Заслужил два ордена, десять медалей и 71 благодарность. Женился. Живем мы с Брониславой Андреевной в мире и согласии, вырастили двух дочерей. Теперь уж обе выучились, на ноги встали, замуж повыходили, семьями обзавелись.

В 1961 году, выслужив полный срок, ушел я в отставку. Вернулся на родину, стал механиком по холодильным установкам. Видать, ценят мое старание. И на «гражданке» уже заслужил 24 благодарности...

А Сталинград, где дважды обильно пролил кровь свою, не забываю. Часто приглашают меня волгоградские комсомольцы погостить, поделиться воспоминаниями. Считают меня почетным членом своей организации.

И всякий раз поднимаюсь я на Мамаев курган. Стою, склонив голову, в Зале Воинской славы под знаменами, на которых высечены имена погибших защитников Сталинграда. Меж ними и близкий мой друг Габуния П. Г.

И мое имя значится среди них. Но это уже — просто честь...

28.3.77 г. **Горовенко Ф. Л., г. Белая Церковь Киевской области**

Уважаемый Федор Лукич!

Дирекция памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы выражает Вам, активному участнику Сталинградско-

го сражения, чувства глубокого уважения и благодарности и сообщает следующее.

Нами рассмотрены все материалы, касающиеся Вашего участия в боях в составе 284-й стр. дивизии.

Действительно, при сооружении мемориала Ваше имя было занесено на знамя в Зале Воинской славы, так как по документам Министерства обороны Вы считались погибшим.

В соответствии с замыслом автора памятника и решением Государственной комиссии на символические знамена занесены имена только погибших защитников Сталинграда. Однако, учитывая Вашу личную просьбу, а также Ваши заслуги при защите Родины, с согласия Волгоградского обкома КПСС, дирекции памятника-ансамбля не будем исключать Ваше имя из увековеченных в Зале Воинской славы.

...В Волгограде у Федора Лукича Горовенко много друзей, и он в нашем городе — частый гость. Тут пережил он короткий и самый яркий и памятный период юности, определивший всю его судьбу. И в беседах, о чем бы ни зашла речь, в письмах он непременно вспоминает о днях Сталинградской битвы, о своей славной дивизии, о боях, в которых участвовал, о павших и живых друзьях-однополчанах. Он до сих пор поддерживает связь с боевыми соратниками и часто делится своими новостями. «Недавно достал книгу,— пишет он мне в одном письме,— она называется «В пламени и славе», написал ее Зверев Н. В. В ней рассказывается про нашу 284-ю стрелковую дивизию и про мой 1045-й полк, в котором я служил, начиная со ст. Касторной. Читаю, как будто про самого себя». А в другом письме сообщает: «Недавно узнал из газеты, что к началу 1979 года в списках на символических знаменах в Зале Воинской славы на Мамаевом кургане себя нашли еще 12 человек, официально считавшиеся погибшими».

В груди у Федора Лукича Горовенко по-прежнему бьется неугомонное сердце солдата. Так оно, наверно, и должно быть: кто прошел войну, защищая Отечество, тот навсегда остался солдатом.

ПОИСКИ И СУДЬБЫ

Немало писем хранится в фондах Волгоградского музея обороны. Трудно передать чувства, возникавшие при их чтении. Все они разные по стилю и содержанию, но все одинаковы по эмоциональному заряду и силе духа.

На фронте не хватало бумаги. Случалось, не на чем было ответить на письмо из дома. Юная и простодушная Люда Истомина писала своей матери на невесть как попавших к ней нарядах горфо и даже на обороте фронтовых листовок. Петя Харченко складывал «треугольники», адресованные отцу, из каких-то ведомостей. Летчик Василий Андрющенко делился с женою фронтовыми новостями на листках, вырванных из полетного журнала. Владимир Кунин изложил свой рассказ о пленении вражеских войск в Сталинграде на трофейном почтовом бланке. Иногда на серой, грубой, оберточной бумаге писал письма из Сталинграда политрук Николай Данилов. И Фаина Гауло писала сестре на формах, позаимствованных из амбарной книги. И письма ее, заполненные торопливо бегущими строчками, получались большие, как салфетки.

Впервые в этой книге полностью публикуются фронтовые письма Гули Королевой, переданные на хранение в музей отцом героини и ее сыном Ежиком. Ныне он инженер и живет в Киеве.

Из музейного фонда взяты в книгу письма и документы солдат Петра Харченко и Ивана Мазалова, комбрига Ивана Игнатьевича Якубовско-

го, лейтенанта Виктора Тууля, подполковника Александра Алексеевича Петрова, санинструктора Людмилы Истоминой, командира минометчиков Ивана Никитовича Арсеньева, летчика Евгения Петровича Дранищева, артиллериста Петра Товаровского и других защитников Сталинграда. Материалы из музея положены также в основу очерков о Николае Филипповиче Батюке, связистке и санинструкторе Фаине Гауло, генерале Степане Савельевиче Гурьеве, танкисте Иване Клименко. Впрочем, в музее оказалось всего три письма Ивана Ивановича к жене и несколько фронтовых документов. Пришлось обратиться к жене Клименко Марии Севостьяновне, живущей в Киеве, а потом навестить ее. У нее тоже мало осталось документов мужа, почти все она раздала в музеи. Мне она отдала почтовую открытку и записку, полученные от Ивана Ивановича с фронта. Побеседовав с нею, я понял, что писать надо о них обоих, о военных испытаниях, выпавших на их долю, об их завидной твердости духа.

Там же, в Киеве, я встретился с сестрой летчика-истребителя Бориса Гомолко — Людмилой Мефодьевной. Ее рассказы, а также письма Бориса, выписки и фотокопии, которые она передала мне, во многом помогли в работе над книгой.

С двух писем Юрия Никашина и фронтовой записной книжки его отца Дениса Павловича начались поиски материалов для очерка «Отец и сын». В музее оказался адрес подполковника в отставке Д. П. Никашина, живущего в Москве. Я написал ему, он ответил. Завязалась переписка. Денис Павлович охотно предоставил в мое распоряжение не только фронтовые письма, свои и Юрия, но и другие документы, относящиеся к периоду Сталинградской битвы, поделился воспоминаниями.

В Москве я встретился с Надеждой Михайловной Заикиной, сестрой летчика Николая Заикина. К тому времени уже удалось собрать о нем об-

ширный материал. В Юрмале, под Ригой, живет Лидия Ивановна Римлина. У нее хранилось еще одно письмо от Николая, которое она не решалась отдать в музей, считая его «сугубо личным». И все-таки после некоторых раздумий она выслала мне его копию и обстоятельно ответила на все заданные ей вопросы.

Лидия Ивановна не знала, каким образом дневник Николая Заикина попал в руки палласовских пионеров. Я съездил в Палласовку и разыскал учительницу Людмилу Петровну Родионову, которая в начале 60-х годов руководила в Палласовском Доме пионеров кружком юных следопытов. Благодаря ее инициативе и помощи и нашли пионеры дневник летчика. Потом я встретился с Марией Максимовной Тарасовой. Ее адрес прислала мне Надежда Михайловна, с которой в свою очередь заочно познакомила меня Лидия Ивановна.

Сестре летчика Заикиной Надежде Михайловне выпала лихая доля. Пережив ужасы фашистского плена и тяготы подневольного труда на чужбине, она вскоре после войны по воле злого случая потеряла мужа и маленького сына. Мужественно перенесла она удары судьбы. Оставшись одна, вся отдалась любимому делу, которое избрала себе еще девчонкой в первые дни войны. И до сих пор она работает медицинской сестрой в одной из больниц Подмосковья.

Она многое рассказала о Николае и с грустью сообщила об утере его писем, которые он посылал матери. Не было у нее и последней, лета 1942 года, фотографии брата.

— А не разыскали вы Лену Турову? Она дружила с Николаем, когда тот был в Коломне,— поинтересовалась Надежда Михайловна.

О существовании Лены Туровой я даже не знал. Надежда Михайловна всплеснула руками:

— Да ведь она же здесь, в Москве, и у нее должны быть письма от Николая. Едемте сейчас же!

Елену Викторовну мы застали дома. Нас встре-

тила веселая, приветливая, энергичная женщина. При имени Николая Заикина она молодо засветилась, засияла — велика животворная сила памяти. Многое за свою тоже нелегкую жизнь утратила Елена Викторовна, а вот четыре письма и фотографию друга сохранила. Два из них и фотографию, на которой Заикин снят в сержантской форме, будучи инструктором Качинского училища, она передала мне, как святыню.

В то время, когда я работал в фондах музея, мне показали только что полученные три письма старшего сержанта Михаила Удовиченко. Они тронули меня неторопливой рассудительностью и хозяйской, истинно крестьянской заботой автора о разоренной земле, на которой он вырос и по которой шел дорогами войны. В регистрационной карточке было сказано, что письма получены от его сестры, Марии Федоровны Школиной, был указан ее адрес: Подгорное, Воронежской области. На мой запрос Мария Федоровна тотчас же отозвалась толстым пакетом с письмами, документами и фотографиями брата. Прислала все, что долгие годы берегла и не хотела, чтобы это пропало после нее,— она осталась единственной хранительницей семейного архива. В пакет она вложила и две тетради своих воспоминаний о брате и о своей жизни в годы войны. Она долго искала могилу Михаила, погибшего у Сталинграда, но так и не нашла. Когда очерк «Письма на ту сторону фронта» был готов, Мария Федоровна приехала в Волгоград, познакомилась с материалами и уехала удовлетворенной, как человек, выполнивший, наконец, свой трудный долг. Я пообещал ей после того, как выйдет книга, передать все документы Михаила Удовиченко в Государственный архив.

Поиски фронтовых писем привели меня на Мамаев курган. В музее я нашел пять писем военного радиста младшего сержанта Александра Романовича Акулова. К письмам была приложена заметка, вырезанная из газеты «Молодой ленинец». В ней говорилось о том, что следопыты

волгоградской средней школы № 98 ведут переписку с семьей погибшего младшего сержанта, проживающей в Красноярске, что его жена и два сына в день Победы побывали в гостях у волгоградских школьников и посадили на Мамаевом кургане березку, доставленную с берегов Енисея. Я отправился в 98-ю школу. К моему огорчению, учителя, который организовал школьный музей боевой славы, я не застал. Он вышел на пенсию, и достойного продолжателя у него не нашлось. Музей захирел, документы и экспонаты его оказались без призора и уже частично потерялись. Пропала и переписка, которую вели пионеры-следопыты с Антонидой Леонидовной Акуловой. Но сохранился ее адрес. Я написал в Красноярск. Ответ не заставил себя долго ждать.

Очерк об Акулове «Растет на кургане березка» писался мучительно долго. Несколько раз я откладывал его и опять рассылал запросы. Нигде не было сведений о 1011-м артиллерийском полку, действовавшем осенью 1942 года в составе 308-й стрелковой дивизии, которая дралась в рабочем поселке завода «Баррикады». Во взводе управления этого полка служил младший сержант Акулов, погибший 15 октября 1942 года. Но при каких обстоятельствах он погиб — не было известно. Пришлось снова обратиться к фондам музея обороны. Нашлись воспоминания воинов из 308-й дивизии. Среди них оказались заметки Ивана Филипповича Хамицкого, бывшего командира радиовзвода из 39-го отдельного батальона связи, обслуживавшего в то время 308-ю дивизию. Тут же значился и его адрес. Он живет в Клетской, где много лет заведовал райфо.

Иван Филиппович незамедлительно и обстоятельно ответил на мой запрос. Описание подкрепил собственноручно нарисованной схемой действия частей дивизии. «Артиллеристы-связисты,— писал он,— обслуживали своего командира полка, находившегося на наблюдательном пункте

командира дивизии, и держали связь с артдивизионами, которые поддерживали огнем стрелковые полки и располагались на левом берегу Волги, у Красной Слободы».

При командире артполка находилась рация, обслуживал ее младший сержант Акулов. «Вы упоминаете день 15 октября,— писал далее Иван Филиппович.— Да, это памятный день, пожалуй, самый тяжелый, который за всю жизнь не забудется. В этот день штаб 308-й стрелковой дивизии находился на берегу Волги, а наблюдательный пункт командира дивизии размещался в одном из цехов завода «Баррикады». Примерно около 11 часов дня вражеская авиация разбомбила НП, и там погибло много бойцов, в том числе из нашего батальона два радиста и четыре телефониста, а также несколько разведчиков и артиллеристов. Может быть, в это время и погиб Акулов. Знаю, что там находился командир артполка и, помнится, он был ранен».

Так выяснились события последнего дня Александра Романовича Акулова. Его имя высечено на одном из символических знамен в Зале Воинской славы на Мамаевом кургане.

На Мамаевом кургане шумят целые рощицы, посаженные близкими и друзьями воинов, павших в сражении за Сталинград. Дирекцией мемориального комплекса ведется список героев, в память которых на кургане растут деревца, посаженные родными и близкими погибших. В этом списке я нашел фамилию Митяевых.

Митяевы посадили у подножия Мамаева кургана каштан в память о погибших на войне братьях Алексее, Сергее и Борисе. Значился и волгоградский адрес Митяевых. Сколько же их, Митяевых, кто они?

Адрес привел меня к старшему из пяти братьев — Михаилу Сергеевичу. У него сохранилось несколько писем от Сергея, из 62-й армии, и от Бориса — из Венгрии. Они были адресованы Любови Сергеевне, которая в годы войны служила центром связи и хранительницей военных

адресов Митяевых. Как их письма попали к Михаилу Сергеевичу — он уж не помнил.

— Может быть, у Любы что сохранилось? — предположил Михаил Сергеевич.— Надо съездить к ней.

Любовь Сергеевна по-прежнему живет в Краснооктябрьском районе, на пенсии, но врачует в больнице имени Ильича, где начинала еще до войны. Она разложила на столе весь свой архив — письма и документы, относившиеся к годам войны. И вот оно — ценное и неожиданное письмо матери, Феодоры Поликарповны, сыну Федору о ее мытарствах и страданиях осенью 1942 года. Оно стало стержневым в очерке о Митяевых.

Потом мы побывали у Федора Сергеевича и Стефании Сергеевны. С огорчением оба развели руками,— писем у них не сохранилось. И в самом деле: почти четыре десятка лет прошло...

Однако спустя несколько дней, Любовь Сергеевна позвонила мне и обрадованно сообщила:

— Стефания Сергеевна нашла у себя почти пятнадцать писем от Бориса. Приезжайте!..

В дирекции мемориального памятника-ансамбля на Мамаевом кургане мне любезно позволили полистать папки с разными письмами и отзывами. В них оказалась необыкновенная переписка с Федором Лукичом Горовенко. Там же, в папке с бумагами начала 1973 года, я неожиданно нашел письмо Ивана Павловича Дробкова. Вернее, его копию, сделанную сестрой Дробкова Марией Андреевной Утенковой. Я встретился с Марией Андреевной, живущей в Бекетовке.

Помнила Мария Андреевна, что в похоронке, которую мать хранила в узелке с бумагами (после смерти матери узелок куда-то пропал), говорилось, что Иван был в боях за Сталинград тяжело ранен и умер от ран в госпитале, в Ленинске. Сохранилось лишь одно его последнее письмо, написанное аккуратным почерком. Мария Андреевна полагала, что на символических

знаменах на Мамаевом кургане высечено вместе с другими именами защитников Сталинграда и имя ее брата. Но ни на одном знамени И. П. Дробкова не оказалось. Тогда она сняла копию с письма брата и послала в соответствующие инстанции, чтобы восстановили справедливость. Из дирекции памятника-ансамбля Марии Андреевне ответили, что Дробков Иван Павлович погибшим за Сталинград не значится. На том дело и кончилось.

Письмо Ивана Павловича я передал в музей обороны. Надо было установить, в какой дивизии, в качестве кого служил и когда был ранен Дробков. Обстоятельный ответ на мой запрос пришел из Министерства обороны. Нашлась и похоронка. Так подвиг, совершенный младшим лейтенантом Иваном Дробковым, получил документальное подтверждение.

Почти все письма, взятые из фондов музея обороны, нуждались в дополнениях, уточнениях, пояснении обстоятельств. Я стал разыскивать родных и друзей погибших воинов. Завязалась переписка. Первые ответы часто влекли за собою новые запросы. Но некоторые мои отчаянные и настойчивые запросы так и остались без ответа. Не знаю, почему.

А бывали случайные находки, вроде письма Дробкова.

Как-то выступал я на Волгоградском авторемонтном заводе. После беседы ко мне подошел секретарь партбюро Герман Васильевич Андрющенко.

— У нас сохранились письма отца, летчика бомбардировочной авиации. Он тоже участвовал в боях под Сталинградом.

Я попросил показать мне те письма. Их оказалось более трех десятков. Некоторые письма от времени так обветшали и «угасли», что прочесть их, к сожалению, было невозможно.

Сохранившиеся письма летчика Василия Андрющенко вошли в эту книгу. А вот поиски писем Лилии Литвяк остались безрезультатными.

В музее обороны хранится немало сведений о подвигах отважной летчицы. В основном, это газетные публикации военных лет. А письмо сохранилось только одно, написанное незадолго до вылета на Сталинградский фронт. Очень хотелось обогатить очерк о Литвяк хотя бы двумя-тремя ее письмами из Сталинграда. Мне дали московский адрес матери летчицы.

В Москве, на Новослободской улице нашел нужный дом. Поднялся по лестнице на третий этаж.

— Анна Васильевна Литвяк уже не живет здесь,— сказали мне.— Она умерла лет шесть назад. А ее сыну Юрию Владимировичу дали новую квартиру где-то в другом районе Москвы.

У Юрия Владимировича могли сохраниться письма сестры. Я надеялся на это и обратился в ближайший киоск Мосгорсправки. Год рождения назвал приблизительный, как следовало из единственного письма Лидии Литвяк: между 1928 и 1932 годами. Через три часа получил нерадостный ответ: «Юрий Владимирович Литвяк в Москве не проживает». Я не поверил и обратился в другой киоск. Ответ последовал тот же.

У писем, адресованных Панне Андреяновне Даньшиной, своя история. Их присутствие в этой книге вполне естественно и объяснимо. Такого рода переписка в годы войны была обычным и закономерным явлением. Тыл всеми силами помогал фронту. Женщины, подростки, старики, заменив ушедших защищать Родину от фашистского порабощения, не щадя себя трудились в заводских цехах и шахтах, на колхозных полях и фермах, обеспечивая армию всем необходимым для победы. Поддерживали воинов на фронте не только самоотверженным трудом, но и добрым словом, материнской заботой, готовностью поделиться пайком, одеждой и, если требовалось,— своей донорской кровью. На фронт со всех концов страны шли посылки: зимой — с теплой одеждой, летом — с разными другими

предметами, так необходимыми в суровом солдатском быту. Какой восторг и радость охватывали солдат, когда старшина распаковывал очередную посылку и выкладывал ее нехитрое содержимое. Ведь недаром родилась в дни войны проникновенная песня, которую пели в окопах:

Принесли мне в землянку посылку,
И повеяло теплом...

Помню, когда мы стояли в обороне на знаменитой реке Угре, под Ельней, это было летом 43-го, в полк привезли посылки. Досталась одна и нашему противотанковому артиллерийскому взводу. В мешке обнаружили два десятка аккуратных и пестро расшитых кисетов. Посылка пришла откуда-то с Урала, но письма в ней не было. Только кисеты с махоркой и курительной бумагой. Видно было, что шили и расшивали кисеты девичьи руки. На каждом красовался какой-нибудь цветок и выделялась надпись: такому-то от такой-то. Веселые девчата украсили кисеты придуманными именами, а подписали, наверно, своими собственными. Мы так и постарались распределить их «по назначению». Мне вручили кисет с ярко-голубым васильком — «Васе от Кати». Правда, на некоторых кисетах значились имена, которых во взводе не было. Их взяли ездовые, люди семейные, хозяйственные и степенные. «От дочерей вроде»,— тепло говорили они. А мы хвастались друг перед другом «именными» подарками.

Того душевного заряда нам хватило надолго. Вскоре начались бои, и мы в часы передышки, в перекурах, балагурили: «А ну-ка, насыпь из невестиного!»

Так и в дни Сталинградской битвы внимание всей страны было приковано к событиям на Волге. И каждому хотелось умножить силу защитников Сталинграда, помочь им сокрушить и отбросить вспять ненавистного врага. Одной из подвижниц патриотической помощи тыла фронту была библиотекарь из города Чапаевска Куй-

бышевской области Прасковья Андреяновна Даньшина.

Кто она, эта женщина? Как письма, адресованные ей с фронта, попали в музей обороны? На карточке, приложенной к ним, было помечено: «Получены от Коновалова П. И.» и стоял его волгоградский адрес. Я поехал, нашел дом, постучался в квартиру. Вышел хозяин и сказал, что названный гражданин тут не проживает. Выручили женщины, разговаривавшие во дворе. Они сообщили, что Павел Ильич Коновалов уже несколько лет живет в другом месте и дали его адрес.

Старый коммунист Павел Ильич давно на пенсии. Вел большую общественную работу, а в последние годы писал для внуков историю своего пролетарского рода.

— Когда собирал материал, затребовал от всех родственников сохранившиеся старые документы и фотографии,— ответил он на мой вопрос.— Тетка, родная сестра моей матери, Прасковья Андреяновна Даньшина прислала для семейной хроники два письма, полученные ею с фронта. Сняв для себя копии, я отдал их в музей. В молодости Прасковья Андреяновна учительствовала, а в годы войны и много лет после работала в детской библиотеке. Она была организатором помощи фронту на заводе, где ее муж возглавлял партийный комитет. Была мастерицей и неутомимой труженицей.

Работа над книгой свела меня с большим кругом моих сверстников, друзей и близких тех, о ком здесь рассказано. Вернувшись в прошлое, с ними вместе я пережил ожившие в памяти лихие и славные события военной юности и горечь невосполнимых утрат, и они стали моими друзьями. С их помощью, с горячим и доброжелательным их участием я написал эту книгу. Некоторые из них были моими первыми пристрастными читателями и критиками.

Я навсегда сохраню в сердце глубокую признательность Лидии Ивановне Римлиной, Надеж-

де Михайловне Заикиной, Людмиле Мефодьевне Гомолко, Марии Севостьяновне Клименко, Денису Павловичу Никашину, Марии Павловне Даниловой, Марии Федоровне Школиной, Марии Андреевне Утенковой, Федору Лукичу Горовенко, Герману Васильевичу Андрющенко, Александре Павловне и Ивану Дмитриевичу Смусевым, Михаилу, Любови, Федору Сергеевичам и Стефании Сергеевне Митяевым.

С искренней благодарностью называю также главную хранительницу фондов Волгоградского музея обороны Раису Евдокимовну Галькову, сотрудников Лору Федоровну Петрову, Людмилу Владимировну Гончаренко, Ивана Алексеевича Бормотова, помогавших мне добрым советом и участием в поисках материалов для этой книги.

Посвящая свой труд героям Сталинграда, низко склоняю голову перед их светлой, немеркнущей памятью.

СОДЕРЖАНИЕ

Юдин В. Н.

Ю16 Я никогда не умру.— Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1980,— 272 с.

В этой книге собраны письма защитников Сталинграда, которые писались порой в окопе, под бомбежкой, артобстрелом. Не много их сохранилось, тем более дорога для нас каждая строка, посланная родным и близким из огненного Сталинграда Искренние и бесхитростные, фронтовые письма говорят о беспримерном героизме, непоколебимой любви к Родине ее сынов и дочерей

Автор, сам участник Великой Отечественной войны, проделал большую работу по розыску этих бесценных треугольников, раскрытию судеб, стоящих за ними.

Ю $\frac{11202\text{-}013}{М\ 151(03)-80}$ 2—80

9 (с) 272

ББК 63.3(2)722.12

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЮДИН

Я НИКОГДА НЕ УМРУ

Редактор **Е. В. Алмазова**
Художник **В. Э. Коваль**
Худож. редактор **В. И. Волкин**
Техн. редактор **А. Г. Илларионова**
Корректор **О. И. Молоканова**

ИБ № 309

Сдано в набор 15.06 79. Подписано к печати 23.01.80. НМ 02804. Формат 84X100 1/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура журнальная рубленая. Высокая печать. Печ. физ. л. 8,5. Печ. усл. л. 13,26. Уч.-изд. л. 13,37. Тираж 50 000 Заказ № 206. Цена 75 коп.

Нижне-Волжское книжное издательство
400004. Волгоград, ул. Невская, 6
Типография издательства «Волгоградская правда»
400066. Волгоград, Привокзальная площадь

75 к.

В. Н. ЮДИН

Я НИКОГДА НЕ УМРУ

